

МОНОМАХ

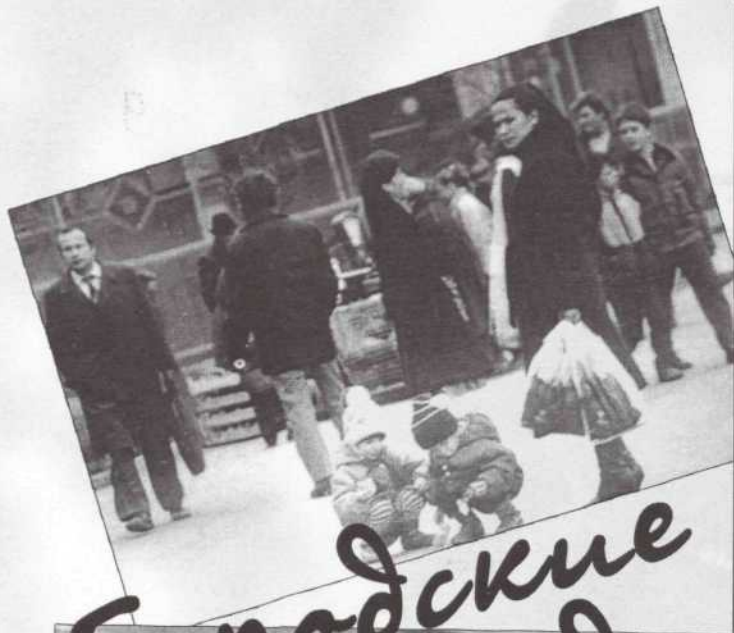
№3 (34) 2003

355 лет Ульяновску

*Ты принял меня, как отец,
С любовью и нежностью сердца.
Сиренью цветущий Венец
Увидел во мне одноверца.
Тебя я узнала во сне
Еще до приезда-прибытья.
И ты ежечасно во мне
Свершаешь живые открытья.
Меня напоил ты росой
И чистым березовым соком,
Своей первозданной красой
И сказом о люде высоком.
Стремлюсь, чтобы каждый мой миг
Созвучен был ритму Симбирска.
Ты Волгой мне в сердце проник,
Сияньем рассветного диска.
Хочу, помогая тебе,
Исполнить свой долг без изъянов.
Спасительный ветер в судьбе,
Белеющий парус – Ульяновск!*

Елена Токарчук

Городские этюды

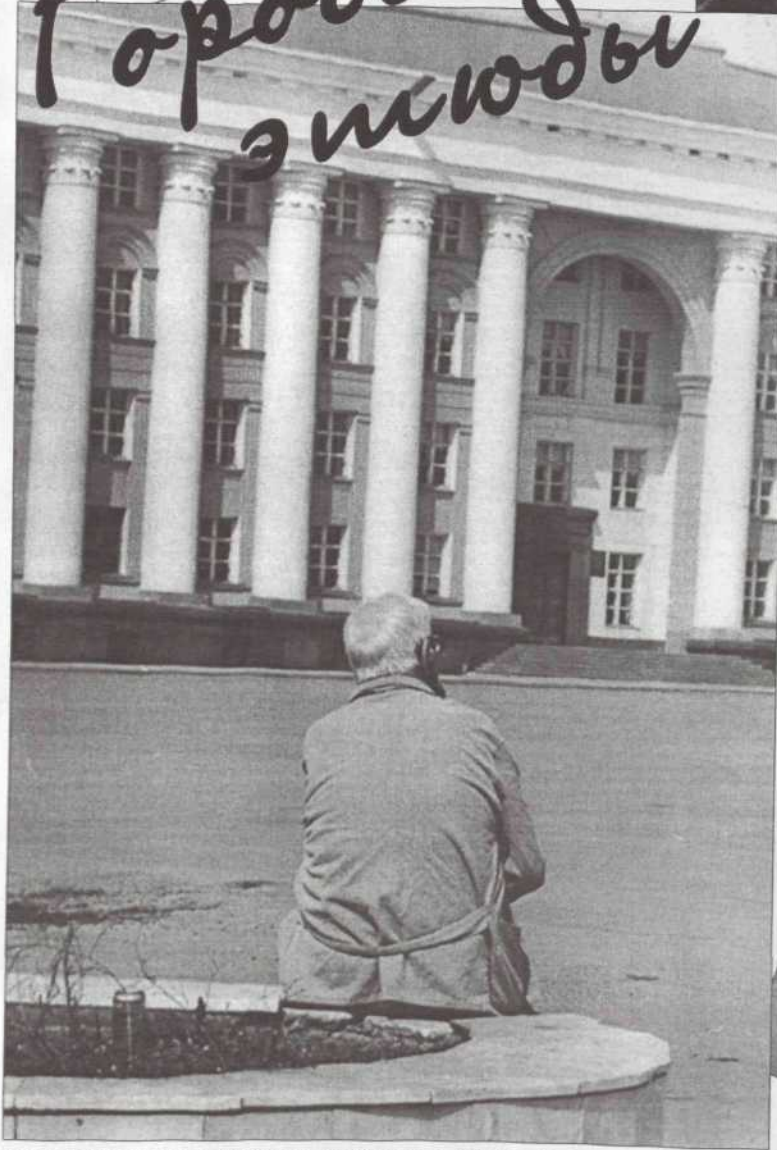

Фото В. Никитина, В. Королева, Л. Мавриной, Ю. Изидова

Потаенное слово о граде

Симбирск – Ульяновск. Два слова и одна большая 355-летняя история... Один город на просторах огромной страны, улицы, дома и память которого вобрали в себя судьбы десятков и сотен тысяч людей, родившихся, приехавших и проживших здесь много-много лет. Город, который они считают своей родиной, отчим своим краем. Тем местом на Земле, где они, а точнее, мы! – находим отдохновение своей душе, где чувствуем себя дома.

Конечно, Богдан Хитрово «со товарищи» не могли и предположить, каким станет их Симбирск спустя три с половиной столетия. Впрочем, точно так же, как не сможем и мы представить себе наш город, спустя ещё такой же срок. Можем пофантазировать, помечтать, но он все равно будет другим. И не так важно, больше он станет или меньше, какой высоты и какой степени комфортности будут в нем дома, главное, чего хочется: чтобы он был для новых поколений родным и тёплым домом, чтобы он стал умнее, добрее, человечнее и прекраснее.

Собственно, наш Ульяновск и сейчас заслуживает самых восторженных и нетривиальных слов. Нужно только уметь и хотеть разглядеть эту его особость и красоту. Расположенный на высоком холме, в междуречье трех рек, в окружении уравновешенной роскоши среднерусской природы, он на самом деле подобен драгоценной короне, венчающей собой созидательные устремления живущего здесь народа. За прошедшие века он успел многое: и обустроить для нормальной цивилизованной жизни бывшее «дикое поле», и взрастить могучие умы, обогатившие российскую науку и культуру, и возвести индустриальные гиганты, подвиги Авиастану, да и просто стать пространством жизни для нас, его детей.

И мы здесь живем. В разные эпохи по-разному. Были времена, когда жизнь кипела в районе трех-четырех сегодняшних улиц, а люди страдали от бесчисленных страшных пожаров, тонули в непролазной уличной хляби. Но город им все равно нравился, и они не жалели сил своих, чтобы сделать его благоустроеннее, краше, гостеприимнее. И это у них получалось: появились каменные строения, да не просто тяп-ляп построенные, а по проектам известных и талантливых архитекторов. Следовательно, наши предки симбиряне думали не только об утилитарном, но и о возвышенном, духовном. Созидали храмы, устанавливали подслеповатые газовые уличные фонари, устраивали водопровод, мечтали о городском трамвае – и всё это ради города, ради жизни, ради себя и своих детей.

Да, наш город никогда не ходил в лидерах державных новаций, не был законодателем политических мод. Скорее, он всегда был склонен к провинциальной мечтательности, к раздумчивому консерватизму, когда прежде чем отрезать, требуется отмерить, и, порой, не только семь раз. За

это, наверное, Иван Александрович Гончаров и породнил нас с Обломовым. Плохо это или хорошо – это разговор другой. Ну а мы есть такие, какие есть... Именно такими, думается, мы и ценны для России.

Но не всем суждено провести свои дни под благословенным нашим небом. Многие, подобно корпускулам плодотворной волжской мысли и воли, разлетелись по всей матушке России, по всему миру. И было бы неправдой сказать, что всем им там плохо живется. В мире много мест и побогаче, и попрестижней, где поболее есть простора развернуть им свои таланты. Но свой город они все равно помнят, любят, и, даже не признаваясь в этом себе, тоскуют и мечтают приехать сюда хотя бы еще разок, хотя бы только для того, чтобы бросить с высокого Венца восторженный взгляд свой на бескрайнюю волжскую ширь, имя которой – Родина.

А о чем мечтаем, чем живём мы, те, кто обитает в нашем городе сегодня, в самом начале третьего тысячелетия?...

Заплутались в трех соснах демократии. Спорим, ссоримся, враждуем, друг друга клеймим, голосуем, всех выбираем, а жить становится все труднее. Город же наш, покрываясь всё больше коростой грязи и мусора, обессилено подмаргивая редкими ночными фонарями год от года тускнеет и меркнет. Жители же его (да-да, это про нас), словно эпидемией, поражены комплексом собственной неполноценности и острой завистью к городам более удачливым. С кем ни поговоришь, то и дело слышатся ахи и вздохи: «В Самаре лучше...», в Москве богаче... там-то вообще благодать...» Что на это сказать? Тьфу... честное слово! Может, и лучше, может, и богаче, но ведь ещё никто и нигде не стал счастливее и богаче, основывая свою судьбу на расслабляющей и деморализующей зависти, не подкрепленной упругой энергией созидания. Между тем, наверное, любой из нас знает, что изменить жизнь к лучшему могут только наши разум, культура, воля и напряжённый труд. А вот этого-то, да ещё прагматизма, равнодушия и деловитости нам пока, в том числе и в год 355-летия нашего города, как раз и не хватает. А они нужны – и от нас, и от властей предрержащих, а от последних-то, пожалуй, и более всего. Как ни крути, а голова она и есть голова, пока умно не помыслит да ладно не организует, не будет проку ни от какого дела, и уж тем более – от благих мечтаний.

...А город наш всё ещё красив, всё ещё мечтает о новом своём расцвете. Но расцвести, заиграть новыми красками, во всю ширь улыбнуться людям он сможет только в том случае, если созидание будет опережать его увядание и старение.

Кто же и когда возьмётся за это трудное дело созидания нашего родного города?

Вячеслав Егоров

С днем рождения, Ульяновск!

*Живи, процветай, мой город!
Расти детей, открывай таланты,
гордись заслугами сынов своих!
Обрастай домами, парками, садами,
славься великими, добрыми делами,
подвигами духовными во все века!*

Когда же основан Симбирск?

Годом образования крепости Симбирск на правом берегу Волги считается год 1648-й. Между тем, по некоторым сведениям, город существовал задолго до этой официальной даты.

Еще в XIX веке археологами на Северном Венце были раскопаны обширные мордовские и булгарские кладбища. На левом берегу Волги, между селами Крестово-Городище и Кайбелы были хорошо видны остатки Симбирского городища. Земельные описания «писцовых книг» конца XVII столетия фиксируют то самое городище. Недавно древние захоронения случайно обнаружили и на территории автозавода. Это говорит о том, что на месте города ранее существовали поселения.

Обратим внимание на топонимы: Симбирская гора, речка Симбирка, Симбирское городище. Мысленно соединим эти объекты. Появляется такой треугольник. Если название города происходит от языков местных жителей («синбурнас», «сюонбир» и т.д.), то почему городище, стоявшее на значительном расстоянии от Симбирской горы, называлось «Симбирским»?

На мой взгляд, легенда о князе Синбире (или Симбире), который якобы основал городище на левом берегу Волги, и сведения об «одиоchnой гробнице» непосредственно связаны между собой. Конечно, нельзя со всей серьезностью рассматривать предание как факт, имевший место. Сведений о легендарном князе Синбире мы не найдем ни в одном письменном источнике. Однако, может быть, в предании есть некоторая доля истины...

Голштинец Адам Олеарий, путешествовавший в Персию через Россию в 1636 году, оставил очень интересное описание Поволжья. «21-го с.м. (августа - А.Л.) мы оставили по правую сторону от нас два веселых места, на которых будто бы раньше находились города; наиболее дальний из них называется Симбирская гора. Говорят, их разрушил Тамерлан... Там и сям видны были знаки и следы стоявших тут некогда городов и деревень, которые все были разрушены во время войн Тамерланом». Итак, А. Олеарий сам слышал сказания о Тамерлане и сам видел следы городов. Дело в том, что в июне-июле 1391 года, после битвы на реке Кондурче с ханом Тохтамышем, войска Тимура (Тамерлана) в течение 26 дней опустошали Поволжье, грабили и сравнивали с землей целые города. Город Симбирская гора был сожжен. После опустошения возродиться он уже не смог. На месте города остались только небольшие деревушки. В «Строельной книге» Симбирска

второй половины XVII века засвидетельствовано, что на северной окраине, в месте «колки», еще во времена постройки города находилось старое городище, от которого шел вал к Симбирке. Этот вал был, по-видимому, остатком укреплений прежнего города.

Итак, судя по всему, сведения А. Олеария отличаются достаточно высокой степенью достоверности. Но посмотрим на карту путешествия, выполненную картографом. Так как в русском переводе она отсутствует, для этого откроем экземпляр редкой книги издания 1647 года, хранящийся в отделе «Rossica» Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Там «Simbirskaja gora» расположена на левом берегу Волги. Художник здесь допустил очевидную ошибку. Фразу «по правую сторону» от Волги он воспринял как правую сторону от себя, не учитывая тот факт, что Волга течет с севера на юг, а не наоборот, и поэтому нарисовал Симбирскую гору по правую руку.

Итак, становится ясным, что город на горе существовал еще в XIV веке. Теперь перейдем к вопросу происхождения названия города.

По обычаю булгар, могилы знаменитых людей ставились на высоких местах, чтобы их лучше видели люди. В далекие времена на правом берегу Волги существовали подобные могилы, вокруг которых образовывались города. Откроем опять А. Олеария: «...мы пришли к зеленому веселому месту, где в давние времена стоял татарский город по имени Ундеровская (Ундровская - А.Л.) гора. Здесь, говорят, похоронен знатный татарин, которого они считают святым, и к его могиле часто отправляются помолиться живущие вокруг татары». Обычай, вероятно, перешел от булгар к татарам. Местность, где хоронили знатного человека, называли по его имени. Отметим, что для европейца того времени все тюркоязычные народы были «татарами».

Если город Ундровская гора был основан на могиле «правовверного Ундера», то, возможно, город Симбирская гора также основан на могиле некоего знатного мужа Симбира. Вероятно, жил он на левом берегу в своем городке, а когда скончался, то местные жители, дабы увековечить его память, перенесли останки на самое высокое место на правом берегу Волги. Таким образом, по моей версии, название «Симбирск» город получил от места захоронения некоего князя Симбира, и основан город на этой горе был еще до 1391 года древними булгарами.

Алексей Лобин

Надежная опора

В свое время П.Л. Мартынов собрал все известные в конце XIX века разрозненные источники по истории основания Симбирска, что позволило ему сделать вывод о том, что город был основан в 1648 году окольным Б.М. Хитрово. Однако остались невыясненными некоторые аспекты: точная дата основания, характер первоначальной застройки и раннее заселение города.

К середине XVII века в России действовали три свода законов о городах, один из которых назывался «Чин и воследование основания города» и регламентировал исключительно строительство. Существовала прочная традиция закладки городов, которая также производилась по царскому указу и различным гра-

мотам. За ходом работ следили Дума и соответствующий приказ, чаще всего Разрядный.

Заранее определялось время основания города. В намеченный день проводились молебны, освящение места и крестный ход. И этот акт имел юридический характер. Так что при определении точной даты основания Симбирска следует исходить не из современных представлений, а из законов и традиций того времени.

До реформ Петра I российские города строились по типовым планам, реализация которых варьировалась в зависимости от расположения города в конкретном ландшафте. После планировки начиналось организованное строительство.

рис. Л. Нецветаева

Одновременно с городом закладывалась и соборная (главная) церковь. Название церкви в соответствии с церковным уставом соответствовало дню основания города по календарю православных праздников. Например, Свяжск был основан в начале зимы, поэтому и соборная церковь получила название Рождественской. Елец был основан весной, и соборная церковь этого города называлась Вознесенской. Известно, что первая соборная церковь Симбирска называлась Троицкой. Следовательно, город был основан в праздник Троицы. В 1648 году этот переходящий праздник приходился на 21 мая по православному календарю, что соответствует 31 мая по современному гражданскому. Именно этот день и следует считать днем основания Симбирска.

По сложившейся традиции города в России строили их будущие воеводы. Известно, что строителем Симбирска в качестве воеводы был назначен Б.М. Хитрово, что он действительно руководил этим строительством в 1648 году.

В соответствии с церковным уставом уже в марте был готов напестольный крест будущей соборной церкви – хранитель «града и собора», т.е. города и его прихода. Крест предстояло использовать в день основания города, а впоследствии в соборной церкви, во время крестных ходов. После завершения строительства соборной церкви напестольный крест должен был находиться в ней.

Хитрово не только руководил закладкой Симбирска, но и должен был налаживать само строительство, а стольник Камынин как нижестоящее должностное лицо заканчивал начатое дело. Как тогда было принято, одновременно строились кремль с воеводской избой и соборной церковью, посад с укрепленной стеной и острогом, два пригородных монастыря к югу и востоку от основного укрепления (наиболее опасные направления) и две слободы, у Волги и Свяги. Известно, что И.Б. Камынин строил не только Симбирск, но и прилегавшие к нему слободы. Возникла именно та система поселений, которая известна по относительно поздним источникам.

В 1649 году в Симбирске уже действовала воеводская власть. Следовательно, город был построен целиком примерно за один год.

Новые города и окрестные поселения в то время также заселялись организованно, государством. Из различных мест по разнарядке набирались дворяне и дети боярские со своими холопами, священники и стрельцы, казаки, купцы и посадские люди, черносошные крестьяне и ясачные люди. Переселенцам под самозастройку выделялись заранее спланированные земельные участки. Из казны выдавались «селитбенные» деньги и хлебное жалованье.

В Симбирск были направлены дворяне и дети боярские из Алатыря, Арзамаса, Козьмодемьянска, Курмыша, Свяжска и Яранска... Слободы и первые села к северу от засечной черты заселялись черносошными крестьянами из Среднего Поволжья. Симбирск, как и другие новые города, обживался сразу во всех своих частях и в связанных с ним пригородных поселениях.

В России практика государственного строительства новых городов имела многовековую традицию. Путем проб и ошибок был накоплен богатый опыт. С начала XVII века широко строились надежные, устойчивые в социальном отношении крепости, не особенно обременительные для казны, находящиеся на самообеспечении.

Симбирск с самого начала был экономическим, культурным и политическим центром. В дальнейшем многое зависело от социально-географического положения города, а также и от развития общественной ситуации в Среднем Поволжье. Как показало время, положение города оказалось очень выгодным. Симбирск находился на стыке двух важных транспортных путей, Волги и засечной черты, примерно на середине пути из Казани в Самару. Такое расположение диктовалось военно-стратегическими соображениями – речному флоту и сухопутному войску было удобно передвигаться, периодически устраивая стоянки. Это оказалось также выгодным и для торговых целей. Кроме того, вдоль засечной черты и к северу от нее под защитой укреплений также можно было перевозить грузы. Все это притягивало людей в город и его окрестности, создавало объективные условия для роста численности населения, для возникновения новых сел и деревень.

Весьма значительным событием в плане перспективы города стало и поражение повстанческих войск С.Т. Разина под Симбирском в 1670 году. Гарнизон и население города проявили себя как надежная опора власти. Это стимулировало государственную поддержку Симбирска.

Уже во второй половине XVII века в Симбирске сложились гончарное и мукомольное ремесла, винокуренное. Эти отрасли представляли собой производство потребительских товаров. Они были непосредственно связаны с обеспечением гарнизона и всех горожан.

Священнослужители соборной церкви способствовали идеологическому единству населения. Симбирск не захирел, как случалось иногда с некоторыми новыми, да и старыми городами. Изначальное положение и развитие территориальных связей способствовали его возвышению как уездного центра в Среднем Поволжье. При этом именно государственная организация основания Симбирска во многом определила его дальнейшую судьбу.

Юрий Мельников

Каждый любит свой город по-своему. Кто-то сетует, что утрачен исторический облик Симбирска, кто-то собирает предметы старины, а кое-кто садится за роман. Так жительница Ульяновска, наша постоянная читательница Валентина Васильевна Латанова несколько лет назад всерьез увлеклась изучением истории Симбирского края и теперь приступила к созданию эпического произведения об освоении этих земель Российским государством. Предлагаем нашим читателям познакомиться с первой главой романа Валентины Латановой «Укажи мне пути Твои».

Иван - брат названный

*«Что хвалишься злодейством сильный?
Милость Божия всегда со мной».*

Пс. Давида

Боярин лежал в горнице, в углу под образами, и трудно дышал. Был он ещё не совсем стар, но грузен и хвор сердцем. Сейчас он мало походил на себя самого, парадного и строгого. Волосы на лбу слиплись, светлая небольшая окладистая борода спуталась кольцами, влажная шёлковая рубаха местами клеилась к телу. Его колпак-«мурмолка» и сшитый из дорогой парчи кафтан-«ферязь» валялись на лавке напротив, видимо, снятые в спешке. Высокий воротник-«козырь» касался пола, застланного чистыми домоткаными крестьянскими половиками. На пол же соскользнул атласный кушак. А расписные сапоги на каблучках с загнутыми носами боярин снять с себя не позволил. Ему стало худо.

Время от времени он прижимал свою руку к груди, хмурился и замирал, прислушиваясь к боли, потом переводил взгляд на говорившего, пытаясь уловить смысл

слов. Перед ним стоял Вильгельм, командир стрельцов с докладом. Он плохо говорил по-русски. И боярин Лука Евсеич, потеряв терпение, приказал звать Фёдора. Позвали быстро.

Фёдор вошёл, немного помедлил, отыскал в полумраке взглядом хозяина, спохватился, сорвал с головы острверхую шапку, отвесил поклон.

За столиком сидел лекарь Карл Иванович. Седой, худой и горбоносый, он по-птичьи, набок, повернул свою маленькую голову на тонкой шее навстречу вошедшему. Пахло лекарством.

Командир не шелохнулся. Мундир подпирал его побагровевшие щеки, наполовину прикрытые рыжеватыми торчащими усами. Он чувствовал себя виноватым. Они только что чудом избежали гибели, попав в засаду. Дозорный отряд кочевников напал на обоз при повороте дороги на лесную просе-

ку, в конце которой в поздних летних сумерках просматривался спасительный силуэт и огни Воскресенского монастыря. Путники укрылись за воротами обители, с готовностью распахнутыми монахами. Но не все. И теперь подсчитывали потери.

- Какова твоя сказка, что поведаешь? Говори! - обратился боярин к Фёдору.

- Последние две телеги захватили, людей, должно, - в полон. А здесь четверо убитых и трое раненых.

- Кто?

Фёдор назвал, потом добавил:

- Иван там был, брат названный мой. Хочу разведать, что с ним, да ворота заперты, стража не выпускает.

- Теперь уж до рассвета! - строго сказал боярин. - Держать ухо остро надобно. Паче всего боюсь, силы большие подступят. Мал монастырь-то.

- Воля Ваша. Только дозволю, боярин, слово молвить.

Лука Евсеич нахмурился, помолчал, подавляя гнев на возражавшего слугу. А тот продолжал:

- Коли раненые там - до утра кровью изойдут. Опять же - волки. Попытаться бы! Я тихо пройду. И опять же, что вокруг разведую, - потупившись, настаивал Фёдор.

- Один не ходи. Стрельца возьми, - вымолвил наконец Лука Евсеич, отпуская упрянца.

Тот помедлил, высматривая кого-то в тёмных углах горницы. Боярин понял, нехотя бросил:

- За мальчика не тревожься. Скажу - доглядят.

Вильгельм во время разговора молчал. Только при упоминании «стрельца» встрепетнулся, пытался что-то сказать. Но боярин нетерпеливо махнул рукой.

- Иди!

Ещё со времени основания этой крепости окольным Богданом Матвеевичем Хитрово повелось, что воеводы, дворяне, дети боярские, служилые солдаты, казаки, пушкары, тягловые лошадишки из многих городов помогали возводить «рубленный град». Потому и указ царя Алексея Михайловича был. Не забывает государь Симбирск. Вот и они привезли с собой царский подарок – колокола для храмов. «Мог бы воевода как следует расстараться с охраной», - подосадовал Лука Евсеич. Его мысли унеслись вдруг в прошлое, когда он впервые встретился с Богданом Хитрово в г. Темникове. Воеводой там Богдан Матвеевич поставлен был.

«Вот уж воевода так воевода! Не чета некоторым. Да когда это было? Точно, в лето 1646, - припомнил Лука. - Строг, любил порядок во всём, но милосерден. А уж умён-то да образован, знал латынь и польский. Жаль, что не сошёлся тогда с ним поближе: по повелению батюшки-царя забрали его засечные черты строить для «бережения от татарских походов» и разбойников-казаков. Сноровист оказался Хитрово. Дивно, сколь за два года соорудил: ближнюю к нам - Керенскую, от неё - к Суре, меж реками Барыш и Сура крепость Карсун возвел, а от Барыша к Волге пошёл. Государь доволен был. Наградил щедро: «за Керенскую службу, да за Карсунскую службу, за городовые и засечные строения» пожаловал Хитрово в окольных. Да к тому же ещё 300 четей земли да казны дал. И то - по заслугам! Трудно много было. От весны до зимы рвы копали глубокие, до восьми метров, валы насыпали, укрепляли ящиками с землёй да частоколом из дубовых брёвен, и так - на сотни вёрст. На одном Карсунском участке трудилось более трёх тысяч человек. И сам воевода - весь в трудах, себя не жалея, для Русского государства зело старался. По заслугам в гору пошёл. Симбирск-то сам не более года строил, потом - Челобитный и Земской московские приказы, послом в Польшу, затем в войнах противу Польши и Швеции участвовал. Теперь уж Оружейный приказ в Москве возгласил.

Да, привёл Господь потрудиться вместе с Богданом Матвеевичем на строительстве города Симбирска, в лето 1648. Он-то прибыл в эти места в конце февраля, а мы чуть позже, с обозом от арзамасского вое-

воды Льва Травина. Дни те чудные были, дела радостные, мечты о будущей крепости, разговоры с Богданом Матвеевичем в часы вечерние долгие, для ума и сердца полезные. На горе Симбирской высокой, что облюбовал Хитрово, сперва надо было лес выкорчевать. Пришлось жить в старом подгорном посёлке рыбаков, прямо на берегу Волги. Ну и рыбицы тогда было!..» - на этой приятной мысли задремал наш боярин Лука Евсеич. И привиделся ему сон, будто бы он вновь в том времени оказался...

Сидит с рыбаками на волжском мартовском льду, у проруби. Сам он крепок, и стать вся ещё при нём, хвори нет в теле. Закидывает он уду и вытаскивает большую стерлядь. Потрошит её тут же, на льду, затем достаёт из рыбины воздушный пузырь и варит из него клей. Вдруг появляется бородатый мужик разбойничьего вида, тянет свои ручищи к бурлящему котелку и хрипит простуженным голосом: «Боярин, севирюжьего ещё пузыря добавь, севирюжьего. Клей крепче будет!» А рыбица вдруг изгибается, приподнимает голову и говорит: «Не боярское это дело - клей варить. Слышишь, боярин? Боярин...».

Тут Лука Евсеич открыл глаза и увидел склонившегося над ним лекаря. Обеспокоенный тишиной, Карл Иванович попытался узнать, не худо ли хозяину, почему надолго замолчал.

А боярин сел на постели и молвил нечто непонятное: «Клею рыбьего нужно. Не забыть. Отменный тут был и много, до 2000 пуд в год. Думаю, и теперь...». Потом помолчал и, простясь окончательно со сном, спросил про Фёдора.

А Фёдор после разговора с Лукой Евсеичем дождался во дворе монастыря Вильгельма. Угодничья маска быстро слетела с лица немца, теперь он смотрел с брезгливой усмешкой на боярского слугу, чего не мог делать в присутствии самого боярина, потому что знал, что перед ним не простой холоп, а человек, спасший на охоте на медведя жизнь своему хозяину. С тех пор Лука Евсеич старался относиться к Фёдору по-христиански, хотя и не всегда это у него получалось. Слаб человек в борьбе с самим собою. Да и узелок крепкий между ними завязался. Не вдруг распутаешь. Ну, этого уже Вильгельм не знал.

У ворот подошёл к ним моло-

дой монах, тёмный и худой. Чернец обратился к нему, а не к стрельцам. Не доверял он где-то «во глубине души своея» иноземцам, хоть и были они на службе царской. Тихо о чём-то поговорили (можно было уловить лишь «старец Феодосий»), после чего монах, не поднимая глаз, сказал:

- Мне к старцу надобно.

Вернулся скоро, промолвил:

- Отец Феодосий благословил за ворота только Фёдора.

Не обращая внимания на оторопевшего Вильгельма и оградившего стрельца, повёл разведчика в сторону, куда-то в темноту, внутрь двора только ему ведомыми путями. Фёдор шёл, постоянно спотыкаясь и натываясь на что-то. Вошли в помещение храма через боковую дверь. Евграф, так звали монаха, погребел в углу, отодвигая тяжёлый ларь, потом зажег свечу. Храм освещался только одной негасимой лампадкой у иконы Савватия и Зосимы, соловещких святых. Монах прикрыл огонь ладошкой, кивнул Фёдору, и они стали спускаться вниз по каменным ступенькам лестницы. Пахло прелой сыростью. Подземный ход был узкий. Шли пригнувшись. Колблещеся пламя свечи в руках чернеца высвечивало время от времени кусок потолка или почерневшие доски стен. Кое-где просачивались струйки песка из щелей. Дышать было всё труднее. Фёдору стало казаться, что они уже никогда не выйдут из этого длинного склепа. Наконец, Евграф осторожно приоткрыл выход. В первое мгновение оба замерли, втягивая в себя свежую струйку воздуха. С трудом Фёдор выбрался из лаза и только распрямился, как кто-то метнулся сверху на него, он отпрянул, невольно схватил рукой засопозже. Рядом свалилось что-то грузное, тёмное, не различимое в ночи. Потом «это» шарахнулось в сторону, как бы так же испугавшись. И равномерно зашуршало в зарослях, удаляясь вниз по оврагу.

Фёдор вздохнул с облегчением, по звукам он понял, что это лось.

Оправился от испуга и монах, он перекрестился сам, в спину перекрестил разведчика, громким шёпотом напутствовал:

- Ну, с Богом! - и дрожащими руками стал изнутри заделывать лаз.

Потом ещё постоял, прислушиваясь, нет ли чужих звуков извне, вздохнул и отправился в обратный путь.

А Фёдор осматривался, пользуясь кратким светом луны, выглянувшей из-за туч, куда вывел его подземный ход. Монастырь остался далеко за спиной. Над ним возвышался могучий развесистый дуб, корни которого поддерживали землю от обрушения. Именно здесь, в выемке, был замаскирован выход из подземелья. Сразу слева начинался глубокий овраг, со дна его доносилось журчание воды. Это родник скатывался ручьём навстречу Волге.

- Так вот куда стремился лось — на водопой! Ведь ночь в лесу — время охоты и водопоя. До Волги далеко ещё, под горой лугами бежать надо. Опасно. А здесь — родник рядом, в зарослях, — подумал Фёдор.

Он вырос среди лесов, чувствовал себя здесь уверенно, и даже ночью лес не был ему враждебен. Оставшись сиротой после очередного разорения кочевниками Темниковского уезда, воспитывался Фёдор в сиротском приюте при женском монастыре. Родителей не мог помнить, слишком мал был. Подросток — занялся охотой, добывая пропитание. Монастырь был бедный, разорённый. Но детей не бросали.

Везло Федорке на людей, а, может быть, слезы матери-полюнянки, её горячие молитвы к Богу о спасении сына, которого она не успела выхватить из колыбели, бергели его?

Наша годовалого Федорку игуменя Василю из ближнего монастыря. Когда-то схожее горе — гибель мужа и младенца-сыночка во время набега — привело её в обитель. С тех пор за правило взяла, благословившись у старца из пустыньки, — обходить пепелища после набегов, подбирать детей. Вместо матери стала Феде. Через несколько лет судьба свела его в охотничьей сторожке с дядькой Силантием. От него-то подросток выучился важной грамоте — хорошо читать книгу жизни природы...

Из кустов слышалось отфыр-

кивание, лось напился, успокоился. Сейчас он уже не чувствовал во встречном человеке врага. Фёдор осторожно начал подниматься вверх по оврагу. И скоро оказался на высокой площадке горы. И замер. Здесь при свете луны как откровение явилась ему единая панорама звёздного неба и земли, вошла в его душу, заморозила, и он вдруг сердцем понял некую значительную Тайну. Он, и небеса, и земля, и река внизу, и темнеющие на другом берегу горы, покрытые лесом, — были сейчас едины. Фёдор не мог выделить себя из этого прекрасного мира, созданного Творцом, и не хотел возвращаться в мир разрушения, зла, вражды и горя, сострепанный руками людей.

Фёдор подумал: «Наверное, в такие минуты лунного безмолвия вся земля тихо молится Богу».

В памяти вдруг всплыл дорогой сердцу образ матушки Василисы, читающей им, малым детям, благодарственные молитвы Создателю. Она учила их любви и прощению. Без этого трудно выжить на земле и невозможно спастись в мире ином.

Эти воспоминания вернули его к реальности. Он посмотрел на юг, пробежал глазами по поверхности реки, блестевшей под луной, нет ли там струг с казачьими шайками или конных отрядов кочевников на берегах. За северную, казанскую сторону сейчас не очень беспокоился. В ближних татарских селениях было спокойно, присягу русскому царю соблюдали, да и народ тут был бедным, сами страдали от войн и грабежей. Даже строить крепость Синбирск помогали.

«Хотя всякое бывало, — вздохнул вслед своим мыслям Фёдор. — Попробуй, разберись, кто был во вчерашних налётчиках».

Фёдор поднялся лесом выше на гору, ловко взобрался на сосну и стал напряжённо всматриваться на запад. Так и есть! Огни кочевья переместились сюда. Далеко видны в лугах за Свягой. Кто они? Может быть, снова башкиры? Сколько уж раз подступали к Синбирску, слободы разоряли.

Нет, бедную пустынь монастырскую разорять не пойдут. Похоже, на Синбирск или Самару целятся.

Он слез с дерева и поспешил в сторону монастыря. Но к просеке, где разыгралась вечером драма, подошёл осторожно. Остановился в кустарниках, с болью вглядываясь

на перевёрнутые телеги, трупы людей, павшую лошадь. Прислушался. Стонов не слышать. Ивана здесь не было. Неужели полон?

Поднялся ветер, нагоняя облака. Луна то скрывалась, то вновь появлялась. Вдруг, когда всё погрузилось во тьму, на просеке раздался шум, возня. Волк! — пронеслось в голове у Фёдора.

Кто-то грузно вывалился из телеги, отбросив дерюжку, и метнулся в лес, в противоположную сторону. По топоту ног понял: человек. Раненый? Но почему не к своим? Дивно...

В два прыжка Фёдор перемахнул просеку, затаился. Выстрела в спину не последовало. Значит, один. Снова прислушался, определяя направление убежавшего. Начал преследование. Двигался без шума, по-охотничьи. Идти долго не пришлось. Неизвестный спустился к берегу реки. Из темноты послышалось ржание коня, потом удаляющийся галоп в сторону Синбирска. Ночная темень не позволила разглядеть, один ли всадник был на лошади, или кого перекинул поперёк седла.

Уже не таясь, Фёдор быстро возвратился на просеку. Случай вывел его ниже того места, где находились перевёрнутые телеги. Он шёл и скорбел душой о своём друге, вернее сказать, брате Иване. Неожиданно Фёдор наткнулся на что-то мягкое, потерял равновесие, чуть не упал, ткнулся руками в распротёртое тело. «Иван! — обрадовался и внутренне сжался. — Живой? Неживой?» Одна рука Ивана была затянута в аркан кочевника и вытянута над головой, нога подвёрнута. Фёдор припал к груди брата, к его мокрому и липкому кафтану, затаил дыхание и уловил откуда-то из глубины всплывающие время от времени слабые удары сердца. Радость жаркой волной захлестнула Фёдора. Губы его забормотали, кажется, сами по себе: «Ваня! Брат мой! Спасу тебя, спасу! Ты только держись!» И тут недалеко раздался леденящий душу вой. Волки! Медлить нельзя. Дрожащими руками приготовил пистоль, взвалил кое-как на себя Ивана и попытался бежать, но силы быстро оставили его. Возросшее чувство опасности заставило Фёдора остановиться, он опустил раненого на землю, оглянулся. По горящим из темноты глазам понял, что волки обходят полукругом. Надо действовать, пока не

взяли в кольцо. Выстрелил, отпугивая, несколько раз, снова взвалил на себя друга и побежал.

А вот и телега, и павшая лошадь. Волки сейчас займутся ей. Останавливаться нельзя. Вперёд, ещё шаг, ещё... В голове нет никаких мыслей, только «вперёд!». Фёдор споткнулся. Падая, успел заметить бегущих навстречу стрельцов и Евграфа. Это он, возвратившись подземным ходом в обитель, взобрался на стену, где находились защитники монастыря, и добровольно дежурил, передвигаясь от башни к башне, ожидая возвращения Фёдора. Евграф и подвинул стрельцов поспешить на помощь, когда все услышали выстрелы. Быстро подхватили на руки Ивана, помогли встать Фёдору. Он побрел за стрельцами, повторяя: «Волки у телег, прогнать надобно. Там убиенные лежат. Предать земле обязаны... волки у телег...». Его услышал Евграф. Волков прогнали, убитых подобрали и понесли на отпевание в монастырь. Все делали торопливо.

Раненого Ивана внесли во двор монастыря. У ворот их встречал лекарь Карл Иванович, тоже немец, но доброй души человек. Тут же был Вильгельм. Он скривился: вместо пропавших стрельцов принесли раненого холопа Ивана. «Кому такая честь?» - бросил озлобленно.

Стрельцы замешкались, глядя на командира, но Карл Иванович строго крикнул Вильгельму по-немецки высоким старческим фальцетом. Добросовестный старик всё ещё помнил клятву Гиппократу, данную еще в университете, в своём «фатерланде», поэтому, повернув голову к остановившимся стрельцам, решительно скомандовал: «Несите! Фозле раненых я командир!». Но стрельцы вопросительно смотрели

на Вильгельма. Тогда Фёдор сделал то, чего не позволял себе раньше: вскочив на крыльцо, с угрозой в голосе произнёс:

- Прикажи нести! Не то боярину сейчас челом буду бить.

Наёмник махнул рукой стрельцам. Спустя несколько минут Иван уже лежал в келье монаха Авраамия, который быстро, но без внутренней суеты, смиренно шепча молитвы, выполнял все распоряжения лекаря...

Так, в тревоге, прошёл остаток ночи. Фёдор сидел у двери, внутрь не пускали. Решалась судьба брата. Фёдор горячо просил Бога оставить Ивана в живых, а в самый напряжённый момент начал звать к уже ушедшей игуменье, которая всегда была ему надёжной опорой во всех бедах.

- Матушка Василиса, ты на небесах ближе к Богу, прошу тебя: вступишься за Ивана, мы же с ним дети твои... Помоги!

На рассвете вышел из кельи монах, сказал замеревшему в напряжении Фёдору главное:

- Жив, Слава Богу! Карла даёт надежду.

Фёдор с трудом проглотил подступивший к горлу ком, выскочил на воздух, глубоко втянул в себя чудный запах влажного леса. И, словно почувствовав его внутреннее освобождение, запели, засвистали, затрещали на разные голоса птицы. Сначала несмело, пробно, а скоро - дружным хором. Пернатые первыми известили о приближении рассвета в лесу и приветствовали день счастливым многоголосьем. И Фёдор вместе с ними готов был обнять весь мир...

Только сейчас он смог разглядеть монастырские строения. Две деревянные церкви: одна большая во имя обновления храма Воскресения Христова, другая малая навратная во имя святых преподобных Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев.

«Так вот почему этот монастырь называют Соловецкой пустыней, - догадался Фёдор. Он насчитал семь келий, понял, где хлебная изба, отсюда доносился чудный запах свежеепеченного монастырского хлеба. Он вспомнил, что уже давно ничего не ел. Прошёл мимо ветхого амбара, погребицы, невольно отыскивая глазами трапезную, но тут ударили в церковный колокол: звали на заутреннюю службу. Он поспешил, прошёл вдоль монас-

тырской стены из дубовых брёвен. Сверху, с площадки, слышались переговоры стрельцов. Часть их спустилась вниз, на службу, остальные продолжали стоять в дозоре.

Фёдор вошёл в храм. Здесь был полумрак, свечей было немного, монахов тоже. Но когда они запели низкими голосами церковное, смиренно просящее у Господа Бога, Фёдор, невольно подчиняясь, погрузился в себя.

«Господи, помилуй! Господи, помилуй!» - нараспев гудело в церкви и потом ещё долго звучало в душе Фёдора: и когда они были в трапезной, где тихие, вежливые послушники кормили их горячей кашей, поили чаем с травами; и когда их каждого благословлял белый как луна старец Феодосий. Глаза его были такими ласковыми, тёплой волна полыхнула от его поднятой руки (в этом Фёдор готов был поклясться позднее своим случайным слушателям). Старец подошёл к лежащему Ивану, промолвил, пророчествуя:

- Жив будешь, Иване.

По пути в Симбирск, после того как они покинули гостеприимный монастырь, Фёдор размышлял, отчего песнопения монахов, много раз слышанные, так запали в сердце именно сейчас? От всего пережитого за последние сутки? А может быть, от особого настроения чернецов монастыря? Ведь он находился на единственной дороге в Симбирск со стороны Казани и был объектом частых нападений разбойников, пришлых кочевников и казаков, и монахи невольно становились воинами, защищали обитель, жителей ближайших сёл и случайных путников.

Продолжение следует.

Соловецкая (Спасская) мужская пустынь находилась среди лесов в 15-20 верстах от Симбирска, вверх по течению Волги. Была основана до сер. XVII в., в 1670 была разорена сподвижниками С. Разина, но вскоре заново отстроена. В 1725-м эту пустынь, напоминавшую старообрядческий лесной скит, собирались закрыть. В 1751 году её приписали к симбирскому Покровскому мужскому монастырю до его закрытия в 1764. В 1908 году Симбирским архиереем было решено восстановить этот монастырь. Велись строительные работы, но после Октябрьской революции они были прекращены.

Jag vill, om Guds godd arm; *3*
 Jag jag önskar mig från till ut Lära förs;
 Du skall Sibiriskij mig bli alla dagars stån,
 Om jag mitt fjärsta Rån till sedan villst bringa.
 Du skall jag aldrig lig, O Lära Rån, O glömma,
 Om mig jag tänker wo från Guds gifvna Rån,
 Ja jag vill alltid bli uti mitt fjärsta Rån,
Amo Тайны старой тетради

История эта началась два века назад, когда после Полтавской битвы в плену у России оказалось около 16 тысяч шведов. Царь Петр I высоко ценил своих доблестных противников по Северной войне. Не случайно по его указанию на месте знаменитого сражения впоследствии были установлены не только церковь и склеп с памятником в виде гигантского креста в честь погибших русских солдат и офицеров, но и памятник «храбрым шведским воинам», называемый в народе «шведскою могилой». Мне довелось увидеть его во время экспедиции «Форпосты Отечества» в мае 1996 года. Осенью того же года при подготовке телевизионной версии экспедиции, я обнаружил в «Истории России» С. Соловьева упоминание о том, что небольшая часть пленных шведов (около сотни человек) попала в Симбирск. Такая же партия по распоряжению ближнего боярина, Казанского и Астраханского губернатора П.М. Апраксина, оказалась в Нижнем Новгороде. Большую часть пленных составляли офицеры кавалерии, остальные были пехотинцы. При некоторых офицерах находились семьи и прислуга – «челядинцы».

Известно, что в Симбирске пленных направляли на укрепление кремля. «В 1710 г., вероятно, вследствие обветшания, построен новый город (крепость). Ров был вырыт около города шведскими пленниками», - свидетельствует историк Капитон Невоструев в своей книге. Оказалось, что не меня одного заинтересовала судьба пленных. Н.И. Никитина, возглавлявшая в то время краеведческий отдел Дворца книги, обнаружив в одном из научных сборников стихи одного из них, заказала микрофильм шведского текста. Сборник «Песни пленного шведа с Симбирской горы» был подготовлен к печати профессором Мартином Вейбуллом и издан в 1868 году в Швеции. Автором стихов считается 23-летний старший лейтенант шведской армии Георг Генрих фон Борнеман. В течение зимы 1710 – 1711 гг. Борнеман в Симбирске создал целый цикл стихов (подражание псалмам). В апреле пленных стали переводить в Тобольск. По некоторым дошедшим до нас сведениям, Борнеман попытался бежать где-то под Вяткой и пропал без вести (возможно, был убит при попытке к бегству). Тетрадь с его стихами сохранилась у ротмистра Георга Маллиена. После заключения Ништадского мира в 1721 г., Маллиен вернулся на родину, а тетрадь друга передал в библиотеку Лундского университета.

Но отнюдь не все пленные шведы были склонны к творчеству. Некоторые представления о том, как про-

текала их жизнь в русском плену, дают нам документы, составленные русскими военными.

15 февраля в нижегородскую приказную палату, где заседал выборный дворянин Дан. Андреев. Жедринский, явился караульный капрал Вас. Ив. Волков, под присмотром которого находились пленные шведы на Рукавишниковом дворе, и заявил, что 2 пленных прапорщика Густав Роткерх и Карл Данквардт поругались между собою. Поводом к ссоре, как видно из «допросных речей», стало то обстоятельство, что Роткерх не снял шапки перед стольником Кречетниковым. «Что ты начальных людей не считаешь? Это нам всем бесчестие», - говорил пьяный Данквардт своему товарищу. Тот, тоже пьяный, ответил пощечиной. Тогда Данквардт, «не стерпя», ударил его ножом в левый бок. Данквардт был скован и оставлен до решения дела в приказной палате под караулом. 23 апреля он подал на имя Царя челобитную, в которой просил принять его на русскую службу и изъявил желание креститься, жалуясь вместе с тем, что, «сидя в приказной палате умирает голодной смертью». «Вели, государь, мне быть в православной христианской вере, и креститься и служить тебе, где ты укажешь». 4 мая он был отдан на поруки подьячим приказной палаты, обязавшимся поставить подсудимого, когда его спрыт по царскому указу. Дальнейшая история Данквардта не известна.

Однако есть и другие примеры того, как шведы не только смогли организовать собственную жизнь в плену, но и повлиять на русскую культуру. Так, например, капитан армии Карла XII, немец по происхождению, Курт фон Врех организовал в Тобольске первую в России светскую школу, которая успешно просуществовала более 10 лет. Филипп Иоганн Страленберг составил первую точную карту Сибири. Некоторые шведы участвовали в военных походах в Китай, другие начали развивать производство в городах Сибири. После Ништадского мира около 400 из 1000 пленных, содержащихся в Тобольске, приняли православие, обзавелись семьями и остались здесь жить.

Владимир Гуркин

Иллюстрации: фамильный герб фон Борнемана, фрагмент тетради стихов.

Автор благодарит за сотрудничество шведских коллег - профессора Сверкера Уредссона, Магнуса Ларссона, Йохана Эберга и предлагает вниманию читателей отрывки из стихов Борнемана, которого условно можно считать первым известным нам симбирским поэтом.

Песни пленного шведа с Симбирской горы

Памятник Карлу XII в Стокгольме

Во время странствия по Европе случается то, что меньше всего ожидаешь:

Все было хорошо в Польше (великолепное вино),
А на русских дорогах мы познали голод, вынуждены были пить
грязную воду, так что потом мучились животом,
А после битвы – плен.

Мы видели хитрого русского, татарина, калмыка и язычника черемиса.
Когда же я думаю, что нам предстоит увидеть Казань и Сибирь,
то от страха кружится голова. Но пусть Бог не допустит этого!
Что нам там делать, ведь мы же не скифы?

Я очень надеюсь, что Бог оградит меня от Сибири,
и я не буду там заниматься соболями...

Если бы Волга состояла из пива и патоки,
тогда можно было бы оставаться в Симбирске,
и не было бы желания видеть другие города...

Шмит (курьер шведского главнокомандующего – В.Г.)
разъезжает по России, выплачивая субсидии от короля.
Мы очень ждем в Симбирске денег, но Шмит пока не вернулся...

Деньги нужны в этом мире,
И русский не дает еды и пива без денег,
Но будем утешаться и надеяться, что деньги все-таки будут,
А значит, будет и шикарный стол у воеводы,
Поедем тогда на острова, взяв с собою полячку – госпожу Тауб...

Наш новый воевода хочет запретить нам ходить к русским женщинам.
У него дубовая голова - эти заботы нам не нужны,
так как мы не уважаем русских женщин,
мы не можем говорить с ними без переводчика,
они некрасивы и я это говорю без преувеличений,
ибо то, что уродливо, нельзя назвать красивым.
Те женщины, которых мы видим обычно, высокие и толстые,
Они, как огурцы, тыквы или, скорее, похожи на бочку из Гейдельберга.

Лицо козлиное, толстое и опухшее,
Кожа кирпичного цвета, висит на скулах, как свинец,
И там, как на полотне, видна вчерашняя гулянка.
Рот безмерный, лилового цвета, уши похожи на ослиные,
И огромный жирный подбородок, как из сала,
И губы не могут скрыть желтые шафрановые зубы,
и темные глаза, не внушающие любви,
и грудь, будто выструганная рубанком.

И руки большие, как у гребца.
Ее привычки сообразны ее уродливому телу:
Она ленива, она ведро для водки,
И каждый день проходит по городу с хриплым голосом.
Ее единственное утешение - шкалик водки.
Природа создала русских женщин красивыми,
но уже после 15 лет они становятся уродливыми,
и ничем не спрятать им свою грубеющую кожу...

Поступил приказ, что нас увозят с Волги в сторону Оби.
Скоро мы увидим вагонетки и сибирские горы – самый худший край земли,
При этой мысли становится ясно, что Симбирск дороже всего,
И я тебя любимый город никогда не забуду...

Я прощаюсь с тобой в волнении,
Ты учил меня радоваться в плену...
Прощай моя изба на низких досках, где я бродил,
Прощайте, дорогие комнаты, я вас больше не увижу
Я отправляюсь по длинному пути в Сибирь...

Подстрочный перевод Йоханна Эберга. Фото В. Гуркина

Тетрадь стихов Борнемана

Церковь в Аллеруме,
где крестили Борнемана

СИМБИРСКИЕ

По просьбе читателей мы возобновляем серию публикаций о симбирских губернаторах в хронологическом порядке. Нач. см. "Мономах" №№ 2, 3, 4 - 2001.

Умянцов Андрей Петрович

После скоропалительного отъезда не ужившегося с симбирянами губернатора Магницкого Симбирск надолго остался без главноначальствующего лица. Тяжелое бремя губернской власти с 5 мая 1813 года по 27 июня 1819 года взял на себя председатель Симбирской уголовной палаты Ефим Федорович Андреев. За успешное управление губернией он был награжден орденом Св. Владимира.

8 июня 1819 года в Симбирскую губернию наконец-то был назначен официальный губернатор статский советник барон Андрей Петрович Умянцов.

Умянцов происходил из прибалтийских немцев. Его предки носили фамилию Уманец. Андрей Петрович, сын Кагульского героя, был женат на дочери генерал-поручика Пиля. Из губернаторов он стал первым, кто носил высокий титул барона (в переводе с немецкого барон означает «свободный, находящийся в зависимости исключительно от императорской власти»).

А.П. Умянцов управлял Симбирской губернией с 1819 по 1821 годы.

Верным помощником губернатора стал только что избранный предводитель губернского дворянства – статский советник князь Михаил Петрович Баратаев. Сын симбирского наместника, он с честью и доблестью отслужил на этом посту три пятилетних срока.

Симбирск рос и развивался, в прежних границах ему стало тесно, мало места для выгона скота, и тогда, после долгих споров, в 1820 году губернатор отобрал от соседней Конно-Подгородной слободы в пользу города почти все земли по правую сторону реки Свяга. Конно-Подгородная слобода с тех пор полностью обосновалась по левую сторону реки на обширной территории. Ее пахотные земли доходили до села Баратаевка (это родовое имение предводителя дворянства Баратаева основано в 1782 году на выкупленной земле у Конно-Подгородной слободы).

В 1820 году в здании по ул. Покровской (ныне ул. Л.Толстого) общество христианского милосердия открыло Дом трудолюбия для девушек-сирот. Это учреждение стало первым в Симбирске женским учебным заведением. Именно в нем через 45 лет откроется Марининская гимназия.

7 мая 1821 года Андрей Петрович Умянцов неожиданно скончался. Он нашел вечный покой на земле симбирской, на кладбище мужского Покровского монастыря.

До назначения преемника управление губернией было возложено на вице-губернатора графа Толстого. В это время в селе Чуфарово назревал бунт: крестьяне требовали разрешения стать свободными хлебопашцами, на что Толстой ответил, что самолично усмирят непокорных.

ГУБЕРНАТОРЫ

Лукьянович Андрей Федорович

Усмирить чуфаровских бунтовщиков вице-губернатор Толстой так и не успел: в Симбирск в 1823 году прибыл новый губернатор: статский советник Андрей Федорович Лукьянович, который не решился начать службу с крутых мер. Он лично беседовал с крестьянами, уговаривал и убеждал их утихомириться, отказаться от идеи стать свободными хлебопашцами. Однако крестьяне неотступно стояли на своем. Терпение губернатора лопнуло, и он вынужден был отдать зачинщиков под суд, а в село Чуфарово ввел военную команду. Так началось губернаторство Лукьяновича.

Истый малоросс, Андрей Федорович даже говорил с малороссийским наречием. Был он человеком простым, добродушным и большим хлебосолом. Он не перегружал себя служебными обязанностями, тяготился бумажными делами, которые постепенно переложил на секретаря, а сам лишь подписывал их.

При Лукьяновиче, впервые за 30-летнее существование губернии, Симбирск посетил император. В сентябре 1824 года в город прибыл Александр I. При въезде, на мосту Московского тракта его встречала огромная толпа народа. Сначала император остановился отдохнуть в доме купцов Шишкиных у реки Свяяга на углу улицы Большая Конная. В знак благодарности царь подарил матери и женам братьев Шишкиных по бриллиантовому перстню. Его пребывание в Симбирске было очень насыщенным событиями. 6 сентября Александр I посетил больницу, названную в честь него Александровской, а вечером был дан бал. Первый танец на балу император танцевал с княгиней А.Н. Баратаевой, женой губернского предводителя дворянства. 7 сентября государь с губернатором присутствовали при закладке Троицкого собора, в память войны 1812 года, где Александр I собственноручно заложил в основание собора камень и заделал его известкой серебряно-вызолоченной лопаточкой.

Кстати, во всех поездках губернатора сопровождал наш земляк, его любимый кучер Илья Байков, уроженец села Загудаевка Симбирского уезда. Это тот самый кучер, ставший невольным виновником ссылки в Симбирск президента Академии наук Александра Федоровича Ламзина, который выступил против избрания в Академию приближенных к императору лиц: «Если так, то я вместо них укажу вам человека, который к государю еще ближе! Это Илья Байков, царский кучер». Ссылный Ламзин в 1825 году обрел вечный покой на земле симбирской, а кучер Байков стал впоследствии купцом первой гильдии в Петербурге.

Положение помещичьих крестьян в России с каждым годом ухудшалось, не исключением была и наша губерния. В поисках свободы многие крестьяне губернии бежали на «новую линию» – к рекам Урал и Сыр-Дарья.

Время губернаторского правления Лукьяновича в Симбирске совпало с крупным политическим событием в стране – восстанием декабристов, среди которых были и наши земляки: В.П. Ивашев (внук первого симбирского губернатора А.В. Толстого) и родовитые дворяне Н.И. Турганев, Ф.М. Башмаков.

В 1826 году А.Ф. Лукьянович получил новое назначение, а на смену ему губернатором был назначен А.Я. Жмакин, любимец симбирских дворян, будущий директор Департамента исполнительной полиции России.

Материал подготовил Николай Костин

«С вершин Симбирского Старого Венца, темными окнами, спутанными железными решетками, угрюмо, неприветливо смотрит на зеркальную Волгу, на широкие волжские дали, старое здание женской тюрьмы. Судьба властной рукою толкнула в темные камеры множество женщин, девушек разного возраста, положения и развития; о них все, или лучше сказать, почти все забыли».

Так начиналась статья «Лучи света» в журнале «Симбирские епархиальные ведомости» за 1916 год, рассказывающая об освящении 30 августа 1916 года домово́й церкви при Симбирской женской центральной тюрьме.

Лучи света

Одним из немногих, кто не забыл в то нелегкое время о заключенных, был генерал-майор Александр Владимирович Жиркевич. Более 20 лет прослужил он в военно-судебном ведомстве, участвовал в архивных и археологических обществах, работал в Красном Кресте и в Белом (оказывал помощь семьям военнослужащих, погибших в мирное время), был попечителем тюрем и гауптвахт.

О благотворительной и общественной деятельности А.В. Жиркевича написано немало. Он был знаком со многими писателями и художниками, с некоторыми состоял в личной переписке. Например, из 179 писем, написанных И.Е. Репиным, 96 адресовано А.В. Жиркевичу.

Известный собиратель, Александр Владимирович передал Симбирскому губисполкому перед отъездом в Вильно свою огромную коллекцию живописи, графики, старопечатных книг, предметов историко-литературного значения, которые легли в основу фондов областного художественного музея (см. «Мономах» № 3 за 1997 г.).

Но снова возвращаемся мы к имени Жиркевича, чтобы показать неизвестные стороны его многогранной деятельности. Нелишним будет напомнить, что по окончании в 1888 году Петербургской военно-юридической академии он получил назначение в Вильно (ныне Вильнюс). Служил помощником военного прокурора, военным следователем и военным судьей. В 1908 году, только что получив звание генерал-майора, он в знак протеста против введения военно-полевых судов и смертной казни для политических вышел в отставку. В 1915 году во время первой мировой войны, спасаясь от наступающих немцев, он с семьей вынужден был эвакуироваться в Симбирск, где вскоре стал общественным попечителем десяти госпиталей, трех тюрем, военно-гарнизонного кладбища. После него остался «Симбирский дневник», охватывающий период с 1915 по 1922 годы.

По мнению архивистов, личные фонды, содержащие самые разнообразные документы, помогают донести неуловимое дыхание, своеобразие прошедшего времени, и никакие официальные свидетельства в этом отношении их заменить не могут.

Еще не так давно было не принято писать о религиозности того или иного человека. Но многие поступки объясняются тем, насколько чувствует человек Бога в своей душе. Возможно, эта мерка прояснит многое в деятельности А.В. Жиркевича.

Как директор Симбирского губернского попечительного комитета о тюрьмах он посетил женскую тюрьму и ужаснулся, «загорелся негодованием, сразу увидел, что нужно сделать, и безотлагательно принялся за работу».

Чем жила тюрьма до него? «Тут жизнь шла от поверки до поверки, от звонка до звонка... Сбитые в одну кучу, женщины заполняли обыкновенно свободное время праздного

болтовнею, грубыми тюремными развлечениями и ссорами. Проходящие мимо часто слышали внутри здания нестройный гул голосов, из которого порою отчетливо выделялся обрывок песни, бранное слово, а иногда и детский плач: в темнице, вместе с матерями, томилась и их ни в чем не повинные дети... И всем, жившим вне тюрьмы, свободным людям, знакомым с бытом тюрьмы лишь понаслышке, казалось, что все так и должно быть, что тяжкие, закоренные, омрачившие совесть свою преступлениями арестантки и недостойны иной жизни... А дети их? О детях многие и не подозревали».

Одним из первых шагов Жиркевича в Симбирске была попытка заполнить время узниц по возможности разумно и продуктивно. Для этого он сам начал чтения для них на религиозные темы, а затем ввел в тюрьму монахинь, которые помимо чтений стали учить узниц пению молитв. Первые же опыты показали, насколько нуждались в этом заключенные. Но в любом деле нужны соратники, сочувствующие, готовые сами принять участие в каких-либо начинаниях. Таких людей никогда не бывает много, но они находятся. По инициативе А.В. Жиркевича в тюрьму был приглашен священник П.П. Цветков. «Симбирская публика, гулявшая на Старом Венце, к изумлению своему, стала свидетельницей небывалых до того времени событий в жизни тюрьмы: в тюремные ворота часто, в разное время дня, входили генерал, священник, дьякон, монахини, а из окон тюрьмы стали доноситься не плач, брань и дикие вопли, а звуки церковных песнопений». А генерал записал в своем дневнике: «Захожу в женскую тюрьму и слышу, как арестантки вместо сквернословий, которыми ранее сопровождалась их работы по мытью, глаженью белья, вполголоса поют хором молитвы... Ходил около здания тюрьмы и соображал, как бы пристроить недорого, удобно алтарь и часовню. Думал я и о том, где бы найти жертвователя на эту будущую церковь».

Уже после нескольких посещений тюрьмы А.В. Жиркевич и П.П. Цветков поняли, что для арестанток очень важно, чтобы окружающие воспринимали их не только как преступниц и отверженных.

Александр Владимирович обращал внимание на разные стороны быта женской тюрьмы. В короткий промежуток времени и при его непосредственном участии в одной из тюремных камер была учреждена небольшая, всего на пять коек, больница, куда поместили чахоточных и других заразных больных, которые раньше помещались в общих камерах со здоровыми. Пять коек — мало, но ведь не было и этого.

«У дверей тюрьмы появился (по настоянию Жиркевича — авт.), ларь для подающей..., в который стали сейчас же опускаться булки, баранки и другие припасы для больных и детей темницы, приносимые добрыми обывателями

Симбирска». Но не все было так просто. Сверившись с дневником А. В. Жиркевича, находим запись: «В женской тюрьме я нашел-таки ларь для подаяний, года три тому назад выброшенный. С трудом мне удалось заставить поместить ларь на видном месте, и уж начали класть в него подаяния».

На средства генерала и его жены был заказан колокол, предназначенный для будущей тюремной церкви. На Рождество Жиркевич со своей семьей устроил для детей арстанток елку с подарками: материи на платья, теплые вещи, валенки. В своем дневнике он отметил еще одно осуществленное желание: «Мне давно хотелось сделать за город прогулку с несчастными детьми несчастных узниц местной женской тюрьмы и тем показать начальству тюрьмы пример. А то бедные детки толкуются на вонючем дворе тюрьмы или бегают на площадке Старого Венца, под надзором часового у ворот и матерей, глядящих из окон. Какая же это прогулка! И весна проходила у них без пения птиц, без цветущих деревьев... Вчера я сделал первый опыт... Конечно, дети были рады свободе, пряникам... Детки первый раз слушали соловья, кукушку, набрали для матерей цветов, шалили, играли. А я радовался, довел их до ворот тюрьмы. Калитка открылась и поглотила их...».

Александр Владимирович добился от властей разрешения устроить для заключенных особую раннюю обедню, которая была совершена в Ильинском храме. Но зрелище шедших под конвоем по улицам Симбирска к Святому Причастию женщин с их детьми было тяжелым, и он возвратился к мысли устроить домовую церковь при тюрьме. Пришлось опять добиваться разрешения властей отвести для этого комнаты, ранее служившие карцером.

Конечно же, Жиркевич понимал, что до окончательной реорганизации женской тюрьмы еще далеко, для этого надо работать и работать. По его почину при тюрьме была создана библиотека. Озабоченный судьбой детей, особенно подростков, попавших вместе с матерями в нездоровую обстановку тюрьмы, он задумал устроить для них особый, вне стен тюрьмы, «приют, в основу деятельности которого были бы положены труд, нравственность, религия и порядок». Им был выработан и отправлен в Петроград в Главное Тюремное Управление устав особого Попечительства, которое должно было бы вести этим приютом. Дождался ли он ответа и было ли проведено в жизнь новое начинание, неизвестно.

Александр Владимирович был человеком верующим, человеком долга, который исполнял так, как умел и как этот долг понимал. Его бескорыстное служение ценили те, кому он отдавал свое сердце.

Когда в освященной тюремной церкви совершалось первое крещение ребенка одной из заключенных, восприемником младенца попросили стать генерала Жиркевича, а восприемницей стала дочь священника Цветкова.

«Сего дня на Гончаровской улице ко мне подошло несколько солдат, в которых я узнал бывших арстантов местных тюрем. Подошли они ко мне с улыбками, как к равному, и такое отношение их ко мне меня крайне обрадовало. Один из них объявил, что все они приняты на военную службу и чувствуют себя отлично на свободе. Он же мне сказал, что, увидев меня, заявил товарищам: «А вот наш генерал. Пойдем к нему». Ничего они у меня не просили, а спешили выразить радость по поводу встречи со мною... Один из них сказал, что, пока жив, не забудет, как я добился того, что его расковали».

Кто знает, зачем жить, всегда знает и как жить.

Наталья Гердт

Анатолий Наумов

Бессмертие

За Волгою синее небо дали –
И далеко простор открыт!..
Ульяновск,
Как на пьедестале,
На возвышении стоит.

Над строгостью Мемориала,
Средь елей голубых и трав,
Сама история здесь встала,
Бессмертной славой смерть поправ.

За Волгу перекочевало,
В Ульяновск – на семи ветрах –
Сельское небо, что сияло
Над Римом на семи холмах.

Анатолий Чесноков

Россия начинается с дождя,
Пролившегося бурною рекою.
Россия начинается с гвоздя,
Забитого Петровскою рукою.
Россия начинается с путей
Железных и простых тропинок.
Россия начинается с речей
О матери, о детях, о любимых.
Россия... Перекрестки, поезда,
Привязанные рельсами к вокзалам.
Зеленая вечерняя звезда
Над грудью зацелованной причала.
Россия... Древний иней, светлый прах
На черных ветках длинными ногами...
Да что там — снова чистыми ручьями
Она в сердцах, задумчивых словах.

Зинаиде Герасимовне Сараевой довелось родиться в конце XIX столетия, прожить без малого век и стать бесценным свидетелем живой истории двух эпох. Чтобы сохранить драгоценные частицы прошлого, Зинаида Герасимовна рассказывала дочери Вале о старинной жизни, своем детстве в барской усадьбе... Воспоминания Валентины Александровны легли в основу этого рассказа.

Дела давно минувших дней

Зинаида Сараева родилась в 1896 году в селе Новая Зиньевка Карсунского уезда Жадовской волости. Отец ее, Герасим Сараев, знаменитый наездник, служил у помещика Карпова, державшего конюшню русских рысаков. Их часто вывозили в Санкт-Петербург, откуда Герасим привозил призы и золотые медали. В 35 лет он овдовел. От первого брака у него остались три дочери: Анюта, Матрена и Ольга. Герасим хотел уйти от Карпова, но тому жалко было терять отличного работника и он предложил Герасиму жениться на 16-летней птичнице Фекле. Союз оказался удачным. У супругов родились Антонина, Александр, Зинаида, Вера и Владимир. Семья Сараевых жила при усадьбе, в отдельном доме.

Дом помещика Карпова был двухэтажным, с колоннами и широкой верандой – типичный господский дом того времени. У единственного сына Карповых, Александра, была гувернантка, которая обучала его манерам и языкам. Зиночка и Александр Сараевы частенько присутствовали на этих уроках. Детей наездника часто приглашали в дом, где они не только играли, но и разделяли с Александром трапезу. Да и повар, когда готовил обед, угощал ребятишек вкуснейшими крошечными пирожками.

В доме были большие комнаты, зала с красивым большим роялем, на котором часто играла хозяйка имения Вера Ивановна, красивые зеркала в резных рамах, ломберные столы, покрытые зеленым сукном. Одна из сводных сестер, Ольга, так и не вышедшая замуж, жила в барском доме, в отдельной комнате. Она была швеей, чинила белье (подумать только, в богатом доме чинили белье!).

По осени управляющий обходил все дворы и записывал, кто в чем нуждается. Лари в доме Сараевых были полны мукой, крупами, стояли бочонки с медом.

Запомнились Зиночке праздники, особенно Рождество и новогодние елки. В усадьбу приглашалось много крестьянских детей. В большой зале, где стояла убранный игрушками, разноцветными хлопушками и золотыми гирляндами живая ель, детей одаривали подарками: фигурным шоколадом и свежими заморскими фруктами. Показывали волшебный фонарь, и ребятишки тихонько ахали, глядя на картины неведомой жизни. Это было диво! Устраивали катанье на санках. Впрягали лучших лошадей в ковровые возки с медвежьей полостью, и неслись возки по пушистому, сверкающему разноцветными искрами снегу. То-то было визга и смеха!

Шло время. Герасим построил своему семейству дом, который сохранился до сих пор. Старшие дочери вышли замуж. Сына Сараева Карпов взял в контору на обучение, и Александр, одаренный и трудолюбивый, дошел до бухгалтера, а впоследствии работал экономистом в крупных совхозах. Изучил самостоятельно английский и немецкий языки, был большой книголюб, собрал хорошую библиотеку. Долго жил Александр в отцовском доме со старенькой Ольгой и Верой, вечерами читал им книги.

Около 1910 года Герасим умер, и Фекла отправила Зину в Симбирск на обучение швейному делу в мастерскую Варвары Ивановны Олениной, которая имела на Большой Саратовской два дома. Один из них стоял по улице, другой – во дворе, где и была швейная мастерская, очень популярная в Симбирске: в ней заказывали наряды жены военных, купчихи, знатные симбирянки.

В 1916 году Зинаида вышла замуж за Александра Чихалова, семья которого имела собственный дом на Мало-Саратовской улице. Александр Петрович работал на строительстве моста через Волгу. На строительство этого же моста был приглашен из далекой Германии инженер Гус-

тав Иоганн Бломрейх и поселился на квартире у Чихаловых. Его немецкое сердце не устояло перед чарами волжской красавицы, младшей сестры Александра Петровича. Густав попросил руки очаровательной Прасковьи и женился. После окончания строительства супруги уехали на Урал, в Миасс. У них родилось трое детей, которыми, в основном, занимались няни и заботливый отец. Когда дети подросли, супруги разошлись, но Густав до конца дней помогал Прасковье.

Вскоре после смерти Герасима началась война, плохо стало с продовольствием, и Фекла вспомнила о браслете с сверкающим камнем, подаренном барыней Верой Ивановной ей на свадьбу. И вот теперь нужда заставила ее отнести браслет старьевщику-татарину в обмен на продукты. Вскоре татарин приехал и сказал, что он перед Феклой в долгу, так как браслет оказался золотым да еще с бриллиантом. Браслет татарин подарил второй любимой жене, а Фекле стал возить продукты. Но товарообмену помешала революция.

В 1952 году Зинаида Герасимова с дочерью Валентиной съездила в Новую Зиновьевку. Дом семьи Сараевых, когда-то переполненный детскими голосами, все еще стоял, в нем жила старенькая Ольга, а вот дом помещиков Карповых был полуразрушен. Это произвело тягостное впечатление на Зинаиду Герасимовну.

Зинаида Герасимова унесла с собой воспоминания о счастливых днях своего детства. Но стоит в комнате Валентины Александровны старинный полированный овальный столик для рукоделия на точеных ножках, с откидывающимся верхом (за ним шила Зинаида Герасимовна), стоит швейная английская машинка, хранятся в альбоме старинные фотографии, с которых смотрят лица предков. Валентина Александровна листает альбом, всматривается в эти лица и слышит их тихие голоса.

Судьба Карповых печальна, как и судьба многих дворянских семей. Шел 1938 год. Зинаида Герасимовна принесла газету «Пролетарский путь». Вале было 16 лет. «Смотри, Валя, здесь о нашем помещике написано!» - сказала взволнованно. Позже дочь много раз читала ей эту газету, где было напечатано письмо бывшего помещика Карпова из далекой Франции. Валентина Александровна помнит письмо дословно. Карпов писал: «Нельзя ли мне вернуться на родину? Ведь я никому ничего плохого не делал. Старался людей облагодетельствовать. Мы старые, больные. Я плету корзины, а моя жена шьет куклы - этим и кормимся. Живем очень тяжело...».

Выслушав этот рассказ Валентины Александровны, я зарылась в краеведческий материал и нашла много Карповых-помещиков, владельцев земельных угодий, дворян, купцов и даже крестьян, но «нужного» Карпова не могла найти. И наконец, с помощью заведующей краеведческим отделом Дворца книги Н.А. Морозовой и научного работника краеведческого музея Т.А. Громовой нашла в адрес-календаре за 1910 год купцов Карповых, Ивана и Андрея, из села Новая Зиновьевка: имеют 5091 десятину земли, а в Карсунском уезде - торговые дома.

Вот так причудливо сплелись в пестрое кружево судьбы самых разных людей на границе веков: белые, черные, красные, золотые, серебряные нити. Судьба каждого человека вплелась ниточкой в канву истории России.

Нина Дроглоб

На фото: Зина Сараева с подругой,
Семейство Герасима Сараева

Кузнецов Валерий

Уездные города

В уездных городах, лежащих
Среди Руси не на виду,
Я, к счастью, видеть стал все чаще
Живущую в них красоту.

Страницы летописи нашей,
Которые забыли мы,
Они тем памятней и краше,
Чем явственней дышанье тьмы.

Вот это здание Управы,
Здесь был приют, здесь жил купец,
Здесь веришь в то, что русской славы
Не может наступить конец.

Пусть город не Москва, не Троя,
И пусть не знамениты те,
Кто проектировал, кто строил,
Кто жил, а что же ты хотел?

Русь - не цари и не столицы,
Она - крестьянка, мещанин,
Все русские простые лица,
Средь коих главный не один.

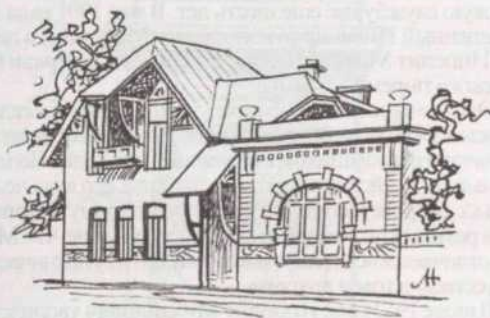
Пусть к прошлому и нет возврата,
Но слово отблеск тех огней
Названия: Карсун, Ардатов,
Алатырь, Сызрань, Сенгилей.

Виктор Малахов

Симбирск

А здесь ещё гнездится старый век;
А здесь домишки свешивают ставни,
Ворчат, совсем, как старый человек,
Натруженные чувствуя суставы.

А здесь ветра. И город на горе
Весь как пейзаж со старенькой иконы.
Давно ль он слышал цоканье карет
И благовесты звонов колокольных?

Имя Ипполита Майорова жителям улицы Кролюницкого ни о чем не говорит. Однако на заре советской власти 31 января 1919 года Симбирский горисполком рассматривал «заявление граждан Новой улицы о наименовании ее Майоровской в честь первого советского священника Майорова». Что же это за «первый советский священник»?

Дело священника Красной Армии

Личность его далеко не однозначна. Рассматривать ее со знаком плюс или же со знаком минус – пусть решит сам читатель.

Родился Ипполит Михайлович Майоров в семье отставного рядового солдата 17 января 1861 года. Детским забавам мальчик предпочитал посещение храмов, и уже в 1870 году определился по вольному найму на должность псаломщика Николаевской церкви – той самой, где родители Ульяновы 16 апреля 1870 года крестили своего сына Владимира. Как знать, возможно, юный Ипполит присутствовал при крещении будущего вождя мирового пролетариата.

По отзыву настоятеля церкви, добровольный псаломщик «поведения был очень хорошего и религиозно-нравственного». Грамоте юноша обучался в Симбирском уездном училище, но курса не кончил. Семейство достатком не отличалось, и в 17 лет Ипполит поступил на службу в Симбирский удельный округ.

Спустя четыре года Майоров женился на девушке-сироте Фросе. Семья проживала в деревянном флигеле на берегу реки Симбирки. По свидетельству современников, речка представляла собой «ничто иное, как огромный овраг; по дну его протекает небольшой зловонный ручей, вода которого представляет густой раствор навоза и человеческих экскрементов». Чтобы прокормить семейство, Ипполит Михайлович работал, не покладая рук. Обладая красивым, каллиграфическим почерком, он без малого четверть века прослужил в удельной конторе вольнонаемным писцом, за что получил две серебряные медали («За усердие») и звание личного почетного гражданина. Без ущерба для службы добровольно исполнял обязанности псаломщика ряда местных церквей.

Перешагнув возраст Христа, 34-летний Ипполит был принят епископом Варсонофием в духовное звание, но гражданскую службу нес еще шесть лет. В мае 1901 года Пресвященный Никандр рукоположил Майорова в диаконы. Ипполит Михайлович начал служить в церкви Симбирского тюремного замка.

Однако карьера священнослужителя никак не складывалась: в 1906 году его уволили за штат и свыше десяти лет назначали псаломщиком в различные приходы. Неоднократные ходатайства прихожан, знавших его «как человека высоконравственного и усердного к храму Божию» не дали результата: в епархии сложилось мнение, что Майоров отличается «склонностью к клеветам и сутяжничеству и искусством в том и другом».

В июле 1912 года Ипполит Михайлович уволился «за штат». Через год он все же получил вождевленное штатное

диаконское место в заволжской слободе Часовня, но прослужил там недолго. Возможно, из-за конфликта с епархиальными властями в сентябре 1913 года он был «запрещен в священнослужении и перемещен на псаломщическую вакансию» в Ардатовский уезд. Обидное понижение по службе и перспектива срываться с семьей с насиженного места вынудили Майорова попроситься на покой.

Схоронив любимую супругу Евфросинию Николаевну, он в одиночку воспитывал шестерых дочерей, пытался дать им образование. Не иначе как за оппозиционность к существующим порядкам попал отец Ипполит в немилость к начальству. Впрочем, вольнолюбивых священников было немало в Симбирской губернии. Например, террорист, взорвавший осенью того же года симбирского губернатора К.С. Старынкевича, происходил, по одной из версий, из известного священнического рода Зефириных. Многие революционеры вышли из поповичей и семинаристов.

В декабре 1917 года в Симбирске была провозглашена советская власть, и Майоров отнесся к этому более чем лояльно. Революционные перемены пришлись по сердцу заштатному диакону, его душевные, доходчивые речи завоевали огромную популярность среди крестьянской бедноты и солдат-красноармейцев, желавших видеть отца Ипполита своим полковым батюшкой. Но церковное начальство возводило Майорова в сан священника не желало: Симбирский епархиальный совет запретил ему священнослужение. Тогда Симбирский Совет крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов пообщал 9 июля 1918 года архиепископу Вениамину «встречу» с Военно-революционным трибуналом «за притеснение своего подчиненного» и обязал владыку в трехдневный срок «рукоположить и благословить отца Майорова в сан священника для служения Родине и воинству ей, с назначением его в одну из армий и скорейшего откомандирования на фронт». Но из-за вспыхнувшего на другой день Муравьевского мятежа и осложнения на Восточном фронте советским властям было уже не до церковных дел, и 19 июля епархия изгнала Майорова из духовного звания. 22 июля 1918 года Симбирск заняли белочехи, и Ипполиту Михайловичу при власти Народной армии Комуца, наверняка, было несладко.

После восстановления советской власти в губернии Майоров был включен в списки «пострадавших от белогвардейцев». Ему даже выделили пособие – 500 рублей. На заседании президиума губисполкома 29 ноября 1918 г. обсуждалось заявление солдата Петроградского полка «о прикомандировании священника Майорова на служение». Губисполкомовские мужи задумались: им еще не прихо-

Цухлов Андрей

Моему городу

Заблужусь в переулках твоих,
 Новогодним осыпанный снегом.
 Город мой удивленно затих
 Под волшебно искрящимся небом.
 По серебряным рельсам спешит
 Перестук неуклюжих трамваев.
 В Карамзинском саду ни души,
 Там седеющий ветер гуляет.
 И опять бьют часы невпопад,
 Звон разносится мерно и гулко.
 И которую зиму подряд
 Я блуждаю в твоих переулках...
 Может, это тоска иль испуг
 У забытой старинной могилки.
 Странно-звездная россыпь вокруг
 От разбитой о камень бутылки.
 Вижу пляски твои на костях,
 Слышу плач твой в игривых театрах.
 Дни и ночи проходят, грустя,
 По аллеям деревьев косматых.
 Город мой, перекресток миров.
 Бездорожье, безбрежье, безбожье.
 Пусть немало таких островов
 Затерялось в потоке Поволжья,
 Только мне надоело вконец
 Пить из Волги за наше знакомство.
 Я ступал на терновый Венец
 Под несенных церковей пустозвонство.

дилось командировать в Красную армию священников. «Президиум ПОСТАНОВИЛ: сообщить красноармейцу 6-го номерного пехотного запасного полка, что он (президиум) против приглашения священника Майорова ничего не имеет, но содержание последнему должно оплачиваться от того учреждения, кому он будет служить».

Тем временем Симбирскую епархию временно возглавил Курский архиепископ Тихон, сменивший Вениамина, бежавшего с «белыми». Новый владыка запутался в массе решений духовных и светских властей. Человек осторожный, он обратился за советом и помощью к патриарху Тихону. Его Святейшество весной 1919 года дал добро на «формальное следствие» по делу Майорова.

Духовный следователь, протоиерей Всехсвятской церкви Симеон Бельский допросил опального диакона. Отец благочинный градских церквей и настоятель Воскресенской церкви, в приходе которой проживал Майоров, вины за ним не знали. Сам советский губернатор – председатель губисполкома М.А. Гимов интересовался ходом расследования «дела священника Красной Армии».

В июне 1919 года церковный сан Майорову был возвращен, однако на голову 58-летнего диакона обрушилась новая напасть. 22 августа особый отдел при Реввоенсовете обвинил Майорова в «антисоветской деятельности». Некий скорый на руку комиссар приговорил диакона к заключению в концлагерь «на период гражданской войны». Обвинение с Ипполита Михайловича Ульяновская облпрокуратура официально сняла лишь в... 1993 году.

Как же вышло, что самому лояльному к рабоче-крестьянскому государству симбирскому священнослужителю «пришили» антисоветчину? В годину гражданской войны на территории губернии действовала масса комендантов, трибуналов, чрезвычайек, самоуправно трактовавших «пролетарскую законность». Особенно распоясался трибунал Восточного фронта, который начал «подкапывать» даже под партийное и советское руководство губернии. В начале августа 1919 года глава Симбирского губкома РКП(б) И.М. Варейкис выехал в Москву, где добился пересмотра многих дел.

Недолго стужались тучи и над Ипполитом Майоровым: как-никак покровители в губисполкоме у него имелись. Во всяком случае, уже 28 октября 1919 года старик вновь покорнейше просил архиепископа разрешить ему священнослужение. Епархиальное начальство снова запросило Москву и получило от Синода и патриарха согласие.

Но вернемся к заседанию горисполкома зимой 1919 г. о переименовании Новой улицы. Соломоново решение руководящих товарищей гласило: «В виду того, что Майоров не является сильным и выдающимся работником по укреплению Советской власти, Исполнительный комитет решил отклонить ходатайство граждан».

Эта улица в северной части города существовала с 1880-х годов. На плане Симбирска 1898 года она обозначена как Новая линия. После отклонения губисполкомом ходатайства граждан улица так и осталась Новой линией еще на несколько десятилетий. Только в 1986 году, к очередному юбилею первой русской революции ей присвоили имя большевика Ю.А. Кропоткинского, который жил когда-то неподалеку – на Ново-Казанской (ныне Гагарина). Дом, в котором проживал с 1917 года Майоров, тоже прилегал к Новой линии. Он находился в Иорданском переулке (между Красноармейской и Федерации), но имя хозяина с годами позабылось, дом священника Красной армии был снесен.

Антон Шабалкин

На фото: дом Майорова на набережной реки Святой

В последние годы государственная символика вызывает повышенный интерес россиян, и это не случайно. В ней содержатся зрительные и слуховые образы, которые вызывают чувство уважения к родному Отечеству, к его богатой истории, опыту, мощи и силе; будят и укрепляют в наших душах веру в то, что страна наша была, есть и будет великой державой.

Символы настоящего

Каждый символ – дитя своего времени, своей эпохи, он расцветает и умирает вместе с ней. Старейшей официальной эмблемой государства является герб. Это слово происходит от немецкого «Erbe», что значит наследство. Впервые этот термин упоминается в 1692 году, в указе царя Петра Великого. До этого наши предки в качестве геральдических символов использовали «печати» и «клейма».

В международной практике герб – это «эмблема, закрепленная за человеком, родом, регионом, землей, государством, передаваемая по наследству или существующая до тех пор, пока существует данный тип государства» и «оформленная изобразительно по законам геральдики, расположенная на соответствующем поле, именуемом щитом и носящая определенной значимости цвет». Это особый символический опознавательный правовой знак, который составляется и утверждается по определенным правилам.

Нынешний герб России, утвержденный в декабре 2000 года, представляет золотого двуглавого орла на красном поле. Рисунок орла восходит к изображениям на памятниках эпохи Петра Великого. Над головами орла изображены три исторические короны Петра Великого, символизирующие суверенитет как всей Российской Федерации, так и ее частей, то есть субъектов. В лапах – скипетр и держава, олицетворяющие государственную власть и единое государство; на груди орла, на красном щите – изображение всадника, поражающего копьём дракона. Это – один из древних символов борьбы добра со злом, света с тьмой, защиты отечества. Нынешний герб России – это новый герб, но составляющие его основные элементы являются частями древней традиции, отражают основные вехи и традиции отечественной истории.

Одним из важнейших атрибутов государства, символом государственного и национального суверенитета является *Государственный флаг* Российской Федерации. Нынешний флаг представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верхней – белого цвета, средней – синего и нижней – красного цвета. Отношение ширины флага к его длине 2 : 3.

8 декабря 2000 года Россия обрела и нынешний гимн: Государственная Дума приняла закон «О государственном гимне Российской Федерации». Прежний гимн Советского Союза был принят в январе 1944 года, когда победившее фашизм советское государство ощутило себя великой державой. Нынешний гимн сохранил музыку Александра Александрова, и автором текста вновь выступил Сергей Михалков, несколько изменивший прежнее содержание гимна. Закон «О Государственном гимне РФ» требует исполнения гимна «в точном соответствии с утвержденными музыкальной редакцией и текстом». Гимн исполняется во время официальных церемоний, подъема Государственного флага России, при

вступлении в должность руководителей органов государственной власти, руководителей местного самоуправления, при открытии памятников, при открытии и закрытии торжественных собраний, посвященных государственным праздникам, во время начала и завершения трансляции государственных теле- и радиовещательных компаний.

Имеют свою символику и наша Ульяновская область, и город Ульяновск, и некоторые муниципальные образования региона. Первое упоминание о *гербе Симбирска* относится к 1672 году. Тогда за «двукратную храбрую оборону от разбойника Степка Разина: в первый раз при воеводе Иване Милославском, а второй раз через год от есаула разинской шайки Федьки Шелудяка» при воеводе П. В. Шереметьеве городу был пожалован первый герб. Он представлял собой стоящего на задних лапах и смотрящего в правую сторону льва с высунутым языком и мечом в лапе, над головой льва трехлепестковая корона (рис. 1). Такое изображение имеется на сохранившейся печати Симбирска. Образ могучего зверя возник в отечественной символике в процессе образования Русского централизованного государства. Царь зверей олицетворял власть, силу, мужество, храбрость и благородство.

Массовое распространение гербов в России историки относят ко времени Петра I, который стремился использовать символы, эмблемы, гербы в целях пропаганды проводимой государством политики прославления русского оружия, военной и политической значимости России, в целях воспитания патриотических чувств русских людей. В этот период возник второй герб Симбирска. В его основу была положена эмблема, которая представляла собой колонну, увенчанную короной. Городские гербы в большинстве случаев несли стилизованные изображения элементов архитектуры городов в виде городской башни, стены, ворот и т.д. Поэтому принятую для герба Симбирска колонну (столб) можно рассматривать как элемент, присущий городу. А сочетание колонны с короной можно толковать как город, основанный царем, что соответствует исторической действительности – Симбирск основан в 1648 году по указу царя Алексея Михайловича. Если продолжить эту идею и учесть упомянутый девиз, помещенный на знамени Симбирского полка, то колонну и корону можно рассматривать как символ Симбирского дворянства, которое всегда было опорой царю. Существуют версии, что симбирский герб нарисовали живописные мастера Иван Чернавский или Петр Гусятников, а, возможно, автором был итальянец Франциск Санти. Впервые изображение нового герба появилось на знамени Симбирского пехотного полка в 1713 году, под эмблемой был помещен девиз «Подперта чеством» (рис. 2). Симбирский герб, обрамленный витиеватым картушем, помещен в русском гербовнике 1730 года (рис. 3).

С незначительными изменениями эмблема была помещена в знаменном гербовнике 1730 года.

В последней четверти XVIII века Екатерина II в целях упорядочения местного самоуправления провела административную реформу. Были созданы новые наместничества и губернии. 22 декабря 1780 года ею был учрежден герб, ставший гербом и Симбирского наместничества и города (рис. 4). За его основу был взят прежний герб: на щите, в синем поле, на белом четырехгранном пьедестале белая колонна, увенчанная золотой короной.

В 1878 году герб Симбирска и наместничества подвергся некоторым усовершенствованиям: на лазоревом щите – серебряный столб, на котором золотая, украшенная Андреевскими лентами, императорская корона. Щит увенчан императорской короной большего размера и окружен золотыми дубовыми ветвями, обвитыми Андреевской лентой (рис. 5). После образования в 1796 г. Симбирской губернии он и стал ее официальным гербом, просуществовавшим до 1917 года.

В 60-70-х годах прошлого столетия предпринимались попытки создать новый социалистический герб города, который бы отражал достижения и традиции города. В гербе попытались совместить территориально-экономические сюжеты, а также тот факт, что в Ульяновске родился В.И. Ленин. Был проведен ряд конкурсов, однако разработанные эскизы, которые выполнялись без учета законов геральдики, дальше кратковременных выставок не прошли.

В связи с подготовкой к празднованию 350-летия Симбирской губернии Законодательное Собрание в ноябре 1996 года приняло Закон о новом *гербе Ульяновской области*, который существует до нынешних дней. В его основу был положен исторический герб Симбирской губернии: в геральдическом щите на голубом фоне находится белоснежная колонна. Щит увенчан символической эмблемой, соединившей в себе элементы шестерни, колосьев, голубой ленты и обрамлен золотистыми дубовыми листьями, переплетенными алой лентой. Однако этот герб не смог пройти экспертизу в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации и не был внесен в государственный геральдический регистр. В связи с этим возникла необходимость усовершенствования нашего областного символа. Для этого в нашей области была образована геральдическая комиссия, которая разработала обновленный вариант нашего регионального герба. Согласно предложенному описанию он выглядит так: «В лазоревом (синем, голубом) щите серебряная колонна, увенчанная императорской короной с лазоревыми лентами. Щит увенчан традиционной земельной короной (с тремя видимыми листовидными зубцами)». У герба име-

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

ются щитодержатели: золотые львы, один из которых держит в правой передней лапе меч, а в другой – лавровую ветвь того же металла. В подножии – золотые дубовые ветви, перевитые лентой с воспроизведением цветов флага области.

Одновременно комиссия предложила и вариант *флага области*, который, по их мнению, должен представлять собой прямоугольное полотнище белого цвета, в нижней части которого по всей длине расположена двойная голубая (синяя, лазоревая) волнистая полоса и красная полоса. На белом поле в центре изображен герб области. Эти предложения прошли экспертизу в Государственной геральдии и получили положительную оценку.

После опубликования в печати эскизов новой областной символики вокруг них разгорелась нешуточная полемика. Особо бурные споры вызвали львы-щитодержатели. Между тем их появление здесь вполне логично. Во-первых, лев уже был симбирским символом, а, во-вторых, на Руси, как и в других странах Европы, в геральдике образы животного мира используются очень часто. Особенно популярны львы, так как именно они олицетворяют и силу, и добродетель, и правдивость. При этом очень важно иметь в виду, что «нормальное положение льва есть восстающее, т.е. стоящее на задних лапах. Туловище льва всегда изображалось очень длинным и худым, особенно утонченным к низу». Меч же служит символом силы и справедливости, своеобразным символом власти.

В настоящее время идет обсуждение предложений. В ближайшее время они будут вынесены на рассмотрение депутатов Законодательного Собрания, и, в случае их положительного решения, после подписания нового закона Главой администрации область обретет новую символику.

В последнее десятилетие *герб и флаг* появились и у г. *Ульяновска*. Герб был принят Городской думой 5 марта 1997 (рис. 6), а в следующем году с некоторыми изменениями внесен в Государственный геральдический регистр России. Вот его описание: «В лазоревом (синем, голубом) щите на золотой земле серебряная колонна, увенчанная золотой закрытой короной. Корона имеет пять видимых дужек, шапку и увенчана короной» (рис. 7). Городской флаг принят позднее:

«Полотнище с отношением сторон 2:3, разделенное на 3 равные полосы по вертикали: две голубые (по краям) и белая (посередине); в центре белой полосы изображена желтая (золотистая) закрытая корона, соответствующая короне в гербе г. Ульяновска».

Работа по созданию своей символики в настоящее время ведется в других городах и районах области.

Сергей Иванов,
зам. председателя геральдической комиссии

«Памятник разрушается навечно»?

Величественный и прекрасный, как божественное дыхание, Троицкий собор, однажды исчезнувший с главной площади Ульяновска, живет в сердцах горожан, мечтающих о возрождении главного храма, с именем которого родился, развивался и рос град Симбирск. Думаем, нашим читателям будет интересно познакомиться с очерком юного автора Владислава Обушинского, успешно стартовавшего в гуманитарной олимпиаде «Умницы и умники».

Знаменитый тезис Карла Маркса «религия – опиум для народа» на родине вождя революции воплотился в испепеляющую лавину церковных гонений. Волна уничтожения церковных памятников направлена была против того девиза, с которым более 500 лет русский солдат воевал и отдавал свою жизнь: «За веру, царя и Отечество». В Симбирске большевики-интернационалисты нанесли удар в самое сердце города: уничтожили три красивейших храма, составляющих архитектурный комплекс – Соборную площадь: Троицкий кафедральный собор, Николаевский кафедральный собор и Николаевскую церковь.

Свято-Троицкий кафедральный собор был заложен в 1815 году во славу победы нашего народа в войне 1812 года. Строился он около 15 лет, но результат оправдал все ожидания, а также собранные на строительство средства. Собирались же они, между прочим, посредством открытых пожертвований, то есть составлялись огромные списки, свидетельствующие о том, кто сколько внес денег. Эти списки современники называли «вещественным доказательством проявления патриотического чувства симбирского дворянства». Но среди жертвователей, кроме знаменитых дворян и богатых мещан, были и неизвестные люди, отдавшие немалые деньги на возведение храма. Простой люд принимал очень активное участие в постройке собора.

Троицкий кафедральный собор соорудился по проекту Михаила Петровича Коринфского, получившего образование в Академии Художеств. В Петербурге Михаил Петрович (его настоящая фамилия Варенцов) был обласкан Президентом Академии Художеств А.С.Строгановым, по достоинству оценившим талант начинающего архитектора. А за архитектурный проект Троицкого собора, выполненный в коринфском стиле, художник получил золотую медаль, звание академика, и сам император Александр I повелел ему именоваться отныне не Варенцовым, а Коринфским, собственноручно написав об этом в конкурсном плане.

Троицкий собор (41 метр в высоту и 43 в длину) получили необычайно красивым. Он украшен четырьмя портиками, огромным круглым, световым барабаном. Как пишет ульяновский краевед Б.В. Аржанцев, «собор представлял собой центрическую скульптуру храма-ротонды со сводчатыми покрытиями, что роднит его с Пантеоном в Риме, Казанским и Исаакиевскими соборами в Петербурге». Сходство не случайно: архитектор любил Санкт-Петербург, учился здесь и проходил практику на строительстве и реставрации храмов северной столицы. Но если всмотреться в архитектуру Исаакиевского и Троицкого соборов, можно заметить, что симбирский храм не украшен таким огромным количеством скульптур, да и колонны, положенные в его основу, сделаны не из самого дорогого

пудожского камня, а из мрамора. Троицкий собор не производил впечатление громоздкости, как Исаакиевский, он казался легким, воздушным, благодаря наплавающейся, подобно торту, кровле.

История разрушения Свято-Троицкого кафедрального собора в Ульяновске полна загадок. По свидетельству ульяновского исследователя Александра Киселева, в 1935 году местные власти сделали запрос в Комитет по охране памятников революции о разрешении сноса собора. В ответ было получено два постановления, рекомендовавшие «рациональное использование этого здания, при обновлении города под культурно-просветительское учреждение с сохранением внешнего облика». Но вскоре при невыясненных обстоятельствах в храме случился пожар, и, несмотря на предписание ВЦИК, в 1937 году летний кафедральный собор был полностью снесен.

Почти все краеведы Ульяновска сходятся во мнении, что пожар не был случайным, слишком уж рьяно и упорно местные власти и ура-патриоты добивались сноса Троицкого собора, этой православной святыни на родине вождя мирового пролетариата.

С уничтожением храмов город терял свое лицо. На память приходят слова выдающегося знатока отечественной и мировой культуры академика Д.С. Лихачева: «Архитекторы, строящие в старых городах, должны знать историю своих городов и чувствовать их красоту». Старые архитекторы Симбирска – Коринфский, Ливчак, Шоде – ценили самобытность, географическое положение, дух нашего славного города.

Но пришло время «собирать камни». И, хотя Д.С.Лихачев считает, что «каждый памятник разрушается навечно», хочется надеяться, что Троицкий кафедральный собор в Симбирске будет восстановлен. Сегодня об этом мечтают многие горожане. Архитекторы-градостроители считают, что возродить собор можно, единственная серьезная проблема – финансы. Духовенство и простые горожане могут вложить средства, но необходима и помощь меценатов.

В настоящее время вопрос изучается специалистами. Археологи и геодезисты должны определить место строения – это вызывает самые жаркие споры. Трудно сказать, как будут развиваться события дальше, но восстановление Троицкого собора в Ульяновске – дело необычайно важное. Он необходим нам и как «документ» эпохи, и как символ города: первой соборной церковью в Симбирске была Троицкая, она закладывалась с первыми бревнами городской крепости и охраняла град Симбирск от бед и напастей. Далее эту роль выполнял Свято-Троицкий кафедральный собор. Возможно, с его возрождением возродится и былая красота нашего родного города, его величие и богатство.

Димитровградский художник **Андрей Кузнецов** запомнился ульяновцам по акварелям, посвященным старому Симбирску. Недавно он закончил новую серию работ, которые будут напечатаны издательством «Корпорация технологий продвижения» в наборе открыток.

1.

*Старый Симбирск
на новых открытках*

1. Никольский собор. Святой праздник
2. Троицкий собор, Соборная площадь и Никольский собор. Благодение

Жуковский – Пушкин – Языков

Новые исследования

Впервые контуры этого поэтического треугольника обозначились осенью 1827 года в Дерпте, где Николай Михайлович завершал учебу в университете, а Василий Андреевич очередной раз пожаловал в Ливонские Афины по пути из Германии в Петербург. Насколько доверительными складывались отношения между «парнасским старшиной», как уважительно называли Жуковского молодые поэты, и студентом-волжанином видно из письма Языкова от 14 октября своему приятелю Алексею Вульффу: «Здесь теперь находится проездом из чужеземия Жуковский. Он подозрел чрезвычайно; расспрашивал меня о литературных делах Пушкина; я рассказал, что мне известно, и Жуковский поручил мне позвать Пушкина в Питер для прочтения «Годунова». Доведи до его сведения это обстоятельство; кланяйся ему от меня».

Важной вехой в жизни Николая Языкова стал 1831 год, когда он квартировал в Москве у Красных ворот в доме Елагиных-Киреевских, являвшемся лучшим литературным салоном, который посещали Михаил Погодин (редактор «Московского вестника»), Петр Вяземский, Алексей Хомяков, Евгений Баратынский. Время от времени здесь бывали Александр Пушкин и Василий Жуковский, которые всемерно поддерживали затевавшийся Иваном и Петром Киреевскими и Николаем Языковым журнал «Европеец».

Сложившаяся там творческая атмосфера вдохновляюще действовала на поэта-волжанина; 4 ноября 1831 года он сообщал братьям в Симбирск: «Я имею счастье всякий день видеть Жуковского; он написал очень много нового; скоро выйдут (уже напечатаны: дело остановилось за гравюрою) его баллады – прежние и много новых; кроме этого, он рассказал стихами некоторые русские сказки: прелесть! Одна из них будет в первом номере «Европейца». Пушкин напечатает свои повести в прозе и написал тоже много нового, и, между прочим, сказку под названием «Балда», «Вечера на хуторе» (Н. Гоголя. - Ж. Т.) – славная вещь».

Спустя несколько дней Василий Андреевич Жуковский отправлялся в Петербург, и Н. Языков с И. Киреевским, воспользовавшись такой вер-

В.А. Жуковский.
Рис. А.А. Воейковой

А.С. Пушкин.
Художник В. Тропинин

Н.М. Языков.
Рис. А.А. Воейковой

ной оказией, передали с ним Пушкину письма, а поэт – еще и стихи, посвященные памяти А. А. Дельвига. Как только в руки Александра Сергеевича попала эта долгожданная эстафета, он сразу же, 18 ноября пишет Языкову и Киреевскому: «Сердечно благодарю Вас, любезнейший Николай Михайлович, Вас и Киреевского за дружеские письма и за прекрасные стихи. . . Поздравляю всю братию с рождением «Европейца». Готов с моей стороны служить Вам чем угодно, прозой и стихами, по совести и против совести. Жуковский приехал; известия, им привезенные, очень утешительны; тысяча, пробитая Вами очень поправит домашние обстоятельства нашей бедной литературы. Надеюсь на Хомякова. . . Торопите Вяземского, пусть он пишет мне своей прозы и стихов; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правим тризну по Дельвиге».

К великому сожалению, упоминаемое Александром Сергеевичем дружеское письмо к нему Николая Языкова не сохранилось, и это не могло не затруднить составление точного комментария к некоторым местам пушкинского письма. Так, опытный пушкинист Л.Б. Модзалевский, подготовивший в 1934 году академическое трехтомное издание «Пушкин. Письма», в комментарии к подчеркнутым мною выше словам ограничился замечанием: «какие «утешительные» известия привез Жуковский, не знаем. А «тысячи, пробитой» Языковым, вообще не коснулся».

Литературоведы В.Э. Вацура, М.И. Гиллельсон, И.Б. Мушина и М.А. Турьян в двухтомнике «Переписка А.С. Пушкина», изданном в 1982 году массовым тиражом, восполнили этот пробел о «тысяче» примечанием: «Очевидно речь идет о каких-то денежных расчетах, в которых участвовали Жуковский, Языков и Киреевский».

Составители хроники «Симбиряне в жизни и творчестве А.С. Пушкина» В. Сукайло и Е. Беспалова (Ульяновск, 2001, с. 294) проигнорировали комментарий В.Э. Вацура и его коллег. Признаться, я тоже долгое время скептически относился к этому комментарию, ибо не верилось, чтобы тысяча рублей смогла «очень поправить» дела «бедной литературы»

России. Даже если бы под этой суммой Александр Сергеевич подразумевал тысячу рублей, внесенную Н. Языковым на столь желанное издание нового литературного, научного и политического журнала «Европеец», под редакцией И.В. Киреевского.

Зато в письме Александра Сергеевича бросается в глаза его благодарность Николаю Михайловичу за то, что он первым прислал прекрасные стихи для альманаха «Северные цветы», доход от которого предназначался его семье. Два языковских творения – «Песня» и «А.А. Дельвигу» – непосредственно посвящались Антону Антоновичу, остальные – Ивану Киреевскому, поэтессе Каролине Яниш и два («Им») и «Бессоница» – сугубо лирические.

Итак, к «утешительным» известиям, привезенным В. Жуковским из Москвы и сообщенным А. Пушкину, несомненно, относится весть о рождении «Европейца», стихи Н. Языкова, плодотворная поэтическая деятельность А. Хомякова, да и самого Василия Андреевича. Что касается тысячи, «пробитой» Языковым, то эту сумму нет оснований связывать «с какими-то денежными расчетами». Ведь дарчик просто открывается, если припомнить более важное обстоятельство – пари, о котором академик Михаил Погодин 3 июня 1831 года сообщил из Москвы А. Пушкину: «Я, Хомяков и Языков дали друг другу слово к 23 декабря нынешнего года приготовить по большому сочинению и сим у вас, как первого нотариуса, записываем свое условие».

В письме Н. Языкова к брату Александру в Симбирск от 30 сентября 1831 года сообщаются детали этого творческого соревнования: «Наш Парнас просыпается: Жуковский написал целый том новых стихотворений, Пушкин – повесть в стихах и еще пишет; и моя поэзия тоже не в бездействии пребывает... К 1-му января 1832 года у меня будет 2000 стихов свежих – и выиграю заклад... Если совершится сие поэзии моей дельное дело, то я выдам в свет собрание моих стихотворений». Выражение «заклад» возможно относится уже к условию, заключенному поэтом с Алексеем Андреевичем Елагиним, отчимом братьев Киреевских.

Александр Пушкин либо из письма Языкова, либо из рассказа Жуковского узнал о необычном стихотворном состязании и от души радовался, что Николай Михайлович, еще не оправившийся после кончины своей матушки, взял себя в руки и создал три десятка стихотворений – тысячу строк («стихов»); часть из них украсит и «Северные цветы». По-дружески болеющий за Языкова Александр Сергеевич, используя лексику простого народа в письме к нему, заявил ободрительно: «тысяча, пробитая Вами, очень поправит дела нашей бедной литературы». Здесь глагол «пробить», как это видно из «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля, имеет прямое для нашего случая значение: «Он... пробил в закладах» и «пробиться... достигнуть чего-то с трудом».

Радуясь достижениям Николая Языкова в поэтическом состязании, его легте в «Северные цветы» и в журнал «Европеец», Пушкин расценил все это в конечном счете как достойный вклад в отечественную литературу. В прошлом году в «Литературной газете» Александр Сергеевич писал о Языкове: «С самого начала появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом». Теперь же очередная дружеская поддержка Пушкина одушевила Николая Михайловича на ускорение подготовки сборника своих творений к печати. И, конечно же, первые экземпляры книги «Стихотворения Н. Языкова» в начале 1833 года автор счел своим долгом направить В.А. Жуковскому и А.С. Пушкину.

Жорес Трофимов

2003 год проходит в Ульяновске под знаком юбилея Н.М. Языкова. В день 200-летия поэта на его родине собрались поклонники его творчества, писатели, поэты, общественные деятели. Праздник в Большом зале Ленинского мемориала открыл губернатор Ульяновской области В.А. Шаманов. О значении Н.М. Языкова для России, для наших современников говорили все выступающие. Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев подчеркнул актуальность его поэзии:

«В борьбе с бесовиной преобразователь, «реформаторов по порче Руси» Языков был бескомпромиссен. Его набор этих «экземпляров» поистине актуален и узнаваем в сонме сегодняшних святотатцев... Каждый может узнать в них прошлых и нынешних врагов России любой национальности, любого наукообразия, степени власти и образования... Сыплотся до сих пор «бесстыдные хуленья», «преступные слова» и такого рода витии, многие сегодняшние политики, телекомментаторы, журналисты продолжают унижать народ и нашу страну.

И ты тем выше, тем ты краше;

Тебе угоден этот срам,

Тебе любезно рабство наше.

О горе нам, о горе нам!

Да, горе, пока мы не испелим этот срам, не испелим рабство поклонения, не возьмемся за собственный ум, не обопремся на собственные силы, не обратимся к своему народу. И он даст нам свои духовно-культурные и высшие инвестиции, которые и возродят Отечество...

Россия никогда не будет третьестепенной страной, пока с ней Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Шолохов, пока с ней Блок, Есенин, Языков!»

С ярким словом о русском поэте выступил писатель, академик Н.В. Нарышкин, который также подчеркнул современность Языкова, чьи патриотические идеи находят все больший отклик в сердцах россиян. Прозвучали со сцены выступления московских гостей: выдающегося российского поэта Владимира Кострова, поэта-сатирика, драматурга и переводчика Анатолия Парпары, писателя, публициста Николая Дорошенко.

В апреле юбилей Н.М. Языкова нашел отражение во Всероссийской научной конференции, которая прошла под председательством руководителя Законодательного Собрания Ульяновской области Б.И. Зотова.

В пушкинские дни мероприятия в честь Н.М. Языкова продолжились. Во Дворце книги под руководством пламенного исследователя творчества Языкова Ж.А. Трофимова прошли Пушкинские чтения. Новый музей «Братья Языковы» открылся в поселке Языково, где в течение двух лет шли серьезные реставрационные работы, оживившие облик родового гнезда поэта. Здесь же, в усадьбе, состоялся 8 июня феерический праздник с участием ведущих артистов областной филармонии, театра драмы, гостей из Москвы, городов Поволжья.

Редакция журнала «Мономах» благодарит председателя Языковского оргкомитета Н.В. Нарышкина за большой вклад в дело популяризации творчества поэта-земляка и поздравляет Николая Васильевича с 65-летием!

Добрый ангел, храни мой город

Как менялся облик нашего города в течение последнего столетия? Как отражались в нем веки времени, судьбы людей, идеи архитекторов, капризы власть имущих? Обо всем этом можно узнать в музее «Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска». Музей очень молод, но снискал любовь горожан, да и гости Ульяновска уносят отсюда самые восторженные впечатления.

К 355-летию Симбирска-Ульяновска музей градостроительства наметил целый ряд интереснейших акций. Это конкурсы плакатов, рисунков, экспонатов, рассказывающих о родном городе. Юбилейный марафон начался с конкурса плакатов «Мой город» среди студенческой молодежи. Организаторы не ожидали такой активности, какую проявили студенты: на конкурс было прислано 180 плакатов! 23 человека заняли призовые места в разных номинациях. Но блистали, конечно же, студенты дизайнерского факультета УлГУ.

Как только были подведены итоги первой акции, стартовал следующий конкурс – школьных рисунков на городскую тематику. Много замечательных работ прислали учащиеся ДШИ № 3, показала свои таланты и средняя школа № 82: руководитель студии С.А. Куклина подготовила к конкурсу 25 учеников.

Следующий этап юбилейных мероприятий музея – акция «Симбирск-Ульяновск – родина многих поколений», рассчитанная на пополнение экспонатов. Это конкурс свидетельств городской старины, на который горожане откликнулись не менее охотно: марки, конверты с видами города, фотографии Симбирска и его жителей – все, что есть ценного в семейных архивах, люди несут в музей.

Познакомившись с конкурсными работами, посвященными 355-летию родного города, заходим в кабинет заведующей музеем «Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска», чтобы задать вопрос: «За что горожане любят музей?»

Глаза у Ирины Владимировны живые, с веселыми огоньками – сразу видно, что человек занимается любимым делом.

«Мы не замыкаемся на выставках, – рассказывает И.В. Есина, – а работаем с населением, со всеми возрастными категориями. Для самых маленьких разработали развивающую программу «Сердцу близкий городок», которая дает первое представление о краеведении. Это игровая программа, очень интересная и насыщенная. На наш эксперимент откликнулся детский сад № 165, и мы успешно завершили занятия игрой-путешествием на «машине времени». Разработали мы программу и для летних

детских лагерей. А сейчас готовимся к праздничному мероприятию в связи с 450-летием Промзино-Сурского.

У музея есть свой общественный актив. Это люди, любящие Ульяновск, хранящие память о его истории. Мы очень благодарны за ту помощь, которую оказывают музею жители нашего города: Мясин Николай Иванович, Грен Зоя Ивановна, Филимонов Валентин Николаевич, Медведева Маргарита Ивановна, Дорохова Тамара Сергеевна, Альшев Владимир Павлович, Буровская Елена Брониславовна и другие. Старожилы любят город за его богатую историю, прекрасную архитектуру, старинные улочки и парки. Нам важно, чтобы молодые люди, школьники и малыши относились к своей малой ро-

дине с не меньшей любовью, интересовались ее прошлым, болели за будущее».

В оформлении страницы использованы плакаты и рисунки, присланные на конкурс в музей "Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска".

Улиганец Марьяна, 15 лет. "Ангел-Хранитель, береги мой город на реке"

Бондаренко Лариса, студентка УлГУ.

"Бесценный мир".

Виноградова Валерия, 14 лет. "Венец".

Лесикова Евгения, студентка УлГУ. "Бр-р".

Пяткина Анастасия, 14 лет. Пейзаж.

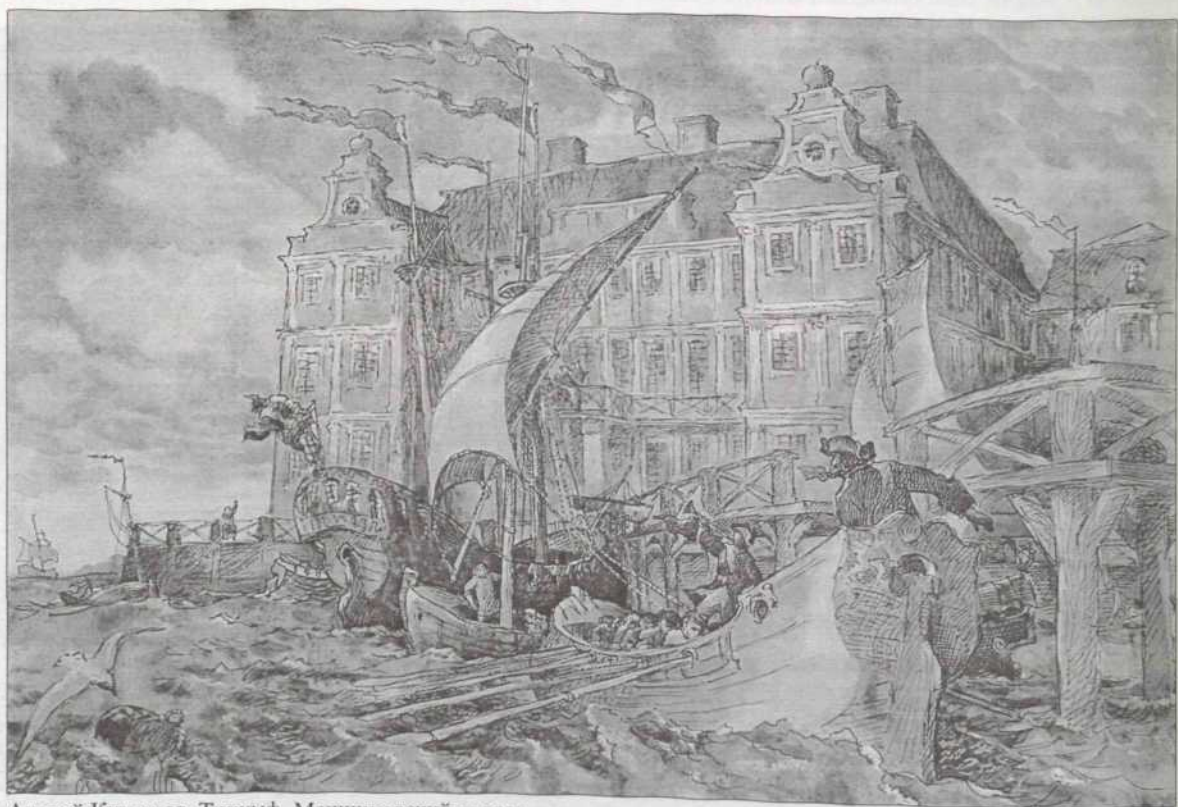
Минарова Елена, 15 лет. "Симбирская улочка".

Артамонова, студентка УлГУ. "Колокола веков".

Андрей Кузнецов. Строительство на Васильевском острове в XVIII веке

Андрей Кузнецов. Триумф. Меншиковский дворец

Было в нашей истории время, когда люди исчезали навсегда: из квартир, из семей, из числа коллег. Исчезали даже с фотографий: на месте, где было лицо репрессированного, появлялась дыра, которая должна была поглотить память о человеке. Но память, несмотря ни на что, жила, дожидаясь момента, когда можно заявить о себе во всеуслышанье.

Э.П. Фризендорф

В 20-30-е годы в Ульяновске, благодаря выдающимся педагогам-художникам Архангельскому и Пузыревскому, расцветала школа живописи. Десятки талантливых людей брались за кисть и создавали яркие произведения. Не все работы попадали в каталоги и получали высокие оценки специалистов, но самые лучшие дарили ульяновцам минуты счастья, приобщали к прекрасному, развивали эстетический вкус, а потому не могли исчезнуть навсегда в те страшные годы, когда уходили в небытие их создатели. О двух интересных художниках, чей талант проявился в 20-30-е годы, напомнила нам выставка, прошедшая весной этого года в музее городского быта.

П.А. Андреевский

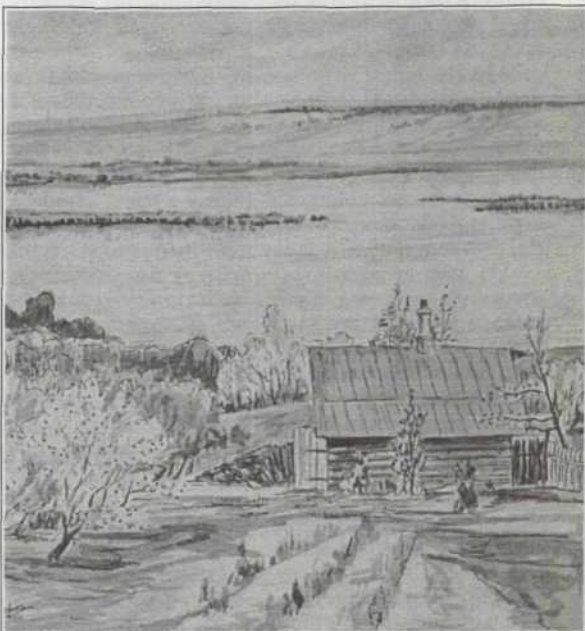
Вернувшиеся из небытия

Эгон Павлович Фризендорф (1880-1941) происходил из богатой немецкой семьи, в которой были и талантливые архитекторы, и музыканты, и юристы. На благодатной генетической почве развивался талант будущего математика и художника. Эгон Павлович окончил физико-математический факультет Московского университета, два года обучался в Строгановском художественном училище, а в 1918 году он был направлен преподавателем математики в Симбирский кадетский корпус. Когда Эгон Павлович приехал в Симбирск, кадетский корпус был уже пуст: наступила другая эпоха.

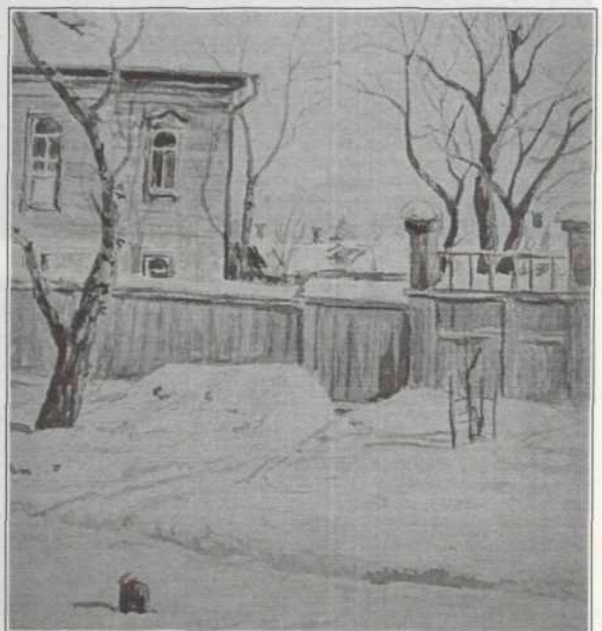
Фризендорф участвует в боях на стороне «красных», работает на курсах подготовки взводных ко-

мандиров, открытых на базе кадетского корпуса, затем – в бронетанковом училище. А в 1923 году находит свою судьбу и венчается с 16-летней Маргаритой Михайловой, дочерью начальника почтово-телеграфной конторы. Молодые снимают комнату у провизора Иосифа Барского: этот дом с аптекой на первом этаже, напротив Марининской женской гимназии (ныне ул. Л. Толстого) художник запечатлел на одной из своих акварелей.

В начале 30-х годов Эгон Павлович всерьез увлекается живописью, графикой, резьбой по дереву и словной кости, и в то же время не изменяет своей любимой науке – математике: в Москве выходит его научный труд, за который он получает крупный по тем временам гонорар – 500 рублей.

П. Андреевский. Спуск к Волге

П. Андреевский. Ул. Шатальная

Э. Фризендорф. Угол Покровской (Главпочтамт)

Э. Фризендорф. Пристань

Э. Фризендорф. Беседка

Э. Фризендорф. Тихвинская церковь

«Это было чудное время, — вспоминает дочь Фризендорфа Изабелла Эгоновна. — Помню, как в праздничные дни отец торжественно распахивал двери большой комнаты, и мы с мамой восторженно хлопали в ладоши, увидев на столе подарки, выполненные папиными руками: фигурки из слоновой кости, резные полочки, картинки. Всегда радостными были поездки с отцом в Поливну. Там летом начинал работу военный лагерь, где Эгон Павлович должен был находиться по службе. Красота Поливны так его очаровывала, что он увлеченно писал этюды. Помню веселые вечеринки военных. У отца были замечательные коллеги — образованные, интеллигентные люди. Когда много лет спустя нам представилась возможность познакомиться в прокуратуре с делом отца (он был реабилитирован посмертно в 1956 году), я очень боялась увидеть в документах допроса фамилии его сослуживцев: все они были вхожи в нашу семью и любимы им. Но ни одного клеветнического обвинения со стороны преподавателей училища в деле не оказалось».

В 1936 году в Ульяновске состоялась выставка художников, преподавателей бронетанкового училища, организованная начальником училища Духановым. Пройшла она очень успешно. Самые добрые отклики в прессе получили работы Э.П. Фризендорфа и П.А. Андржеевского. Но радость была недолгой: вскоре по военному училищу прокатилась волна арестов. Она коснулась в первую очередь тех, кто имел сомнительную фамилию или богатых предков. Эгон Павлович был осужден и сослан в Бирлаг (г. Биробиджан). В 1938 году 13-летняя дочь писала отцу в лагерь: «Когда бы ты ни пришел, ты всегда найдешь семью». Но в канун нового, 1941 года, жена и дочь получили письмо, оказавшееся последним. Эту весточку от отца, написанную карандашом и в сопровождении рисунков, Изабелла Эгоновна бережно хранит до сих пор.

«Твой папуся за последние три года сильно постарел и похудел. Я, дорогая Изочка, стал совсем седым, и на лице появились морщины, но, несмотря на это, я остался таким же молодым, как был три года тому назад...

Милая, дорогая доченька, часто вспоминаю я наше житье в Поливно, как ты хозяйничала и ждала своего папулю с обедом. Ну, дорогой мой, я надеюсь, что придет время, когда ты так же будешь ждать меня с обедом, и затем мы все, вместе с мамой будем собирать ягоды в лесу. Правое колено и плечо остаются за тобой, а левое колено и плечо — за нашей худенькой мамой.

Из всех присланных карточек больше всего нравится карточка, на которой мама снята в белой шапочке. Ваши карточки хранятся у меня в левом боковом кармане. У меня такое ощущение, что ты как будто бы сейчас со мною...

Всего лишь через месяц после этого письма Э.П. Фризендорф умер. Всей душой он рвался домой и верил, что встреча с родными вот-вот состоится...

Заключенных хоронили в общей могиле, в нижнем белье, и одна добрая женщина смогла достать из того самого левого бокового кармана художника карточки жены и дочери и, нарушая предписания лагерного начальства, сообщила семье о смерти Эгона Павловича. В конверт были вложены фотографии.

Но рукописи не горят, и таланты не исчезают навсегда – они возвращаются в рукописях, картинах, стихах, песнях. Жизнь художника продолжается в его живописных работах, в генах детей. Интересно то, что внуки Фризендорфа унаследовали музыкальные таланты предков: Ульяновску хорошо известна внучка Эгона Павловича – певица Татьяна Коперлес, не обделены талантливы и остальные потомки художника,

История Э.П. Фризендорфа очень схожа с горькой судьбой его сослуживца и друга – *Петра Андреевича Андреевского (1894-1956)*.

Петр Андреевич родился в г. Кальвария Сувальской губернии. В 1912 году поступил в Варшавский политехнический институт. В 1914 году он добровольцем ушел на фронт, а оттуда был направлен в военное училище. К 1917 году он был в чине штабс-капитана.

В сентябре 1918 года Андреевский поступил в Красную армию, и был отправлен на Восточный фронт. В должности командира роты участвовал в боях на направлении Бугульма - Уфа. В Ульяновск он попал по болезни, здесь и остался, так как после выздоровления получил назначение на Симбирские пехотные курсы. В Ульяновске Петр Андреевич встретил свою любовь, Ольгу Юргенс, и женился.

В 1936 году, после большого успеха П.А. Андреевского на художественной выставке, в газете «Пролетарский путь» было опубликовано интервью с Петром Андреевичем, где он рассказывал о себе: «Живописью интересовался давно, но война надолго оторвала меня от мольберта. Не брал кисть более 12 лет! Совсем недавно вновь стал серьезно заниматься живописью».

Журналисты особо отмечали пейзажи художника, и сам автор считал свои пейзажные зарисовки наиболее удачными. Он остро воспринимал картины природы, хорошо чувствовал свет. В статье «Выставка и художники» газета «Пролетарский путь» писала 9 мая 1936 года: «Талантливо и тщательно вырисованы пейзажи П.А. Андреевского. В руках этого художника цветной карандаш может успешно соревноваться с маслом и акварелью». А через некоторое время та же газета опубликовала воспоминания П.А. Андреевского о гражданской войне.

В 1938 году Петр Андреевич был награжден юбилейной медалью «XX лет РККА», но вскоре арестован и осужден как враг народа. 18 долгих лет семья художника ждала его возвращения домой! Андреевский прошел через тюрьму и поселение, пережил все тяготы лагерной жизни, и вот, когда мечта о встрече с родными уже могла обернуться реальностью, жизнь оборвалась: Петр Андреевич погиб в Сибири по дороге домой.

Дочь художника и его внук сохранили картины П.А. Андреевского, а также рабочие альбомы, афишу и каталог художественной выставки, состоявшейся в краеведческом музее в 1936 году, пожелтевшие газеты с отзывами о работах Андреевского на весенних и осенних выставках 1936 и 1937 годов. Недавно ульяновцы увидели их на выставке в музее городского быта.

Лучшие работы репрессированных в 30-е годы художников сохранились в фондах Ульяновского художественного музея, и было бы замечательно представить их на областной выставке.

П. Андреевский. Вечер на Волге

П. Андреевский. Разлив Волги

П. Андреевский. Поливна

П. Андреевский. Вишни в цвету

Э. Фризендорф. Угол Покровской (Главпочтамт)

Э. Фризендорф. Пристань

Э. Фризендорф. Беседка

Э. Фризендорф. Тихвинская церковь

«Это было чудное время, – вспоминает дочь Фризендорфа Изабелла Эгоновна. – Помню, как в праздничные дни отец торжественно распахивал двери большой комнаты, и мы с мамой восторженно хлопали в ладоши, увидев на столе подарки, выполненные папиными руками: фигурки из слоновой кости, резные полочки, картинки. Всегда радостными были поездки с отцом в Поливну. Там летом начинал работу военный лагерь, где Эгон Павлович должен был находиться по службе. Красота Поливны так его очаровывала, что он увлеченно писал этюды. Помню веселые вечеринки военных. У отца были замечательные коллеги – образованные, интеллигентные люди. Когда много лет спустя нам представилась возможность познакомиться в прокуратуре с делом отца (он был реабилитирован посмертно в 1956 году), я очень боялась увидеть в документах допроса фамилии его сослуживцев: все они были вхожи в нашу семью и любимы им. Но ни одного клеветнического обвинения со стороны преподавателей училища в деле не оказалось».

В 1936 году в Ульяновске состоялась выставка художников, преподавателей бронетанкового училища, организованная начальником училища Духановым. Прошла она очень успешно. Самые добрые отклики в прессе получили работы Э.П. Фризендорфа и П.А. Андреевского. Но радость была недолгой: вскоре по военному училищу прокатилась волна арестов. Она коснулась в первую очередь тех, кто имел сомнительную фамилию или богатых предков. Эгон Павлович был осужден и сослан в Бирлаг (г. Биробиджан). В 1938 году 13-летняя дочь писала отцу в лагерь: «Когда бы ты ни пришел, ты всегда найдешь семью». Но в канун нового, 1941 года, жена и дочь получили письмо, оказавшееся последним. Эту весточку от отца, написанную карандашом и в сопровождении рисунков, Изабелла Эгоновна бережно хранит до сих пор.

«Твой папуся за последние три года сильно постарел и похудел. Я, дорогая Изочка, стал совсем седым, и на лице появились морщины, но, несмотря на это, я остался таким же молодым, как был три года тому назад...»

Милая, дорогая доченька, часто вспоминаю я наше житье в Поливно, как ты хозяйничала и ждала своего папулю с обедом. Ну, дорогой мой, я надеюсь, что придет время, когда ты так же будешь ждать меня с обедом, и затем мы все, вместе с мамой будем собирать ягоды в лесу. Правое колено и плечо остаются за тобой, а левое колено и плечо – за нашей худенькой мамой.

Из всех присланных карточек больше всего нравится карточка, на которой мама снята в белой шапочке. Ваши карточки хранятся у меня в левом боковом кармане. У меня такое ощущение, что ты как будто бы сейчас со мною...»

Всего лишь через месяц после этого письма Э.П. Фризендорф умер. Всей душой он рвался домой и верил, что встреча с родными вот-вот состоится...

Заклоченных хоронили в общей могиле, в нижнем белье, и одна добрая женщина смогла достать из того самого левого бокового кармана художника карточки жены и дочки и, нарушая предписания лагерного начальства, сообщила семье о смерти Эгона Павловича. В конверт были вложены фотографии.

Но рукописи не горят, и таланты не исчезают навсегда – они возвращаются в рукописях, картинах, стихах, песнях. Жизнь художника продолжается в его живописных работах, в генах детей. Интересно то, что внуки Фризендорфа унаследовали музыкальные таланты предков: Ульяновску хорошо известна внучка Эгона Павловича – певица Татьяна Коперлес, не обделены талантливы и остальные потомки художника,

История Э.П. Фризендорфа очень схожа с горькой судьбой его сослуживца и друга – *Петра Андреевича Андржеевского (1894-1956)*.

Петр Андреевич родился в г. Кальвария Сувальской губернии. В 1912 году поступил в Варшавский политехнический институт. В 1914 году он добровольцем ушел на фронт, а оттуда был направлен в военное училище. К 1917 году он был в чине штабс-капитана.

В сентябре 1918 года Андржеевский поступил в Красную армию, и был отправлен на Восточный фронт. В должности командира роты участвовал в боях на направлении Бугульма - Уфа. В Ульяновск он попал по болезни, здесь и остался, так как после выздоровления получил назначение на Симбирские пехотные курсы. В Ульяновске Петр Андреевич встретил свою любовь, Ольгу Юргенс, и женился.

В 1936 году, после большого успеха П.А. Андржеевского на художественной выставке, в газете «Пролетарский путь» было опубликовано интервью с Петром Андреевичем, где он рассказывал о себе: «Живописью интересовался давно, но война надолго оторвала меня от мольберта. Не брал кисть более 12 лет! Совсем недавно вновь стал серьезно заниматься живописью».

Журналисты особо отмечали пейзажи художника, и сам автор считал свои пейзажные зарисовки наиболее удачными. Он остро воспринимал картины природы, хорошо чувствовал свет. В статье «Выставка и художники» газета «Пролетарский путь» писала 9 мая 1936 года: «Талантливо и тщательно вырисованы пейзажи П.А. Андржеевского. В руках этого художника цветной карандаш может успешно соревноваться с маслом и акварелью». А через некоторое время та же газета опубликовала воспоминания П.А. Андржеевского о гражданской войне.

В 1938 году Петр Андреевич был награжден юбилейной медалью «XX лет РККА», но вскоре арестован и осужден как враг народа. 18 долгих лет семья художника ждала его возвращения домой! Андржеевский прошел через тюрьму и поселение, пережил все тяготы лагерной жизни, и вот, когда мечта о встрече с родными уже могла обернуться реальностью, жизнь оборвалась: Петр Андреевич погиб в Сибири по дороге домой.

Дочь художника и его внук сохранили картины П.А. Андржеевского, а также рабочие альбомы, афишу и каталог художественной выставки, состоявшейся в краеведческом музее в 1936 году, пожелтевшие газеты с отзывами о работах Андржеевского на весенних и осенних выставках 1936 и 1937 годов. Недавно ульяновцы увидели их на выставке в музее городского быта.

Лучшие работы репрессированных в 30-е годы художников сохранились в фондах Ульяновского художественного музея, и было бы замечательно представить их на областной выставке.

П. Андржеевский. Вечер на Волге

П. Андржеевский. Разлив Волги

П. Андржеевский. Поливна

П. Андржеевский. Вишни в цвету

С надеждой на возрождение

В истории любого города бывают подъемы и спады в развитии, и наш город не исключение.

На первом этапе своего становления бедствием для деревянного Симбирска стали пожары, самым сокрушительным из которых был пожар 1864 года, уничтоживший большую часть городских построек и повредивший при этом почти все капитальные общественные здания. Как ни парадоксально, именно эти беды позволяли избавляться от кривых, случайно возникавших проулков, тупиков, неказистых строений, на месте которых пробивались ровные улицы, возводимые по проектам с соблюдением противопожарных мер.

Получив при Екатерине Великой статус губернского центра, Симбирск к середине XIX века с возведением общественных зданий, в ряду которых главенствующая роль принадлежала выстроенному в 1841 году величественному Спасо-Троицкому собору, стал, по описанию очевидцев, одним из красивейших городов Поволжья.

После Октябрьского переворота в России, когда с объявлением тотальной борьбы с религией к концу 1930-х годов были уничтожены почти все культовые сооружения Симбирска, город был обезглавлен, а затем и превращён в затхатый райцентр Куйбышевской области. В таком виде он просуществовал до начала Великой Отечественной войны, пока на его территории в срочном порядке не стали размещать эвакуированные с запада страны (из Москвы, Киева, Минска, Харькова, Ленинграда, Витебска, Вязьмы, Актырки) заводы и фабрики. Сюда прибыли и квалифицированные кадры, увеличившие стотысячный город в полтора раза.

Флагманом промышленности стал автозавод, созданный на базе частично перевезённого оборудования ЗИСа. Жилой посёлок этого предприятия положил начало новому району города - Засвияжскому (бывшему Сталинскому).

Всего на Ульяновскую землю было перебазировано 15 предприятий. Быстро растущий промышленный и людской потенциал послужил причиной создания в 1943 году Ульяновской области, и Ульяновск, как областной центр, теперь стал получать свою долю государственного финансирования. Послевоенный рост города происходил согласно с проектом «Большая Волга», предусматривающего создание каскада гидростанций на главной реке России. Но строительство велось в основном в Засвияжском, в Заволжском районах и в северном направлении Ленинского райо-

на. Рост Заволжского района и северной части города - следствие создания Куйбышевского водохранилища, реконструкции моста через Волгу, давшего двухстороннюю автотранспортную связь, переноса поселений из затопляемой зоны. Центральная часть города с узкими, не отвечающими новым требованиям улицами, требовала преобразований.

100-летие со дня рождения В.И.Ленина подстегнуло проведение реконструкции центра. В 1965 году был проведен конкурс между архитекторами, целью которого был поиск современного градостроительного решения. Одновременно надо было учитывать и идеологическую сторону проблемы, ведь Ульяновск - родина В.И.Ленина. Эту задачу удалось успешно решить коллективу столичных зодчих под руководством Б.С.Мезенцева.

Тогда и был создан современный облик центра Ульяновска. Это было возвращением к былой славе «града Симбирска славного и похвального».

Географический, промышленный и строительный потенциал города получил дальнейшее развитие. Именно наш город из множества претендентов был выбран для размещения Авиационного завода, а затем и Центра микроэлектроники. Всё это, согласно расчётам градостроителей, выводило Ульяновск к самому началу нынешнего века в разряд «миллионника». С ориентацией именно на такое население было начато возведение крупнейшего в Европе второго моста через Волгу, в котором был предусмотрен ярус для пропуска метропоездов.

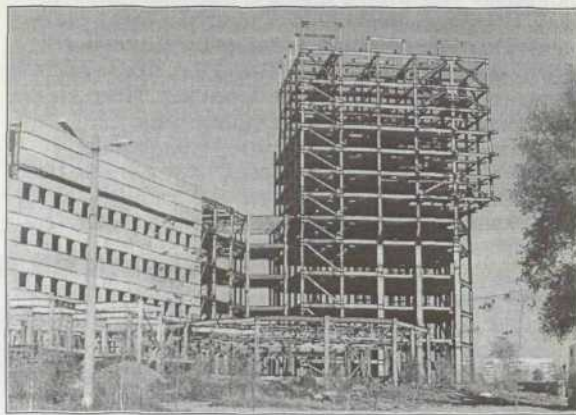
Но грянул новый поворот в истории России, заставший в начальной стадии строительства Центр микроэлектроники, мост, университет, детскую туристическую гостиницу на ул. Кирова. И сколько интереснейших проектов так и осталось невостребованными. Среди них создание в пойме реки Свияги молодёжного центра, гостиницы, училища культуры, цирка. На протяжении уже почти десяти лет заморожено массовое жилищное строительство.

Одним словом, город наш переживает не лучшие времена. Об этом говорят и данные статистики, и недостроенные остовы, возвышающиеся над городом и напоминающие о грандиозных в недалеком прошлом планах. Все это сегодня навевает не самые весёлые мысли. Но будем оптимистами, памятуя о том, что за застоём будет взлет - будет и на нашей улице праздник!

Валентин Фишмонов

Проект жилого района по улице Радищева

Каркас здания Центра микроэлектроники

Взгляд издалека

Дерек С. Хатчесон, доктор политнаук, сотрудник кафедры политологии Университета Глазго, Шотландия, автор монографии о политических движениях в Ульяновске. Дерек неоднократно посещал наш город в течение последних пяти лет, совершенствовал свой русский, читал журнал "Мономах". К юбилею Ульяновска Д. Хатчесон прислал горожанам свои поздравления и добрые пожелания.

Меня связывает с Ульяновском только пять из его 355 лет. Однако я уже считаю себя «почетным гражданином» вашего города и с нетерпением ожидаю каждого возвращения.

Мое первое знакомство с Ульяновском произошло летом 1999. Посещение было коротким, но достаточным, чтобы получить два впечатления: люди, которых я встретил, были теплы, щедры и дружелюбны, а Волга - значительно шире, чем я ожидал.

Я возвратился сюда осенью 1999 года на сей раз для более длинного пребывания - приблизительно одного года. Самые ранние приключения начались, главным образом, через мои нерешительные попытки вступить в контакт с жителями Ульяновска на языке, который на тот момент отдаленно напоминал русский. Я давал местным продавцам повод часами безобидно развлекаться каждый раз, когда я останавливался купить батон хлеба или пинту молока. Ведь до сих пор не было много шотландцев, входящих в магазины Ульяновска на краю города, поэтому продавцам, кажется, было приятно это развлечение, и, в конечном счете, мы имели множество веселых минут вместе.

Со временем улучшалась способность разговаривать, и за прошлые четыре года у меня было много счастливых поездок в Ульяновск, и появилось много настоящих друзей. Невозможно перечислить все, но когда я думаю об Ульяновске, то множество воспоминаний приходит на ум - случаи с различными близкими друзьями; вид Волги во все сезоны на Венце; интересная культурная жизнь (Ульяновску досталось редкое счастье в плане исторических и литературных связей: фигуры Гончарова, Карамзина, Ленина и Керенского известны даже на Западе); и разные неожиданные события. Я должен специально упомянуть о хоре лютеранской кирхи, о тех, с кем я пел в течение моего года в Ульяновске и сохранил контакт, возвратившись в Шотландию. Я должен также поблагодарить тех, кто согласился встречаться со мной в профессиональном качестве во время моих частых посещений Ульяновска.

Конечно, не каждое воспоминание об Ульяновске приятно, и те же самые вещи, которые расстраивают жителей Ульяновска, также время от времени расстраивали меня: чрезмерная бюрократия и так называемый "энергетический кризис", например! Но тепло приема, который я получаю каждую зиму, восполняет холод зданий, и я всегда ожидаю новых приключений в вашем городе.

Юрий Константинович Орлов известен нашим читателям по публикациям в «Мономахе», посвященным его симбирским родственникам. Уроженец Симбирска с дворянскими корнями, военный, прошедший фронтовые дороги, Ю.К. Орлов приехал в Ульяновск после полувековой разлуки всего лишь на день. А через некоторое время в редакцию пришло вот такое грустное письмо.

Ульяновск произвел на меня удручающее впечатление. Здание Ленинского мемориала - это громадный, безликий бетонный куб. Подобных кубов много. Рядом стоит гостиница «Венец»... По стилю она напоминает мне гостиницу «Националь» в Москве, но ее недавно снесли, и от этого Тверская улица только выиграла.

Прошел я к Волге. На пути - голый пустырь, обдуваемый холодным ветром. Даже Волга показалась неуютной. А мост через нее? Какое это было прекрасное, ажурное сооружение! Бывало, глаз не оторвешь. А сейчас его изуродовали, подстроили. На площади стоит памятник Ленину. Чем он отличается от тысяч других таких же памятников (и не только Ленину), разбросанных по всем городам и селам России?.. А ведь я помню время, когда на этой площади стояли три прекрасных храма! Помню также, как их сносили. Из трех досок был сколочен желоб, и по нему сверху спускали кирпичи. Не знаю, что потом строили из этих кирпичей. Возможно, те три «сарая» на улице Л. Толстого, которые называли «жилыми домами социализма»...

Облик города определяется не теми безликими застройками, какие увидел я в Засвияжье и Киндяковке, а такими сооружениями, как здание Художественного музея, кинотеатр «Художественный», Дворец пионеров, Главпочтамт, Дом-музей Гончарова.

Пришел на свою площадь к областной больнице. Это - прекрасный архитектурный ансамбль, но и он находится в удручающем состоянии. Ансамбль испохабили: над средним корпусом надстроили еще один этаж. Выглядит он как «на корове седло». Разве нельзя было во дворе построить еще один корпус?

Поразовало, что на здании больницы прикрепили мемориальную доску, где отражена история возникновения больницы и упомянуты врачи, там работавшие. Среди них я нашел хирурга Емельянова, который в свое время делал мне операцию.

Но почему площадь называется III Интернационала, а не Александровская? А где, наконец, название города Симбирск? Слышал, были предложения переименовать его в Обломовск. Это, конечно, нелепо, но также нелепо и название Ульяновск. Пока сами жители города это не поймут, ничего хорошего ждать не приходится.

Жизнь в городе зависит прежде всего от вас, жителей, а уж потом от губернатора и мэра. Вам их выбирать и вам вытаскивать город из той ямы, в которой он оказался.

С ВИЗИТОМ В СТАРИННЫЙ ФЛИГЕЛЬ

Как мы радовались, переезжая в каменные коробки многоэтажек! Горячая вода, ванна, отдельная кухня, балкон с радостным видом на новостройку. О чем, казалось, еще может мечтать человек, когда есть «свой угол»? Но шло время, унынием и безнадежностью наполнились бетонные стены, у которых не было прошлого и не могло быть будущего...

Мы идем с визитом в старинный флигель на улице Ленина, бывшей Московской. Здравствуй, дом, живое существо! Из прихожей слышен голос старинных часов фирмы «Густав Беккер», которым более ста лет. Они все еще отсчитывают время, хотя время в этом доме давно остановилось: здесь обитают тени прошлого в окружении любимых вещей, души людей, чьи лица стерты швейцарскими ходиками.

В гостиной все дышит покоем и уютом. Синие обои с позолоченным рисунком и шторы с ламбрикенами создают полумрак. Здесь прекрасно себя чувствуют комнатные растения, населявшие когда-то

дома симбирян: манстера, лилия, папоротник.

Старинный ломберный столик хранит энергию разгоряченных игроков в вист. И шахматный столик в центре гостиной не остыл от напора шахматистов: он все еще ждет, когда, наконец, закончится эта долгая партия, спрячутся в выдвижные ящики фигуры, сложатся крылья столешницы.

В углу комнаты на инкрустированном шкафу – граммофон – новинка грядущего XX столетия. Но разве это музыкальное чудо вытеснит из жизни обитателей дома роля! Нет, он по-прежнему занимает в гостиной центральное место.

Как уютно погрузиться в мягкие диваны, слушать дивный голос молоденькой воспитанницы и не думать о дневных заботах! Однако... не пора ли в столовую?

Большую часть столовой занимает обеденный стол. На фарфоровой доске нарезан сыр. Металлический предмет с крышкой в виде полусферы – икорница. У жителей волжского города бутерброды с икрой – привычное блюдо. Щипцы для сахара также атрибут необходимый: ими берется кусочек сахара, ими же и раскалывается. Во главе стола на подносе расположился самовар – знак времени, свидетельствующий о всеобщей любви к чаепитию. Здесь же молочник, чашка с блюдцем для дамы и стакан с подстаканником для кавалера. В дубовом буфете, украшенном барельефной резьбой в виде сказочной птицы, хранится посуда повседневного пользования: столовый фаянсовый кузнецовский сервиз. У противоположной стены – еще один буфет. Это застекленная с трех сторон горка с

праздничной посудой фабрики Гарднера.

Типична для столовой гнутая «венская» мебель. Такую же изготавливали из местных пород дерева в селе Чекалин Сengewилевского уезда.

Еда в столовую подается из буфетной, где хранится кухонная посуда и некоторые продукты. Кухонная утварь кажется вечной: кастрюля и чайник изготовлены из меди, сковороды и вафельницы – из чугуна, таз для варки варенья – из меди и латуни. В доме нет кухни, она во дворе: запах приготовляемой еды в доме – признак дурного тона.

Самым таинственным местом в доме является дамская спальня, хранящая секреты женского бытия. Несомненно, хозяйка спальни – большая рукодельница. Об этом свидетельствует филейное покрывало, которым убрана кровать орехового дерева, салфетка, связанная крючком, филигранная вышивка на стене. В простенке между окон – массивный комод с зеркалом, покрытый елецким кружевом, похожим на морозный узор. На комодe есть все, что выдает элегантную модницу: щипцы для завивки волос, гребни, флаконы от духов, лайковые белые перчатки, изящная сумочка с билетом на концерт. На билетике стоит дата: 4 августа 1910 года. Кажется, что хозяйка вот-вот войдет в комнату, коснется флакона с духами, глянет в зеркало,

возьмет сумочку, бросит в нее билет. Конечно же, не обойдется она и без бонбоньерки с конфетами, без которых не принято ходить в театр.

На бамбуковом столике – письменные принадлежности, визитки, почтовый конверт и сургуч. На бамбуковой этажерке среди шкапулок и статуэток лежат фотоальбомы, в гардеробе – модные платья, круглая коробка для шляп. А хозяйка этих вещей просто немного задержалась в театре...

Жизнь русского провинциального города начала XX столетия ушла в далекое прошлое. Забыты привычки, утратили смысл обычаи. Распалось то, некогда ценное Николаем Гоголем «пестрое множество предметов, до последней булавки, которое кружилось вокруг человека». Но остался у нынешних симбирян старинный флигель, который некогда принадлежал священнику И.А. Анаксарову, сдававшему его в наем постояльцам. Возможно, и не дошла бы до нашего времени эта милая сердцу старина, если б не арендовала дом в 1876-1877 годах семья Ульяновых. По воспоминаниям старшей сестры вождя мирового пролетариата Анны Ильиничны уточнялись некоторые детали обстановки. А внучка священника Александра Петровна Анаксагорова составила подробное описание родного дома и флигеля. Так была воссоздана атмосфера быта среднего сословия симбирян. А три года назад здесь открылся музей городского быта.

Вы бывали во флигеле? Нет? Побалуйте сердце тихим уютом...

*Наталья Артемьева,
Ольга Шейнак*

Город знакомый и незнакомый

Чем интересен современный Ульяновск? На этот вопрос ульяновцы часто затрудняются ответить. А что думают по этому поводу жители других городов или стран? Интересно посмотреть на город глазами иностранных студентов!

В музее градостроительства

В музее народного творчества

В мелочной лавке

Замечательный проект под названием «Один день» осуществил городской межвузовский Центр международного сотрудничества технического университета: организовал конкурс, в рамках которого российские студенты провели экскурсии для иностранцев. Итоги конкурса подводились путем тайного голосования самих участников экскурсий. Вот некоторые впечатления иностранных студентов об увиденном и услышанном.

Ребекка Дэдман, Великобритания: «Большое спасибо за экскурсии всем, кто их проводил и организовывал. Я с удивлением узнала, что Ульяновск был городом для защиты рубежей России».

Ивони Отт, Германия: «Мы много видели на экскурсиях и хотели бы поучаствовать в них еще, пообщаться с молодежью, посетить УАЗ, Авиастар».

Фатмах Абутахон, Палестина: «Я получил новые возможности неформального общения с русскими студентами. Мне очень понравилось, что мы посадили дерево дружбы».

Седат Бац, Турция: «Мне больше всего понравилась экскурсия «Город и мы». В клубе «Пионер» я исполнил песню на турецком языке, а зрители мне хлопали».

Первое место досталось Михаилу Власову, выпускнику педагогического университета. Его экскурсия «Город и мы» понравилась студентам больше всех других. Она продолжалась десять часов! Но экскурсанты совсем не устали. Они посетили кондитерскую фабрику «Волжанка», Центр детского творчества и исторический клуб, а остаток вечера провели в клубе «Пионер». Самой большой радостью для студентов стало посещение «Волжанки». Как сказал Михаил Власов, «поход на шоколадную фабрику – это мой подарок для девушек, я ведь знал, что они мечтали взглянуть на индустрию сладостей». Вы можете себе представить 42 тысячи тонн шоколада, печенья, вафель и карамели? Именно столько «Волжанка» выпустила в прошлом году. Экскурсанты прощались по всем ценам: шоколадному, бисквитному, карамельному, и в каждом из них было что-то особенное, больше, чем просто волшебный аромат. Огромные металлические конвейеры и механизмы в шоколаде и карамели, ванильной и железной начинках... Приятным сюрпризом стало то, что генеральный директор «Волжанки» Филиппишин К.В. лично приветствовал делегацию в своем кабинете и познакомился с каждым.

Накрапывал мелкий дождь, а по плану экскурсии предстояло посетить Винновскую рощу, где находится Центр детского творчества. Зашли, осмотрелись: всюду сувениры и поделки. В холле – никого. Но это был Мишин сюрприз: дверь распахнулась, и навстречу гостям вышел... Князь. Настоящий русский богатырь в расшитых золотом одеждах, в княжеской шапке, с мечом, бородой. А с ним княгиня. Он представился: «Антон, но можно просто Князь». Оказалось, что он возглавляет военную дружину «Витязь». Ребята под его руководством занимаются самым настоящим ратным делом, учатся сражаться на мечах, делают себе доспехи.

Князь провел гостей по всем комнатам Центра детского творчества и показал, что делают своими руками малыши, в том числе и больные. Все удивительные вещи сделаны практически из того, что есть под рукой.

Потом экскурсанты посмотрели фильм, который дружинники сняли собственными силами, и оценили удал и мастерство дружины «Витязь». Думали, что на этом посещение Центра творчества закончилось, но когда во главе с Князем вышли из помещения, то увидели целое войско в доспехах и с оружием – все, как сотни лет назад. «Ну, князь, защити своих гостей!» И тут началось самое настоящее сражение! А потом все примеряли доспехи, брали мечи, смотрели на игрища, фотографировались. Греться пошли в русскую избу, где гостей ждал самовар и всякие вкусные вещи. Провожало гостей войско и русские красавицы.

А до возвращения домой было еще очень долго: экскурсантов ждали в «Пионере», где был организован концерт благодаря поддержке Молодежного совета Народной партии, председателем которого является Михаил Власов. Он же решил, что в этот вечер явно не хватало рок-н-ролла, и поэтому пригласил в «Пионер» известные ульяновские рок-группы.

Сюрпризы были и здесь. Седдат, один из экскурсантов, выступал на сцене, пел на своем родном, турецком, языке. Очень здорово пел, его слушал весь зал, а позже попросили петь еще, и тогда его поддерживали музыканты из «Мокрого асфальта»: тихонечко подыграли ему. Наверно, это был его дебют в России. На смену рок-н-роллу пришла дискотека, танцевали все, даже самые застенчивые, и только в 12 часов решили, что пора по домам.

Второе место в конкурсе заняла Екатерина Митричева из УлГУ. В ее экскурсию под названием «Русская сказка» вошли: кафе «Изба», школа народной традиционной культуры, Дворец творчества учащихся.

В кафе «Изба» за чашкой чая Катя рассказывала русские народные сказки. Огромный интерес экскурсантов вызвала глиняная лепка в школе народной традиционной культуры. Здесь же иностранные студенты познакомились с техникой резьбы по дереву и плетения кружева.

А потом началось настоящее русское веселье. Этот праздник устроили для гостей девушки ансамбля «Купавушка». Все дружно играли в народные игры, водили хоровод и участвовали в традиционном обряде «закзывания весны». В заключение все участники экскурсии посмотрели прекрасное выступление коллектива народного танца «Симбирцит».

Алексей Голодаев, студент технического университета, провел экскурсию «Россия – Ульяновск» и занял третье место. В его задачу входило показать прошлое, настоящее и будущее Ульяновска. Путешествие началось с аудитории УлГУ, где Алексей показал слайды с изображением Ульяновска. Затем экскурсанты направились в Ленинский мемориал, посетили музей «Мелочная лавка» и «Столярная мастерская», православную церковь, мечеть, студенческий городок УлГУ.

Четвертое место досталось Елене Трашенок, студентке 1-го курса гуманитарного факультета УлГУ. Ее познания в области регионоведения удивили не только иностранцев, но и коренных ульяновцев. В музее «Градостроительство и архитектура Симбирска» Лена познакомила студентов с историей основания и «боевыми» подвигами города, входившего в число сильнейших гарнизонов «засечной» полосы и охранявшие

На ипподроме

го российское государство от врагов. Поднявшись на реконструированную башню Симбирского кремля, экскурсанты восторгались прекрасным видом на близлежащие окрестности. Следующим по плану был музей «Метеорологической станции Симбирска», затем – площадь 30-летия Победы, площадь В.И. Ленина. Гуляли по парку, любовались видами на Волгу, а в завершении экскурсии посетили ресторан «Коллизей».

Ну, а Гаврилова Анна, студентка УлГТУ, порадовала участников проекта походом на пивоваренный завод «Витязь» и завоевала своей экскурсией достойное пятое место, а также приз зрительских симпатий.

Конкурс завершился большим праздником с награждением победителей. Звучали поздравления и в адрес иностранных студентов, принимавших участие в экскурсиях. А вот как оценила проект директор городского межвузовского Центра международного сотрудничества Т.В. Афанасьева: «Конкурс «Один день» проводился в первый раз, но мы планируем проводить его ежегодно. Этот конкурс особенный, так как смог соединить в себе творчество, организацию и неформальное общение. Мне бы хотелось пожелать иностранным студентам дальнейших успехов в изучении русского языка, русской культуры, а российским студентам – активнее проявлять себя».

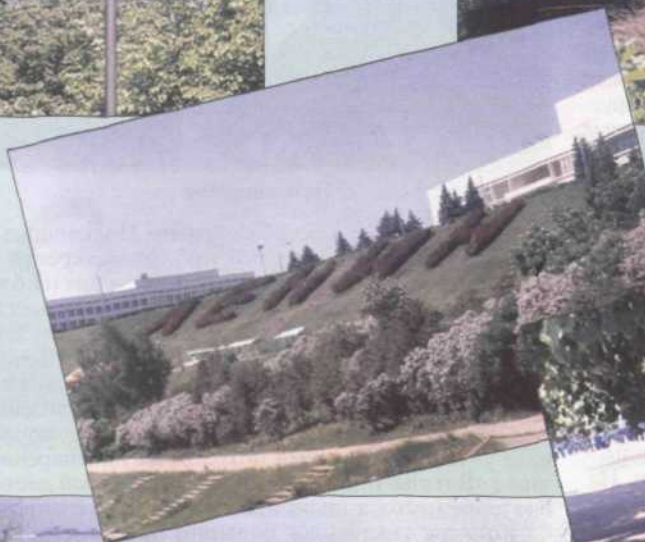
Верим, что инициатива организаторов конкурса будет иметь продолжение, а ульяновская молодежь найдет свое место в жизни современного города.

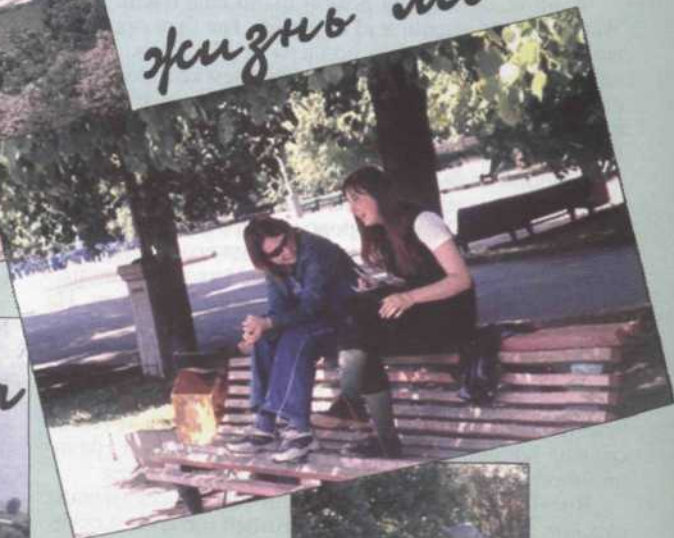
Дерево дружбы

Венец

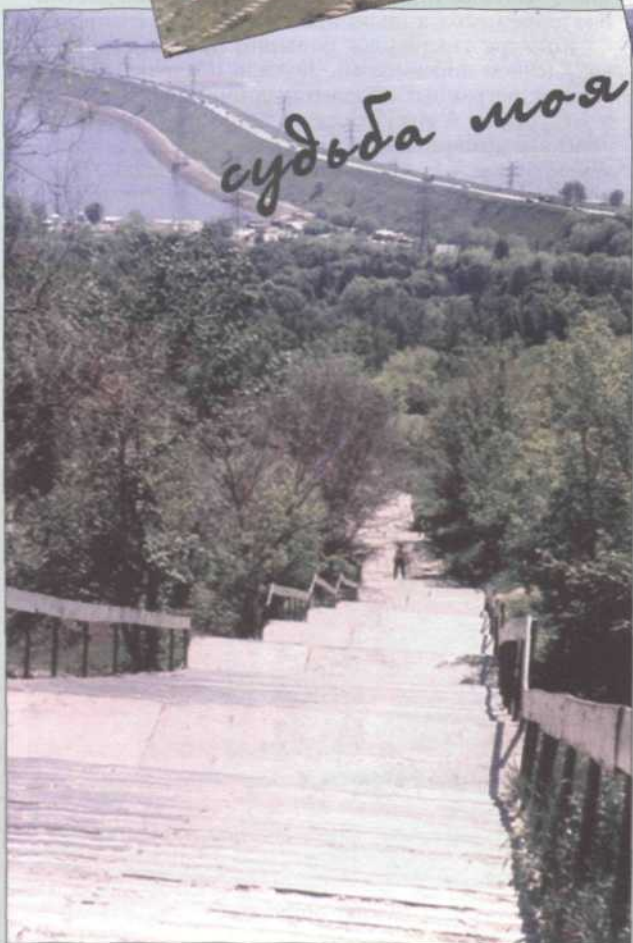
жизнь моя

судьба моя

любовь моя...

Венец... Мое детство и юность прошли на Венце. Как для Пушкина Летний сад был его «родным домом», так для меня и моих друзей Венец был цветущим и благоухающим садом. Своим. Родным. Многих связывают с Венцом прочные нити. Здесь завязывались знакомства и судьбы целых поколений, сюда приводили своих детей, внуков и правнуков. На Венце гуляли наши мамы, сюда мы бегали за мороженым и газированной водой... Но тогда Венец был совершенно другим. Он был живым, наполненным людскими голосами.

С самого утра приходили сюда бабушки, мамы с детьми, а уже к вечеру появлялась солидная публика – приезжие артисты и знаменитости. На Венце назначали свидания. Это «аристократическое» место привлекало многих своей красотой и великолепными видами на Волгу. Здесь всегда царил безукоризненный чистота. Никому не приходило в голову, что можно оставить на Венце бумажку или бутылку – это было просто не принято.

С Венца река была видна как на ладони, потому что ухаживали не только за парком, но и за тем, что находилось под Венцом – Симбирской горой, на которой мы собирали первые цветы, да и просто отдыхали. Сейчас вид на Волгу заслонили деревья, выросшие перед изгородью, а замусоренность Венца не делает это место привлекательным.

Самым ярким воспоминанием о Венце 20-х годов был рассказ моей знакомой, которая еще девочкой приезжала в Симбирск из Самары. С парохода город был виден за десять километров, и если ветер дул с горы, то весь пароход был окутан одурманивающим запахом яблоневого цвета. Подплывая к Симбирску, пассажиры уже знали, какое чудо их ожидает, видели бело-розовое море цветов, над которым жужжал рой пчел и шмелей; слышали звон церковных колоколов, раздававшийся над Волгой. Это было необыкновенное, феерическое зрелище!

Я еще застала те времена, когда в Подгорье (на месте нынешнего парка Дружбы народов) были улицы и переулки, располагались дома и прилегающие к ним сады. И каждую весну мы ходили на Венец любоваться цветущими садами. С Венца виднелось голубое «море», а здесь, на горе, у нас под ногами лежал бело-розовый ковер цветов.

Перечитывая как-то дореволюционную газету «Симбирянин», я сделала удивительное открытие. Каждую весну среди объявлений появлялась всего одна строчка: «В Подгорье зацвели сады». И это было важным событием, своеобразным сигналом для всех жителей Симбирска – горожане шли на Венец любоваться садами.

До революции на Венце ежедневно играл духовой оркестр: до 11 часов в будни и до 12 в выходные дни. Программа постоянно менялась. Даже во время первой мировой войны оркестр не прекращал выступления. Сейчас эта старая традиция забыта, а с Венца доносятся звуки современной электронной музыки.

Венец для меня – это обжитое, населенное место. Все эти аллеи, скамейки, кусты, под которыми я маленькой девочкой играла в дочки-матери. Это было самое спокойное и безопасное место в городе. Сейчас, увы, я такого не вижу.

Мне очень дорог этот уголок, и я сожалею, что он не становится родным для подрастающего поколения. Венец для меня был домом, местом, где я живу. Я не представляла, как можно сидеть на скамейке с ногами. Никто вообще не представлял, что ТАК можно сидеть!

Во времена моей молодости на Венце был прекрасный цветник, и мы приходили любоваться цветами. Была огромная клумба, на которой высаживались экзотические, как нам тогда казалось, цветы. Никто не представлял, что можно было **СОРВАТЬ** цветок! Культура была

совсем другая. Каждый чувствовал: это – **МОЙ** город! Школьниками и студентами мы сажали на Венце деревья. Рука не могла подняться, чтобы сорвать веточку сирени – было интересно, что же расцветет из того, что мы посадили. Отношение к городу было совершенно другое, особенно у тех, кто здесь жил. Считалось непреложной истиной: если это мой город – обижать его я не могу.

Сейчас в центре почти не осталось жилых домов, а для приезжих – все здесь чужое. К 350-летию Симбирска я читала лекции об основании города, его развитии. Пришла однажды в какую-то школу на окраине. Это был прекрасный, современный район. Я стояла у окна и ждала, когда прозвенит звонок, и вдруг меня осенило: за что же они будут любить свой город, если они даже его не знают? Ведь они живут на окраине, видят только свои дома – типовые, одинаковые, похожие друг на друга. Что может быть красивого в этом современном, агрессивном стиле? Он делает похожими не только дома, но и нивелирует людей. Как же они будут все это хранить? И в самом деле – вот они приходят на Венец, видят ухоженные, красивые места и у них возникает только одно желание: уничтожить, поломать, потоптать. Это им не родное, не близкое.

Сейчас Венец находится в плачевном состоянии: обвалилась смотровая площадка, на которой стояли скамейки, и где можно было полюбоваться на Волгу; засыпан родничок, нет Исаакиевского колодца. Мне бы хотелось опять все это возродить. Чтобы ежегодно проходил праздник Венца, чтобы люди писали свои истории, приносили свои фотографии, устраивали выставки: «Симбиряне на Венце». Ведь Волга – это вечное. Она нас связывает. Подумайте только, на Венце когда-то стоял Пушкин. Может быть, на этом самом месте, где стоим мы с вами, стоял Языков, Гончаров – многие известные люди. Они дышали этим же воздухом, смотрели на эту же Волгу. Кажется, что все это было в далеком прошлом, но на самом деле три века для истории – небольшой срок. От нас зависит сохранение этого места и передача его как культурного знака потомкам.

Сейчас город задыхается. Он нам много дал, а мы ему ничего не отдаем. Почему-то только калечим, наплеватьски относимся. А ведь Венец – это одно из редких, красивейших мест. Нигде больше Венца нет. Венец, высокое место, есть во многих городах на правом берегу – в Ярославле, в Костроме, но названия такого нет.

Венец... Как поэтичны были наши предки. Восхитишься красотой этого места, они дали ему такое благозвучное название. И кажется, что Венец был всегда и будет вечно. Для Симбирска это было аристократическое место. Здесь в основном гуляли дворяне, мелкие чиновники. Тогда это было самое освещенное и самое безопасное место в нашем городе. Здесь всегда было многолюдно. Ведь на улице Карла Маркса, на Гончарова, Ленина, Кузнецова, Радищева все дома были коммунальными, многоквартирными и были заселены. А теперь – пусто. Вот что мы наделали своим выселением в отдаленные районы города! На площади, на улице Советской, на Гончарова – никого! А в моей юности до 12 ночи на Гончарова было столпотворение. Все гуляли. Но молодежь тогда была цивилизованная. Не было никаких безобразий, и, тем более, никого не убивали. Я предполагала, что язвы в обществе существовали всегда. Но не в таких размерах, как сейчас. У каждого был свой ГОРОД, свое ВРЕМЯ и свое МЕСТО.

Я хочу видеть Венец не застывшим и разрушающимся, а современным, обновленным, и самое главное, культурным местом, интересным и для молодежи, и для среднего поколения, и для старшего возраста.

Лариса Еринова

Симфония шелеста листвы

Задымленный, зажатый между двумя крупными промышленными предприятиями – радиотрамповым и автомобильным заводами, район ближнего Засвияжья Ульяновска парковыми зонами не обделен. Здесь есть экопарк «Черное озеро», «зеленые» улицы – Автозаводская, Победина, Западный бульвар. Но истинным его украшением стало создание парка, посвященного семье Ульяновых.

Парк был создан всего за три года – с 1965 по 1967, но открылся для посетителей лишь к столетнему юбилею В.И. Ленина в 1970-м году. У истоков его создания стоял Тимофей Потапович Шафранский, специалист Академии коммунального хозяйства Москвы. В этом парке воплотились его художественный вкус, фантазия, идеи. Помогала ему мастер Ульяновского горзеленхоза Антонина Александровна Антонова. Несомненно, что секрет успеха создателей парка в удачном совмещении в парке классического стиля, характеризующегося аллеями с подстриженными деревьями и кустарниками, и ландшафтного, приближающего искусственные насаждения к естественным.

В первые же годы парк привлек к себе внимание горожан и разнообразием растений, и красотой композиции. Одних только деревьев и кустарников было высажено около 100 видов, причем различного географического происхождения. Не забыли устроители парка и о местных породах: березе, дубе, липе, тополе.

Во все времена года парк поражает и очаровывает посетителей и отдыхающих своими красками. Если поднять глаза, то можно удивиться – настолько разнообразны кроны деревьев: острые конические – у елей, колоновидные – у туи, шаровидные – у кленов, шатровидные – у конского каштана и липы, плакучие – у березы и ивы.

Средняя линия парка – главный партер с видом на фонтан. Здесь расположен широкий газон с крупными и яркими цветами, над которыми группами возвышаются красавицы голубые ели и туи. Перпендикулярно к нему расположен розовый партер. Здесь с весны до осени преобладают красные, розовые и багряные тона – именно такая окраска присуща остролистному клену и пурпурному барбарису. К этой же гамме относятся и яблоня Недзвецкого с темно-красной кроной и малиновыми цветками, а также ягодная яблоня с зонтиковидной кроной и мелкими оранжевыми яблочками.

Кроме партеров классическому стилю соответствуют и многочисленные аллеи из липы мелколистной и крупнолистной, тополя – берлинского и канадского. Тополя отличаются особой стройностью и радующей глаз зеленоватой расцветкой стволов и ветвей.

Но, пожалуй, самое большое место в парке занимают групповые посадки деревьев и кустарников равной высоты, что делает его похожим на лес – такая же яркость, опушки и полянки. Боярышник, рябина, черемуха, яблоня, спирея, белая акация и сирень – все эти цветущие весной кустарники заполняют все пространство между деревьями и создают незабываемую картину. О сирени нужно сказать особо. Настоящим сиреневым островом города называли Карамзинский сквер. Но в парке семьи Ульяновых сиреневых кустов было посажено ничуть не меньше – всего более ста сортов.

Особую смысловую нагрузку несет на себе черешчатый дуб. Он является мемориальным. Количество

посаженных здесь деревьев соответствует числу членов семьи Ульяновых.

Единственный в городе на то время альпийский парк появился тоже в этом парке. Искусство создавать альпийские парки в нашей стране стало модным намного позднее, чем в Западной Европе. Там люди захотели приблизить к себе кусочек дикой природы уже более ста лет назад. А с 1970-го года естественная красота дикой природы стала радовать и ульяновцев. Среди валунов на альпийской горке эффектно выделяются посадки ирисов, лилий и низкорослых кустарников.

Географические посадки парка – настоящее и увлекательное путешествие по странам и континентам Земли: здесь представлены растения Европы и Северной Америки, Дальнего Востока, Японии и Китая. Для студентов и школьников это незаменимое в учебном и образовательном отношении место. Здесь можно увидеть первые в городе посадки хвойного дерева – североамериканской лжетсуги Мензиса. Сейчас эти деревья достигают высоты зрелых сосен. Здесь же – белая акация, клен серебристый, орех серый, черемуха виргинская, ясень пенсильванский...

Через 20-30 метров начинается экскурсия по Дальнему Востоку, Японии и Китаю. Бархат амурский и орех маньчжурский радуют глаз прозрачностью крон и ажурностью крупных перистых листьев. Далее – груша уссурийская, трескун, или сирень амурская, черемуха Мака, а ближе к земле прячутся крупные ярко-красные цветки колючего кустарника – айвы японской. Еще переход через аллею, и вот уже – Европа. Здесь большей частью знакомые деревья и кустарники, но есть среди них и «иноземные пришельцы», такие, как калина гордовина, различные виды рябины, неплохо прижившиеся у нас.

Хорошо себя чувствуют здесь «дальневосточники» – бархат амурский, который еще называют амурским пробковым деревом, и орех маньчжурский. Эти виды примечательны тем, что выделяют много фитонцидов и оздоравливают воздух, поэтому их можно назвать целителями. Аромат свежести, исходящей от листьев, цветков и плодов бархата, настолько сильный и смолистый, что дышать становится легко, словно после грозы и дождя. К тому же, бархат – медонос, и по медоносности он стоит на втором месте после липы. Причем мед этот особенный, он обладает противотуберкулезными и другими лечебными свойствами. Бархат амурский быстро вырастает и живет до 250-300 лет. Остается надеяться, что отдыхающие в парке люди, смогут стать чуточку здоровее, и доживут хотя бы до 100 лет!

Однако этот оазис в промышленном районе города уже не так хорош, как прежде. Антропогенный пресс уже наложил отпечаток на парк: стала намного беднее альпийская горка, вытаптываются газоны, ломаются цветущие кустарники и деревья. Не все «иноземные пришельцы» хорошо прижились. Есть среди них и потери. Вымерзли такие интересные виды, как керия японская, ракитник «Золотой дождь». Страдает от задымления сибирская пихта. В заключение, хотелось бы пожелать всем жителям города бережнее относиться к этому парку – сокровищнице, собравшей вместе растения многих географических зон Земли.

Николай Раков, Нина Старшова

Парк семьи Ульяновых в нач.1970-х

Всем нам хорошо известно, что зеленые насаждения вырабатывают кислород, поглощают городскую пыль и таким образом дарят людям здоровье и помогают дышать.

Летом температура воздуха в парках и скверах в среднем на 1,5-3 градуса ниже, а относительная влажность воздуха на 2-8 процентов выше, чем на открытых пространствах.

Каждое взрослое дерево за сутки производит до 180 л кислорода, а один человек при покое за это же время потребляет 360 л кислорода, а при интенсивной работе — 700-900 л.

Полоса деревьев шириной 25 м снижает шум на 10-12 децибел, а концентрацию углекислого газа на 70 процентов.

Парковые насаждения на площади в 6 гектаров перехватывают из воздуха до 70 т промышленной пыли за год.

Растения поглощают из воздуха и связывают 50-60 процентов токсичных газов, в то время как атмосферная влага — от 5 до 20 процентов, почва — 5-10 процентов, животные и водоемы — менее 5 процентов.

За вегетационный период 1 кг листьев тополя бальзамического накапливает 18 г двуоксида серы.

Одуванчик лекарственный, растущий на газонах, — активный поглотитель свинца, как и мятлик луговой, лапчатка гусиная и пижма обыкновенная.

В почках у липы, растущей в городе, зачатков листьев меньше, чем у загородных деревьев.

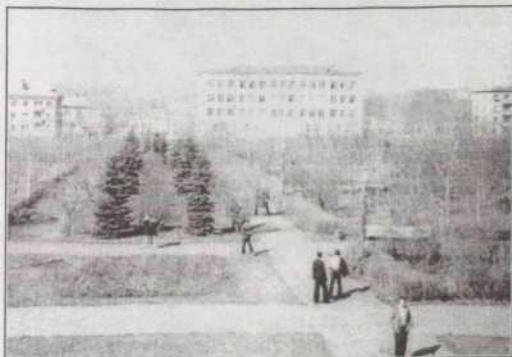

Фото В. Никитина

Царство, которое мы потеряли

С интересом и восхищением размышляем мы о древних цивилизациях ацтеков, майя; горюем о полуразрушенных храмах, дворцах, городах, существовавших сотни веков назад. Кажется, что все это так далеко и нереально! На самом деле бесценные сокровища культуры существуют рядом с нами. Они забыты и заброшены. Мы не замечаем их, а порой даже не подозреваем об их существовании.

Сказочное царство, которое поражало своей красотой предшествующее поколение, затерялось... в самом центре города! Я говорю о парке Дружбы народов — «одном из интереснейших и красивейших молодых парков Ульяновска», как написано в рекламном буклете для туристов и гостей города. В начале 70-х годов в создании этого «чуда света» принимали участие представители всех республик бывшего Советского Союза и сами жители города.

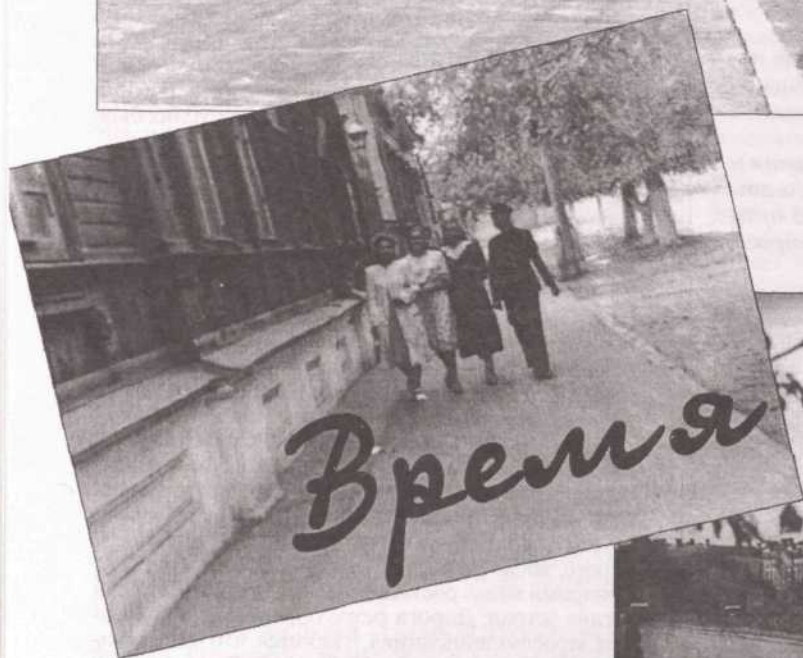
15 садов, обустроенных в национальном духе каждой из советских республик, были идейно и архитектурно объединены по замыслу устроителей в роскошный садовый комплекс, какого еще не знала история парковой культуры. Но Советский Союз распался, и, словно повторяя его судьбу, начал разрушаться парк. Разросшиеся деревья и кустарники заполонили дорожки и лужайки, оползневые процессы нарушили ландшафт, газоны затерялись в траве — парк одичал и превратился в зеленое страшилище, готовое поглотить всякого, кто сюда пожалует.

Небольшая площадка, открывающаяся нашему взору с Венца, — всего лишь вершина огромного айсберга, скрытого в зелени деревьев от посторонних глаз. Чтобы проникнуть в затерянное царство, нужно спуститься по круто уходящей вниз раздолбанной дороге, мимо железных остовов, бывших некогда фонарями мимо растасканных до последней доски летних эстрад. Дорога резко обрывается в очередных зарослях шиповника, и кажется, что на этом заканчивается и сам парк. Но ближе к Волге взгляду открывается новая панорама: опустевшие рассыпающиеся строения, поваленные скульптуры из камня и дерева, покрытые ржавчиной указатели с названиями республик, пересохшие пруды и фонтаны...

Ветер носит по развалинам пыль. Жизнь замерла здесь. А ведь когда-то все это радовало людей. Здесь, в тени деревьев отдыхали взрослые, играли дети, бродили влюбленные. А ныне его облюбовали сатанисты, устраивающие ритуалы в пустынном месте, бомжи и воинствующие подростки.

Как долго будет продолжаться этот процесс распада? Сейчас, когда появляется множество кафе и клубов, и предприниматели начали вкладывать деньги в культурный досуг, теплится в душе надежда на возрождение былого великолепия парка Дружбы Народов. Но чтобы вернуть его к жизни, сделать общедоступным местом отдыха, нужна инициатива молодежи. Внести свой вклад может каждый: навести порядок, собрать мусор, провести электричество, обустроить летние площадки — и в городе появится еще один парк отдыха с прекрасным видом на волжские просторы. Возрождение парка — благо для нас самих и будущих поколений, которым мы должны оставить частичку нашего культурного наследия, а не огромную городскую свалку.

Олеся Иваненкова

Время надежд

На фото:
Открытие автомобильного моста
через Волгу. 1958.
Памятник Карлу Марксу
до реконструкции.
Весна 1960-х.
Улица Гончарова. Торговые ряды.
Первомайская демонстрация 1966.
Площадь В.И. Ленина. 1960-е.

Любимая

Какая из женщин не мечтает стать героиней романа? А надо-то совсем немного. В нужное время и в нужном месте встретить своего писателя, поразить его воображение своей незаурядностью.

Именно случай помог встретиться в самом начале XX века в Самаре Татьяне Антиповне Романовой с писателем Изгнанником, настоящее имя которого Иван Николаевич Антонов. Одарённая от природы крестьянская девушка из села Канадей Сызранского уезда Симбирской губернии, окончив сельское училище, приехала в Самару для продолжения образования в фельдшерско-акушерской школе, а в свободное время, как и многие юноши и девушки тех несопокойных для России лет, посещала один из кружков «саморазвития», где шумная молодёжь спорила о смысле жизни, о будущем страны. Руководил кружком пылкий молодой человек Иван Антонов. Он сразу обратил внимание на симпатичную молоденькую девушку, ловившую каждое его слово. Молодые люди полюбили друг друга. Но любовь была недолгой. Антонова вскоре исключили с третьего курса училища за политическую агитацию, подвергли тюремному заключению и сослали в Сибирь. Татьяна тем временем вышла замуж.

После возвращения из ссылки в 1907 году, Антонов отправился за границу успокаивать нервы. Более двух лет он скитался по свету, меняя материки и страны. Был в Африке и Австралии, на Капри и Филиппинских островах. Вернувшись на родину, занялся литературой.

В 1915 году в столичном журнале «Жизнь для всех» появился его рассказ «Весна. (Из моих скитаний)», где он поведал читателям историю своего юношеского увлечения. Рассказ был им задуман, скорее всего, ещё в эмиграции. В самом его начале упоминается маленькая таверна в местечке Сан-Хуан на Филиппинах, где за разговором с соотечественником он коротал знойный вечер, рассказывая своему слушателю о не менее знойном чувстве, пережитом им в далёкой России.

На далёкой чужбине, когда он возвращался мыслями в свой приволжский город, образ любимой был единственной ниточкой, связывающей Ивана Николаевича с прошлым.

Татьяна Романова

Вглядываясь в портрет Изгнанника, не остаётся сомнений в том, что своего Ромео он писал с себя: выбритое лицо, шевелюра волнистых волос, задумчивые глаза, «в которых сквозь пенсне светилась юношеская чистота и поэтическая грусть».

К тому времени, когда вышел рассказ, Изгнанник уже потерял след Танечки. Татьяна Антиповна будучи замужем тоже лишь изредка вспоминала ту самарскую весну и свою первую девичью любовь. Но рассказ прочла и журнал сохранила.

Ум и трогательная красота нашей героини, очаровали и другого героя этого рассказа - акцизного чиновника Павла Петровича Френёва, назначенного в Сызранское акцизное управление для контроля за работой винокурения. Френев был из дворянской семьи, но это не явилось препятствием к их браку. После свадьбы молодые поселились в Базарном Сызгане Карсунского уезда, где поблизости тоже были винокурные заводы, а значит, и работа.

Мирную и счастливую жизнь оборвала революция и гражданская война. В 1918 году село заняли «красные». Вскоре начались аресты. Одним из первых арестовали близкого друга Френёвых - горного инженера С.Н. Белоусова, сына владельца местной суконной фабрики. Положение казалось безвыходным. Случай с Белоусовым заставил акцизного чиновника, прихватив жену с четырьмя детьми, покинуть дом и на время уехать из родных мест. Несколько лет жили они на небольшой станции, а в 1920-е Павел Петрович получил должность акцизного инспектора в сорока километрах от

Симбирска, где продолжал работать винокурный завод, оставшийся от прежних владельцев. Дом их стоял на берегу пруда, на другой стороне его раскинулась бывшая барская усадьба с красивым домом и парком. За селом на горе начинался лес, с изобилием ягод и грибов. В праздничные дни, вспоминая прежние годы, отправлялись они с друзьями на пикник, прихватив самовар и корзины с продуктами. Но и эта тихая безмятежная жизнь продолжалась недолго. В стране начались гонения на бывших дворян. Когда Павел Петрович потерял работу, семья на последние сбережения купила домик в соседнем селе Яшашная Ташла, и жила там все последующие годы.

Оставшись без средств к существованию, с безработным мужем и двумя малолетними девочками на руках, Татьяна Антиповна не согнулась под ударами судьбы. Взяв в руки фотокамеру, она поступила в местную артель фотографов и пошла по окрестным сёлам в поисках заказов. И в дождь и в мороз шагала она по сельским дорогам. Где на паспорт фотографию делает, где свадьбу запечатлеет, а где и траурную процессию. Кто-то из жителей Тереньгульского района и теперь ещё помнит весёлую женщину-фотографа, любимой поговоркой которой была: «Что бы ни делалось – всё к лучшему», а в их семейных альбомах наверняка есть фотографии, сделанные ею. Павел Петрович как мог помогал жене в работе. Научился раскрашивать чёрно-белые фотографии, делая их более весёлыми и нарядными. Так и жили они душа в душу до 1957 года, пока не ушёл из жизни Павел Петрович, немного не дотянув до восьмидесятилетнего юбилея. А через семнадцать лет не стало и Татьяны Антиповны. Дочь Ангелина Павловна и внук Александр Петрович до сих пор с восхищением вспоминают её не унывающий ни при каких обстоятельствах удивительный характер.

Как дорогие реликвии хранят в семье старый зачитанный журнал с рассказом Изгнанника, да редкий по красоте фотопортрет Татьяны Антиповны, выполненный в полный рост. Как гласит семейное предание, сделан он был по специальному заказу во Франции ещё в дореволюционную пору.

Татьяна Громова

Весна

Из моих скитаний

I

Несмотря на чудовищную жару столицы Филиппинских островов, маленькая испанская таверна на улице Сан-Хуан привлекала мало посетителей.

Вечером, когда с уходом жгучего солнца зной немного спадал, когда небо тропиков, завешанное облаками разнообразных красок и очертаний, пылало чудным пламенем заката, я заходил к тучной донне, в ее прохладный погребок выпить бутылку дешевого вина ее родины.

Кущи зелени, которые вились по облезлым стенам старого каменного домика, скрывали маленькую стертую вывеску и пышно обрамляли заржавленную дверь, которая вела в подвальный этаж – в таверну.

И почти всегда я встречал там одну неизменную картину: полусонная донна, в изнеможении от духоты, сидела в кресле, обмахиваясь большим веером. Засиженный мухами президент Рузвельт энергично смотрел с закоптелой стены на каждого входившего. Несколько бритых рослых американцев священнодействовали над джином, да двое юношей-тагалов прислуживали посетителям. Их темные, добродушные лица ярко выделялись из белого костюма, какие носят все, живущие под тропиками.

Но в один из вечеров я заметил нового посетителя. Он сидел в углу таверны и, лениво отпивая из стакана, равнодушно смотрел на окружающих его.

Хотя одет он был так же, как и другие, и даже лицо его было выбрито, но по большим, волнистым волосам, по задумчивым глазам, в которых сквозь пенсе светилась юношеская чистота и поэтическая грусть, - я признал в нем своего соотечественника.

Он пристально смотрел на меня долгим, испытующим взглядом, но не сказал ни слова и вскоре ушел.

В другой раз, когда мы встретились в той же таверне, он подошел ко мне, и мы разговорились...

II

- Я уже два года из России - начал он - и, признаться, соскучился о ней. Все эти пальмы и розы как-то скоро теряют свои чары, и я теперь почти равнодушен к их красоте. А ведь, согласитесь, за другим-то и незачем сюда приезжать... Единственно, что не перестает меня пленять, это - море! Люблю море! Вы знаете, я иногда по целым ночам просиживаю на берегу и люблю его фосфорическим блеском... Да, море - это красота. Красота мощная, возбуждающая...

- О, да вы поэт! - улыбнулся я.

Он помолчал немного, потом серьезно ответил:

- Может быть. По крайней мере, я чувствую не так, как все так называемые нормальные люди... Хотите, я вам расскажу один случай из моей жизни, который, собственно, и привел меня за границу?

Я спросил вторую бутылку и приготовился слушать:

- Это - короткая история моей любви - начал он. Жил я тогда в одном привольском городке, служил в казенном учреждении под эгидой генерала, старого и тупого самодура, в крохотном мирке рабелепно преданных ему подчиненных. Такая жизнь, разумеется, не могла удовлетворить самую невзыскательную натуру, поэтому «смысла жизни» приходилось искать в других областях, помимо служебных отношений. Одной из таких попыток был создан-

ный мной кружок саморазвития. Собиралась в мою каморку молодежь, читались хорошие книги, обсуждались общественные вопросы. Кружок наш возрастал, и успех этого маленького дела немного скрашивал мое неприглядное существование.

В один из таких вечеров дверь в комнату отворилась, и ко мне вошли три незнакомые девушки. Помню, занятый чтением, я не обратил на них особенного внимания. Они представились ученицами фельдшерской школы и с того вечера стали постоянными посетительницами кружка.

Одна из них и была моей любовью.

Звали ее Танечкой. Это был полурябенек с большими черными глазами и удивительными волосами, заплетенными в косу. Я могу показать вам ее портрет... Он всегда со мной.

Он вынул из кармана маленькую карточку, и я увидел черноглазую девушку с выющейся толстой косой, перекинутой на грудь.

Она напомнила мне боярышень на картинах Маковского.

Я передал карточку моему собеседнику. Он посмотрел на нее долгим, грустным и каким-то благословляющим взглядом, снова положил в карман и заговорил с глубоким чувством:

...Расстались мы, - но твой портрет

Я на груди моей храню,

Как бледный призрак лучших лет,

Он душу радует мою...

- От первых встреч остались у меня в памяти только эти глаза, черная коса и особое детски-трогательное и напряженное внимание ко всему, что я читал и говорил.

- Как-то ночью, после собрания у одного товарища, я вышел вместе с другими, чтобы подышать свежим воздухом. Вышел из дома я последним, и она, отстав от других, пошла со мной. Мы увлеклись разговором и не заметили, как потеряли из виду своих спутников, шедших впереди. И я должен был проводить ее до дома. Жила она на глухой и далекой от центра улице, и ходить там было небезопасно. Была лунная белая ночь. Воздух дышал свежим дуновением ранней весны, под ногами звонко хрустел тонкий ледок от тающего днем снега.

Была та чудная пора у нас на родине, на которую я никогда не променяю «пленительное небо Сицилии». Этот веселый говор сбегавших из-под снега ручьев, это теплое весеннее солнце, любовью заливающее бедные лачуги, словно желая скрасить их убожество, реки, рвущие ледяные оковы, это сладкое и неясное томление души, таинственное, полное неги, порывание куда-то вдаль, - что может сравниться с этими волшебными переживаниями?

Он отпил из стакана и продолжал:

- Этого упоительного момента в природе лишены южные страны. Как бы ни были красивы картины юга, но они начинают томить однообразием, а в перемене времен заключена таинственная прелесть...

Итак, - в ту же ночь я почувствовал, что девушка эта мне невыразимо близка. В ее детском лице, в ее простодушной манере говорить, в открытых, ясных глазах, непосредственно отражающих каждое движение ее юной души, - были те же чары, что и в ранней весне. Я почувствовал, что она

способна будить во мне те же настроения, что и весна...

Мы сели на какую-то скамью.

Улица была безлюдна и безмолвна. Матовый свет луны любовно скользил по возбужденному лицу Танечки и странно серебрил паутинки волос, тихо трепетавших под лаской ветра. Я молчал и счастливо глядел в свою душу, на дне которой колыхались стройные звуки, рождалась сладкая песня любви и восторга...

Я благоговейно поцеловал ее чудные волосы. Она загорелась довольным румянцем, и вся потянулась ко мне доверчиво и трепетно, как к лучу, пригревшему ее.

- Я бы хотела, чтобы вы были моим другом, - заговорила она, стыдливо ласкаясь, - какой вы чудный! Господи! Что уж это за люди есть! - наивно восхищалась моя спутница...

Мы стали встречаться каждый день: зимой - в городе, а летом, во время каникул, в ее селе, на другом берегу Волги. И так прошел целый год. Я исполнил ее просьбу - стал ее другом. Ей я поверял все мои мысли и чувства, мечтал перелить в ее душу мои печали и цели. Она была моей совестью, и мне доставляло радость всегда поступать так, как хотела эта маленькая девушка, моя греза весна. Я не смею вам сказать - мог ли я жениться на ней? Мысль эта не глубоко жила во мне. В сущности, что я мог предложить ей? Какие радости? Одного моего чувства было мало, да и она не раз говорила, что она органически противница замужества...

Мой собеседник на мгновение замолк и нервно провел рукой по выходящим волосам.

На его бледное, красивое лицо пала тень печали.

Но он быстро оправился и продолжал:

- Потом в их селе появился новый человек. Он был прислан в качестве акцизного чиновника на винокуренный завод помещика, владельца того села, где жила Танечка.

Приезжий был молод, смазлив, с черными масляными глазками, маленькими черненькими усиками, вкрадчивым голосом и манерами. Несколько раз потом она приходила ко мне с ним, а я, наоборот, стал реже посещать ее. Я сразу почувствовал, что пропасть встала между нами и что Танечка уже перестала быть прежней... Говорят, что счастье нужно брать с бою, и, по мнению Гете, счастья достоин только тот, кто каждый день завоевывает его... Я думал иначе... и потому тихо уступил свое счастье другому...

...Но почему-то она не признавалась мне в своей перемене. Может быть, из ложной скромности, а, может быть, и потому, что сама не понимала назревших в ней чувств. Даже в нашу последнюю встречу она ни одним словом не обмолвилась об этом. И когда в лунную зимнюю ночь я шел с ней через Волгу, целовал ее чудное лицо, декламировал нежные стансы, написанные ей (видите, я даже писал стихи!) - она была счастлива, по-прежнему отвечала на мои ласки, и ясные лучи ее больших глаз любовно и тихо светили мне в душу...

Мы выпили по новому стакану.

- Эта неискренность, - продолжал рассказчик, - больно уязвила меня. Ведь она должна была знать, что ни одного упрека не сорвется с моих губ!...

Вскоре я узнал, что она выходит замуж... Зачем? - и до сих пор остается для меня тайной. С тех пор я не видел ее,

и жизнь моя утратила красоту. Я начал пить и забросил работу кружка... В мое одинокое жилище вторглись, как гады, ничтожные и пошлые люди - и черной грязью своих душ, как липкой паутиной, опоганили мое существование! Даже в моменты просветления, возвращавшиеся ко мне, я не мог стряхнуть с себя их противную, оскорбительную власть...

И целый год я находился в этом ужасном тупике, но - не посвящая вас в детали...

...Танечка по-прежнему царила в моей душе, и вспоминал я ее всегда с благоговением. Только пред ней одной я был неизменно чист, и в чаду самых глупых и скучных оргий в душе моей, неведомо для других, звучала тихая, печальная молитва к ней...

Ш

- Однажды, - продолжал мой собеседник, - я собрался к знакомым мужикам, в соседнюю с Танечиной деревню.

День я был занят, и присланную за мной с парнем лошадь я попросил оставить в доме отца Танечки, до моего приезда в это село вечером. Приехал я поздно, вылез с паром на берег, зашел в береговую будку, где продавались билеты на провоз через Волгу, думая встретить там кого-либо из знакомых, чтобы спросить о лошади и не будить никого в доме. Вхожу - и вижу целую группу людей, среди которых и - Танечка с мужем. Помню, произошло некоторое замешательство, и только она искренно и радостно приветствовала меня, как будто и в будке мы были только двое и как будто между нами ничего не произошло. Муж же ее сделал недовольное лицо и медленно, и нехотя подал мне руку. Я понял, что это было - ничтожество... Но взор моей прежней весны вернул мне потерянное небо. Я спросил о лошади и тотчас же вышел, а вскоре уже ехал тихой лесной дорогой, волнуемый пробужденными чувствами. И опять пахло на меня свежим дыханием той весны, снова звон ручейков зазвенел в моих ушах сладостной мелодией, нежный аромат ландышей разлился в прохладном воздухе ночи. Хотелось молиться и плакать... Мириады звезд, горевших на небе, светили мне очами Танечки... Возврат к ужасу моей жизни был уже невозможен. Через несколько дней я бросил все и уехал, и вот уже два года, как блуждаю я по разным уголкам мира, - к слову сказать - не такого великого, каким он кажется, когда не знаешь его...

...За эти годы были у меня новые встречи, новые привязанности, красивые и сильные, но они не могли заменить и даже напомнить мою прежнюю любовь. Так же, как и юг с знойными чарами ночей, с пышной, пленительной красотой пальм, магнолий и мимоз не заменили нашей чудной северной весны... Непобедимо тянет меня к родным деревенькам... И знаете, - заметил он, немного помолчав, - на днях я возвращаюсь в Россию... Приду, посмотрю на чужое счастье, подышу ароматом прошлого, а потом... Что потом? - да, вероятно, пойду скитаться снова...

Мы допили вино и вышли из таверны. Небо пылало бесчисленными звездами. Мой собеседник дружески простился со мной и свернул в узкую улицу.

На фото: П.П. Френев (слева) с друзьями

Катя-хулиганка

Нет, что бы там бабы ни говорили, она была красавица. Ну, прямо, артистка! Лихая, быстрая, миниатюрная. И ручки – красивые, маленькие, но такие сильные, ловкие!

Бывало, идет Катя по госпитальному коридору, а раненые так головы и поворачивают, как подсолнушки. А лица ее и не видно – одни глаза. Не глаза, а глазищи: то голубые, озерные, то серые, а ночью, в темноте, как фиалки. Ресницы пушистые, и завитки золотые из-под белой шапочки выбиваются, блестят на солнце, как спелые колоски. Нет, не бабам о женской красоте говорить. Об этом надо мужиков спрашивать. Да только она никогда не интересовалась, что о ней говорят, что думают окружающие. Судачили, конечно...

Екатерина Васильевна любила ночные дежурства. Это еще с войны пошло. Ночью гром орудий стихал, госпиталь засыпал, всхлипывая и постанывая во сне, воздух становился чище от вымытых полов, от ночной прохлады, от унесенных кровавых бинтов. Она вышла на заднее крыльцо госпиталя, уставшая от тяжелой работы, от долгого стояния за операционным столом, от чужих страданий. Прямо перед крыльцом рос калиновый куст, вдали светились стволы берез. Иногда темное небо освещалось дальними всполохами, и тогда на мгновение становились видимыми какие-то темные фигуры. Постепенно глаза привыкали к темноте, и она узнавала двор и перемены в нем. Пахло прелой травой, едким дымом махорки, хлорной водой, которую только что выплеснула Дуся, а еще волнующим запахом папирос. Это где-то рядом стоял Главный. Огонек папиросы временами освещал его лицо. Катя робела и молчала, поглядывая вполглаза на знакомое и незнакомое сказочно красивое лицо без привычной марлевой повязки.

Откуда-то из темноты неслышно выходила Дуся, снимала халаты, прикрывая плечи хирургов фуфайками, забирала маски, чтобы завтра вернуть их чистыми. В ночной прохладе тело обретало легкость, даже невесомость, и Кате хотелось взять Главного за руку и полететь куда-то. Но он бросал краткое «пора, до завтра», и она послушно шла в свою маленькую каморку, куда позже приходила Дуся, поправляла серое солдатское одеяло, но Катя этого не слышала, она уже спала...

Трагедия произошла в Белоруссии, под Минском: госпиталь бомбили, и Главного во время операции зацепило осколком. Катя видела, как он упал... Вот тогда у нее глаза серыми стали...

Дождь шел целую неделю, дни были серыми и тяжелыми. Раненых не то чтобы много – их было очень много. Она, кажется, привыкла к чужой боли, к чужим увечьям. Милосердие стало жестким и вытеснило все ее желания и слабости. Она не слышала благодарностей, не вникала в мольбу. Ее действиями руководило умение. «Так нужно!» – говорила она неслышно.

Она привыкла к услугам Дуси, не замечая, что часто обижает ее то грубостью, то равнодушием. Но любящая Дуся не замечала обид.

После ранения Главный прожил несколько дней. Когда кровавый конвейер операций останавливался ненадолго, она шла в палату к Главному, который умирал. Решительная и рискованная, ничем, совсем ничем не могла она ему помочь.

Когда он перестал дышать, она, наконец, рассмотрела его лицо, сложила на груди прекрасно вылепленные природой руки художника, музыканта и хирурга. Потом написала письмо его жене в Ленинград, собрала вещи и обнаружила фотографию той, которую считала своей соперницей. Письмо получилось красивое, нежное, и девчонки-цензоры особого отдела, читая его, всплакнули, позавидовав незнакомой женщине из Ленинграда, что у нее был такой замечательный муж. Но ни девчонки-цензоры, ни Катя не знали тогда, что эта женщина два года назад погибла в блокадном Ленинграде, и детей своих Главный так и не нашел.

Похоронили его в Минске. Все плакали, только солдаты, которые стреляли в воздух, да Екатерина Васильевна были суровы.

А ночью, выйдя на заднее крыльцо госпиталя, она вела с невидимым собеседником все тот же неторопливый разговор, и в воздухе витал тот же едкий запах махорочного дыма вперемешку с запахом хлорки. В темноте светились желтые листья, медленно укрывавшие землю.

А Юрашка откуда взялся? Да ниоткуда, он всегда был рядом. Физинструктор. А до этого – раненый, лыжник-разведчик. Веселый, кудрявый певун Юрашка. Катя его Лелем называла. Любил он Катеньку. Легко так любил, без надежды, вроде бы просто так. Вначале шутили над ним, а потом все привыкли и даже уважали за такую его любовь. Юрашка был снова на фронт надо было, да Главный не отпустил: смехом, смехом, а парень придумал такие упражнения, что раненые еще с гипсом танцевать начинали.

Когда Катя оплакивала Главного, Юрашка был рядом, гладил виски, затылок, бережно укладывал свою любимую на жесткую кушетку-кровать, укрывал старательно одеялом, качал Катю, маленькую и беззащитную, на руках.

А до конца войны оставалось всего ничего...

В Ульяновске, в областной больнице, Хирург

встретил ее как свою. Немолодой, хромою еще с гражданской, он сразу стал называть ее Катей. Чудеса! Старый интеллигент, из дворян, всех санитарок по отчеству называл, а ее – Катя! А ей всего-то было 27...

В первые же дни работы она как-то ухватила его за давно несгибающееся колено, ловко ощупала прямо через брюки, и грубовато пошутила:

- Слушай, а давай я тебя прооперирую: чечетку плясать будешь. А?

- Катя, да я уж хирургом останусь, а не танцором.

Отказал, но с тех пор зауважал очень. Сколько хирургов его смотрели, лечили, а она, такая молоденькая, суть сразу ухватила. Позже, когда он осматривал увечного мальчика, а мать, рыдая, просила сохранить ногу ребенку, он, бог хирургии, скажет: "Я не могу, а вот она – может. Давай, Катерина, делай, как мне бы делала!"

Уважала она Хирурга, боготворила. Бывало, придет домой, и только слышно:

- А Иван Петрович сказал... Иван Петрович сделал... Гений, чудесник, мастер!

Юрашка обижался:

- А ты не мастер? Ты за всю войну, небось, больше операций сделала, чем он за всю жизнь.

- Что ты понимаешь? Я от смерти спасала, а он о будущей жизни думает. Он ведь каждый день мой брак исправляет! То, что мы в госпитале спяпали наспех, он заново собирает.

- Так ведь и ты заново лепишь, переделываешь фронттовую работу?

- И я тоже...

У Юрашки, Юрия Николаевича, была своя жизнь, интересная, насыщенная. Он – тренер и игрок – спасибо Кате, постаралась – бегал, как молодой. А еще у всей команды лечил травмы.

А тут Екатерина Васильевна племянницу привезла. Сестра в который раз замуж вышла, и девчонка ей вроде ни к чему, без надобности. Катя рада-радешенька, а уж про Юрия Николаевича и говорить нечего. Так потихоньку складывалась семья.

Катерина все реже и реже вспоминала о войне, научилась улыбаться и кокетливо заправлять золотые локончики под шапочку. Приобрела чарующую женственность, которая мужчинам нравится больше, чем непорочная юность. Но хрипловатый, решительный голос, резкость и смелость по-прежнему выдавали фронтовичку.

Увлечшись детской ортопедией, она окончила курсы, потом возглавила детское отделение. Не бросала и хирургию. Больные дети, с недавно уродливыми ножками и ручками, не любили ее, боялись: врач неистово, до боли заставляла трудиться, приговаривая:

- Никто тебя не выльчит, если не будешь работать!

Взрослые больные шли к ней со страхом и с надеждой. А она командовала резко и, казалось, недружелюбно:

- Брось костыли! Иди сам!

А старый друг Хирург был ласков:

- Ну, прямо кавалер-девица!

Следующий год был високосный. Юленька, умница, отличница, уехала учиться. Уехала и назад не вернулась. Решила навестить беспутную мать да с ней и осталась: перевелась в тамошний институт.

- Прости, мама Катя, я ей нужней, она человек несчастный.

Да ведь права была девчушка: мать вскоре умерла...

Високосный год... Прибежала как-то женщина нехорошая и давай кричать:

- Кобель, кобель старый! Она же ребенок еще!

Ничего Катя понять не могла. Что? Сломала ногу? Нет?

- Кобель ваш... Ребенок у нее будет!

Ах ты, господи, горе какое! После одного случая на фронте у Катеньки детей не было и не могло быть. А тут – у Юрия Николаевича, уже немолодого, ребенок будет от молоденькой студентки!

Широкий коридор Александровской больницы тих, чист и просторен. Сейчас таких коридоров не делают. В детской ортопедии, в новом корпусе, коридоры узенькие, палаты крошечные. А здесь, в родной больнице, как дома.

- Все ей мало! В детской работает, здесь на полторы ставки, а еще и ночных дежурств нахватала!

Екатерина Васильевна не слышит, о чем шепчутся медсестры на посту, не замечает недоброжелательных лиц. Она даже не знает того, что знают многие в городе.

Поздно ночью, на очередном дежурстве, она глотает вкусный Дусин пирог, так и не поняв, с чем он, разглядывает рентгеновский снимок, определяет, что нужно делать завтра в операционной, и мгновенно засыпает. Просыпается резко, от явственного стона Юрия Николаевича. Кидается к Дусе:

- Ты найди его. Плохо ему.

- Да чего искать-то? У меня живет. Помирает он.

Вот так Дуся, верная фронтовая подруга...

В отделении – переполох. И чего это она? Шутное ли дело – снять все ночные дежурства да еще полставки. По семейным обстоятельствам? Какие могут быть семейные обстоятельства? Одна живет, все от нее бежали. И только Хирург не возражает, не спрашивает, лишь вслед:

- Если что надо, говори. Помогу.

Юрашка умирал терпеливо и тихо. Он не мог говорить и только глазами показывал: полежи рядом! Она ложилась рядом. Тело его, ставшее маленьким и немоощным, было чужим. Катя вытирала тайком слезу и торопливо говорила, боясь опоздать:

- Ты же – часть меня, ты прости меня, что последние годы без меня прожил... А помнишь, в Польше, меня от смерти спас? Тебе тогда всю спину осколками иссекло. А я вот, прости, не спасла тебя от глупой любви. И за ребеночка прости, за неродившегося. Это – война. Нельзя было. Разве я могла дезертировать – родить тогда, в сорок втором?..

- Ну, теперь снова будет в отделении жить! Смотри, проверяет, чистый ли пол. Как будто заводделением!

- И не говори, чего жадничать, мужа похоронила, детей нет, деньжищ, чай, полно!

- Да вроде нежадная. Дуське, домработнице, шубу цигейковую привезла. Самой-то, вроде, велика, вон как исхудала – так она ее Дуське.

- Так Дуська на нее всю жизнь чалит. Она с ней, как с собачонкой. Небось, та в ногах спит – квартирка, говорят, у Катерины маленькая... Посмотри, какие красавчики к нам пожаловали!

- Сюда нельзя! Куда вы, здесь больница, хирургия!

- Девочки, у него перелом! Вы дежурные?

- Сюда нельзя. Нужно через приемное отделение!

Молодые офицеры, появившиеся в коридоре

отделения, обернулись, почувствовав появление кого-то важного, кого испугались медсестры. В дверях ординаторской стояла маленькая, золотоволосая женщина. Лица ее почти не было видно, настольная лампа сзади освещала светлым ореолом ее волосы, нежный, почти девичий овал лица.

- Ну, что за шум, господа офицеры?

И смотрела не на того, что с ногой, а на другого, со светлой, круглой, наголо остриженной головой.

Легкий поворот головы – и четко очерчен прямой нос, вспыхнули фиалковые глаза, обрамленные густыми стрелками ресниц.

- Нога. Думаем – перелом.

Легко наклонилась, руками слегка провела по лодыжке и выше:

- Обопрись. Вот так.

Сильно рванула ногу, парень вскрикнул и тут же замялся, удивленно:

- Все, все прошло. Как это вы ловко!

- Вывих. Аналигин, холод. В ординаторскую до утра – коек свободных нет. А ты – домой.

Но он шел за ней в ординаторскую.

Уложил друга, сел напротив и увидел, что глаза у нее не фиолетовые, а синие. Да разве бывают глаза фиолетовые?.. А утром, когда небо совсем посветлело, глаза ее стали голубыми.

О чем только не говорили в эту ночь! А когда настало время уходить, он сказал впервые в своей жизни:

- Я никогда не встречал таких женщин! Наверное, такие будут в будущем.

Она привела свой трофей домой, в свою пуританскую, как оказалось, квартиру, немного растерянная и усталая, с опасением, что она его больше не увидит. Но он был нежен, и она с легкой женской готовностью шла ему навстречу, и, засыпая рядом, думала: «Господи, неужели это со мной, неужели это я, такая желанная!»

Впервые после давно окончившейся войны она не слышала во сне бомбежек, не слышала стонов, и ей не снилось, что разошлась только что зашитая рана.

Очень скоро она изменила свой дом, заполнив его новыми, дорогими вещами: удобной большой кроватью, креслами, штормами, коврами, посудой – всем, к чему он прикасался или мог прикасаться. Он приходил поздно вечером со службы, всегда точный и обязатель-

ный, и радовался, как ребенок, уютным переменам. А она изумленно-счастливо смотрела, как он ест, как ходит, как смеется. Иногда он беззлобно смеялся над ней, и это было совсем не обидно:

- Какая ты смешная! Ты неправильно живешь. Живи сегодня!

И она вспомнила Главного, который как-то показал ей старую книгу, испачканную кровью. Сенек: «Прошлого нет – оно уже ушло, будущее еще не настало. Есть только настоящее!»

А потом он уехал. Далеко-далеко. Перед тем, как уехать, плакал и говорил, что непременно приедет, что она необыкновенна, и то, что происходит с ним, даже не любовь, а нечто большее...

Катя слушала, тихо радовалась и знала, что он не приедет, но это не огорчало ее. Разве можно сердиться на солнышко, когда оно уходит за горизонт и становится зябко?..

Катя состарилась мгновенно, как только ушла с работы, которая стала ей тяжелой.

И тут оказалось, что у нее нет друзей. Умер старый Хирург, умерла Дуся. Редкими письмами напоминала о себе Юля, ставшая теперь врачом-травматологом.

Каждый вечер, надев старый Юрашкин спортивный костюм, Екатерина Васильевна уходила на Венец, гуляла допоздна, не думая об опасности. Она жила в центре города, в элитном доме, жители которого давно состарились, как и она. Дом стал грязным, но она по-прежнему следила за чистотой, ссорилась с соседями, которые, обеднев, отказались платить за уборку в подъезде и не убрали сами. Возвращаясь с вечерней прогулки, Екатерина Васильевна подбирала окурки, мусор, а то и смахивала грязь мокрой тряпкой. Озлобившись от безразличия, скандалила утром с первой попавшейся соседкой, не понимающей чего от нее хотят.

На день Победы ей присылали открытки из военкомата, а на восьмое марта – из областной больницы. В больницу она не ходила: там были совсем чужие люди. Оказалось, что все проходит, об этом она тоже читала в той старой книге, которую когда-то так любил Главный. Проходит любовь и боль разочарования, боль разлук и потерь. Остается только горечь ненужности и одиночества.

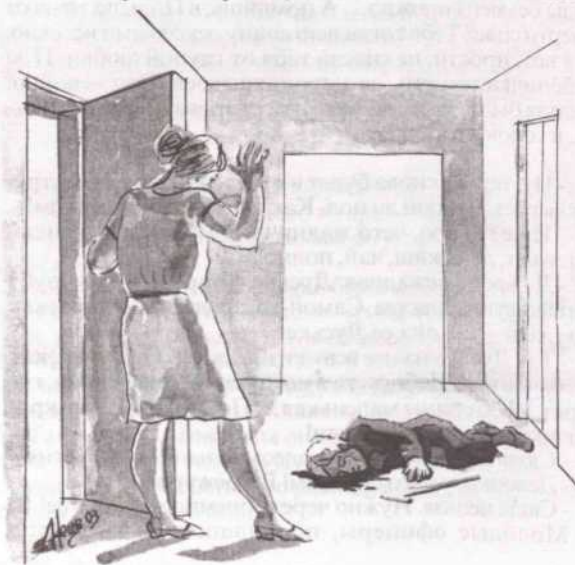
...В тот день она не дошла до Венца. Болели ноги, спина. Она с трудом поднялась до лифта. Оттуда пахнуло мочой. Незнакомый пьяный парень неторопливо застегивался, и она, старая и немощная, замахнулась и ударила его палкой, на которую опиралась при ходьбе. У нее по-прежнему была сильная, крепкая рука врача-травматолога...

Парень неторопливо вышел из подъезда, отвратительно матерясь. Выглянула соседка и тут же спряталась от греха подалее за дверь: Екатерина Васильевна лежала возле лифта, в грязной кровавой лужице.

Она еще была в сознании, когда ее привезли в Александровскую больницу, в то самое отделение, где она проработала полжизни. Ее не узнали и не лечили: старая, да и травма, несовместимая с жизнью.

Она, слава Богу, не понимала, что лежит в коридоре, как когда-то раненые в ее госпитале. Не слышала, что называют бомжихой. Только когда она умерла, и лицо, освободившись от страдания, расправилось и стало молодым, старенькая медсестра ахнула: «Господи, да это же Екатерина Васильевна! Помните, я вам рассказывала, какой у нас врач-травматолог был, а вы не верили...».

А Хирург называл ее Каткой-хулиганкой!

Маленький принц в Ульяновске

Шестьдесят лет назад (шестого апреля 1943 года) в Соединенных Штатах Америки на английском языке вышла в свет сказка Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц». В этом же году она была издана и на французском языке на родине автора. С тех пор Маленький принц побывал почти во всех странах нашей планеты. Во всяком случае, эта сказка переведена на 120 языков народов мира, и ее герой продолжает триумфальное шествие по планете Земля.

Среднее Поволжье, а точнее, наш родной Ульяновск Маленький принц посетил раньше всех других городов бывшего Советского Союза. Это случилось благодаря тому, что именно в нашем городе с весны 1950 до осени 1955 года работал переводчик Гораций Аркадьевич Велле (1909-1975), ранее живший во Франции. И именно здесь, в Ульяновске, он перевел сказку на русский язык, о чем мне стало известно совсем недавно, в 2000 году.

Эту сенсационную новость подтвердила Наталья Сергеевна Храмова, работавшая в 50-х годах научным сотрудником Ульяновского областного художественного музея. Однажды она приболела, и Г.А. Велле решил ее навестить. Это посещение Наталья Сергеевна запомнила на всю жизнь.

Узнав о том, что Храмова чувствует себя уже лучше, он предложил ей прослушать чтение сказки «Маленький принц» в его переводе. Наталья Сергеевна согласилась. Гораций Аркадьевич читал сказку эмоционально, с большой любовью к ее автору. Чтение продолжалось долго: была прочитана вся сказка, а не ее фрагмент.

Я спросил Наталью Сергеевну: «Почему Гораций Аркадьевич решил прочитать свой перевод сказки именно Вам?»

«Он считал меня, - ответила она, - большим знатоком русского языка. Я была в восторге от этой сказки и не высказала ни одного замечания».

Это происходило летом 1955 года, а «Маленький принц» в Советском Союзе на русском языке «заговорил» со страниц журнала «Москва» в августе 1959 года, но уже в переводе Нары Яковлевны Галь.

По ряду причин «Маленький принц» в переводе Г.А. Велле не был издан. Но зато в 1957 году в его переводах впервые в Советском Союзе была издана книга Сент-Экзюпери «Земля людей» и в 1963 году в серии ЖЗЛ книга Марселя Мишо «Сент-Экзюпери». Мишо и переводчик были близко знакомы.

Творчество Экзюпери привлекало театральные коллективы нашего города. Так, 4 апреля 1992 года в Ульяновске состоялась премьера спектакля «Маленький принц». Его поставила главный режиссер Ульяновского областного театра кукол, заслуженный деятель искусств России Людмила Михайловна Гаврилова. Главную роль исполнила заслуженная артистка России Р. Назарова. Я был приглашен на премьеру этого спектакля и восхитился увиденным. Думаю, что «Маленький принц» - лучшая из всех его постановок.

Театр средней школы № 2 (сейчас это гуманитарный лицей) Ульяновска под руководством Лидии Владимировны Голубевой, заслуженного учителя РФ, поставил три версии спектакля «Маленький принц». За годы работы в школе Лидия Владимировна почти до совершенства довела свою режиссерскую работу. Адекватной постановки этого спектакля в школьных теат-

рах России нет, и, думаю, уже не будет. Ведь мне довелось посмотреть «Маленького принца» во многих школах нашей страны. Этому способствовала моя работа стюармана-инструктора, когда я побывал почти во всех городах Советского Союза. К тому же, я имею немало видеокассет с записью этого спектакля в постановке школьных театров разных городов России.

И еще интересный факт. В Ульяновске в 1950-1972 годах жил опальный профессор Александр Александрович Любищев, хорошо знавший французский язык и читавший произведения Сент-Экзюпери, включая «Маленького принца», на языке оригинала задолго до того, как они стали издаваться на русском языке. Любищев записывал свои размышления после прочтения каждой книги Сент-Экзюпери. Один экземпляр этих эссе мне подарил его ученик Р.В. Наумов.

Именно в Ульяновске в 1988 году создан Клуб друзей Сент-Экзюпери, позже преобразованный в Международный. Ныне 84 человека из России, Франции, Белоруссии, Украины, Казахстана, Латвии, Венгрии, США и Израиля являются его членами.

Почему наш город проявляет такой интерес к творчеству этого писателя?

Может быть, потому, что Ульяновск — крупный авиационный центр, а Сент-Экзюпери был пилотом? Видимо, Ульяновску суждено быть причастным к изучению творчества Антуана де Сент-Экзюпери.

Итак, Ульяновск собрал уникальную коллекцию материалов о Сент-Экзюпери, включая издания «Маленького принца» на языках почти всех стран мира. Мудрые японцы уже создали музей под названием «Маленький принц», хотя Сент-Экзюпери не бывал в Японии. Так почему в нашем городе невозможно создание музея? Ведь здесь есть богатейшее собрание материалов, большая часть которого в настоящее время принадлежит Ульяновской областной библиотеке.

Воспитательное значение жизни и творчества Антуана де Сент-Экзюпери настолько велико, что будет великим грехом оставить без внимания собранную за 30 лет коллекцию, ценность которой подтверждена Ассоциацией друзей Франции.

Николай Яценко

Эскиз работы художника Л.Петухова

Предлагаем вниманию читателей главу из книги **Владимира Мельника** о симбирских христианских подвижниках. Юродство на Руси имело в свое время особый смысл. Юродивые - люди, принимавшие на себя из любви к Богу и ближним один из подвигов христианского благочестия - юродство о Христе. Они не только добровольно отказывались от удобств и благ жизни земной, от выгод жизни общественной, от родства самого близкого и кровного, но принимали на себя вид безумного человека, не знающего приличия.

Юродивая

Коренные жители Ульяновска часто могли видеть старушку в калошах, в длинной манарке (типа телогрейки), подпоясанной ремнем или поясом. На голове платок, и лоб перевязан платочком белым или светлым. В руках большая сумка - кирзовая, тех времен, или плетеная. Ее все любили и звали Валентиной Ивановной. Когда она приходила на рынок, ей клали в сумку гостинцы. (Рынок был на том месте, где стоит теперь корпус завода «Контактор»). Обитала она в огромном доме своей тетки Серафимы, бывшей замужем за главным лесничим Симбирской губернии. После революции этот большой дом был поделен на множество квартир, куда поселили чужих людей, и юродивая вместе с теткой ютилась в пристроечке. (Дом этот стоит до сих пор: улица Ленина, 32).

Людей Валентина Ивановна любила, но внутреннюю, духовную свою жизнь ревниво берегла от посторонних глаз. Ни один человек не знал о ее молитве, о том, как она стояла в церкви. О подвиге юродства ее более судили по внешности. Одевалась она необычно: ходила в мужских ватных брюках, на одной ноге носила валенок, а на другой - калошу, перемотанную тряпкой. Обычно ее встречали недалеко от ее дома - на паперти немецкой кирхи, или на деревянном мостике через реку Свягу, или у базара.

Люди замечали, что Валентина Ивановна - человек необычный, хотя и не могли дать себе отчета, что именно не позволяет отнести к юродивой Валентине просто как к больному человеку. На их глазах проходила лишь бытовая жизнь подвижницы. И все же многие подмечали, что за обычными, простыми словами этой женщины скрывается какой-то потаенный и глубокий смысл.

Матушку Александру, прихожанку храма Воскресения Христова она однажды спросила: «Пирог-то печешь?». Вопрос показался не совсем понятным, и лишь потом женщине разъяснили, что «пирог» - это добрые дела. Значит, были и такие, кто умел слушать и понимать Валентину Ивановну.

За подвижническую жизнь даровал Господь блаженной прозорливость, проявлявшуюся неоднократно. Ольга Яковлевна Былинина, бывший казначей церкви Воскресения, рассказывает: «Я знала матушку Валентину с давних пор. Однажды, в 1970 году, собралась я на курорт в Пятигорск. Встретила на улице Гончарова матушку: «Матушка Валентина, благословите». Она благословила и вдруг подает мне три рубля: «Возьми, возьми, тебе пригодятся». Я тогда ничего не поняла, положила денежки под подкладку, да и забыла про них. С курорта ехала через Москву. На Казанском вокзале меня обокрали, но только в поезде обнаружила, что за постель заплатить нечем и чаю купить не на что. Сижу, плачу. И вдруг вспоминаю, что мне дала денежки матушка Валентина. Я - под подкладку, вынимаю три рубля: «Так вот зачем

ты, матушка Валентина, мне денежки дала! Знала, что я без денег окажусь!».

Сохранилось множество свидетельств о прозорливости Валентины Ивановны. Та же матушка Александра, рассказала, что блаженная Валентина задолго до замужества Александры предсказывала: быть ей женой протоиерея. Так ее и звала «протоиерейша». Много времени прошло, прежде чем предсказание в точности сбылось. Александра вышла замуж за иерея Виктора, который вскоре стал протоиереем, а она, стало быть, «протоиерейшей».

Пенсионерка Нелли Трофимовна тоже сообщила факты, свидетельствующие о способности блаженной предвидеть будущее человека: «Валентину Ивановну я знала с 1965 года. Я работала кассиром в продовольственном магазине по улице Ленина (около кирхи). Валентина Ивановна заходила в этот магазин, проходила в зал самообслуживания и брала консервы. Около кассы она рассчитывалась - деньги давала всегда мелкие, по одной, две, три копейки. Иногда давала лишнее; если ей вернешь деньги - сдачу не брала. Говорила мало. За собой везла фанерку, а на ней какие-то палочки, дрова. Другие женщины из продавцов говорили, что этим она отапливает квартиру. И вот однажды, зайдя в магазин, она говорит мне: «Повешу красный флаг, на доме повешу красный флаг». Слова эти относились лишь ко мне, но значение этих слов я понять не могла. Прошло время, и я стала работать в горисполкоме, в здании, над которым развевался красный флаг...».

Болезнь и смерть Валентины Ивановны были глубоко символичны. И именно в ее болезни и смерти выказалось самое сильное предвидение, запомнившееся всему городу.

В 1970 году город готовился принять представительную делегацию из Москвы во главе с Брежневым. Городские власти «очищали» Ульяновск от всех «подозрительных» элементов. Людей просто забирали на улицах, если у них был «бродяжий» вид, и свозили в дом престарелых за Волгу. Так и Валентину Ивановну забрали прямо на улице. Очевидно, она знала свою судьбу, а потому не роптала. Когда ее перевезли в дом престарелых, она целую неделю без движения просидела в одном углу, ни с кем не разговаривая и не принимая пищи. А потом сказала врачу: «Выпустите меня умереть дома. Я умру возле Святейшего Патриарха. Он умрет 17 апреля, а я – 18-го». Ее отпустили домой, где все в точности и исполнилось.

Святейший Патриарх Алексей I умер 17 апреля, а сама блаженная Валентина Ивановна – 18-го. Утром к ней приехал по ее просьбе священник, соборовал и причастил ее. Приехавший врач, как утверждает молва, застал Валентину Ивановну уже мертвой.

Вот что рассказала клиросная храма Воскресения Христова Любовь Куралова: «Мне пришлось видеть блаженную Валентину один раз – в последний день ее жизненного пути. После всенощной, накануне Вербного воскресенья. До последней минуты своей праведной кончины она продолжала креститься и молиться, призывая имя Божие. Рука продолжала совершать крестное знамение на груди. Силы ослабевали и крестное знамение она совершала все меньших размеров, не по всей груди... Уже совершала маленькие крестики... Губы шептали... и было слышно: «Боже!»... а к концу уже ослабевающим голосом тихо-тихо шептала: «Бо»... «Бо»... «Бо»...».

Умерла она под утро... Люди рассказывают, что когда выносили ее тело из церкви, солнце играло.

Похоронили ее в семейном склепе, который находился возле самой церкви Воскресения Христова. Никакой надписи о том, кто в этом склепе погребен, нет. Верующие люди часто заходят поговорить, посоветоваться, помолиться к ней на могилку – и получают утешение.

Чудом сохранилось письмо Валентины Ивановны к одной из ее знакомых. Оно показывает, насколько разумна была та, которую многие считали за «дурочку». Вот текст этого письма:

«Глубокоуважаемая Лидия Васильевна! Позволю себе поздравить Вас с прошедшим праздником Святой Троицы и пожелать Вам счастья в этом году больше, чем ранее. А потом – просьбица. У Вас – знакомые, конечно, люди, вероятно, хорошие, любящие город. Может быть, они похлопочут, чтобы в городе были открыты Церкви. Стоять нам на улице при громадном стечении народа – во всякое время тяжело, а в бурную погоду... Открытием еще какой-либо церкви в городе Вы могли бы поставить своих даже друзей, как друзей города, и достохвального мужа – священниками. Да поможет Вам Господь во всем, как Лицу, могущему занять более высокое положение, чем Вы занимаете. С уважением к Вам, Валентина Ивановна».

На этом заканчивается жизнеописание блаженной Валентины Ивановны, память о которой хранится в сердцах верных Богу и церкви Христовой православных людей города Ульяновска. Могилка Валентины Ивановны находится недалеко от стен храма Вознесения Христова, она в запустении. Как было бы хорошо, если бы нашлись добрые люди и поухаживали за этой могилкой. Ведь наша симбирская праведница, как и при жизни, и ныне молится о всех нас, грешных.

Из читательской почты

Доброе сердце

Шел 1944 год. Моей маме было 14 лет. Предстояли выпускные экзамены за седьмой класс. А еда – лепешки из липовых листьев и дубовой коры. Хлеб в колхозе выгребали подчистую, до зернышка, так что ближе к весне стало совсем голодно – бедствовали многие семьи. Мама с сестрами держались, собирая в лесу цветочные почки деревьев – сережки.

И вот на последнем экзамене мама сдала письменную работу и тут же упала в голодный обморок. А ей предстояло пройти пешком по лесу от школы до дома шесть километров. Верная гибель! Но мир не без добрых людей.

Преподавали в сельской школе эвакуированные профессора из Ленинграда – семья Юхневич: Ольгерд Иванович и Ольга Федоровна, мама учительница словесности. Она привела маму к себе на квартиру (жили Юхневичи при школе) и, отрывая от своих детей, от старенькой матери, накормила ослабевшую ученицу тем, что было в доме, – овсяной болтушкой.

Эвакуированным выделяли пайки, и в тот раз дали овес (не овсяную крупу!). Старушка, мать Ольги Федоровны, варила овес и пропускала его через мясорубку: жесткие ости оставались в мясорубке, а в миску стекала жижа – что-то вроде киселя.

Так, поев овсяного киселя, мама благополучно дошагала до дома. Она сдала все экзамены на «отлично» и вскоре поступила в фельдшерскую школу в Ульяновске, куда тоже ходила пешком в лаптях – и летом, и зимой.

Война закончилась, и жизнь потихоньку налаживалась. Но мама часто вспоминала тот кисель семьи Юхневич, без которого, возможно, ее вообще не было б в живых! И я, которая никогда не видела этих людей, думаю о них с благодарностью. Так хочется, чтобы Господь дал их потомкам здоровья, счастья, а еще – даровал им такое доброе сердце, какое было у Ольги Федоровны и Ольгерда Ивановича.

Татьяна Беркутова

Год назад ушел из жизни Валерий Свиридов, сотрудничавший с нашим журналом. В память об этом талантливом, добром человеке редакция публикует один из его последних рассказов.

Второй закон Ньютона

Его появление в студенческом общежитии вызвало настоящий переполох. По жилым помещениям, коридорам и бытовкам прошел слух: в комнате у пятикурсников какой-то старикан опровергает второй закон Ньютона. Ни больше и ни меньше. Причем доказательно, с карандашом и бумагой в руках. Классический закон механики, которому подчиняются все материальные тела. И тем не менее опровергает!..

Будущие инженеры, люди образованные, не мешкая, потянулись на второй этаж к пятикурсникам убедиться в достоверности слуха, поглазеть на чудака и послушать его философию. Любопытных собралось много. Толпились вокруг стола, в проходах между кроватями, возле порога.

За столом, пригублившись к нему боком, сидел пожилой субъект и торопливо набрасывал на клочке бумаги какие-то символы, формулы, замысловатые схемы. Написанное он сопровождал комментариями. Кто-то ему что-то возражал. Но в основном слушали молча. Никому не было до конца понятно, о чем идет речь. Просвещенные сверх программы знатоки сдержанно роняли:

- Это уже было...

- Космогония... Теория относительности Эйнштейна, торопились вставить свое слово отличники.

- Да, но закон Ньютона достаточно хорошо обоснован. К тому же проверен практикой! — горячился курчавый брюнетистый эрудит.

- А Вы Ньютона читали? — живо оборачивался к нему толкователь сумасбродной идеи. — Вы почитайте сперва, а потом доказывайте.

Попутно прищелец раздавал отпечатанный на машинке свой труд. Труд был невелик по объему: две машинописные странички. В правом верхнем углу стояла фамилия автора: Скороглядов Петр Арсентьевич.

Листки брали. Петр Арсентьевич называл их двояко: либо «лекция», либо «моя концепция».

Одни из участников случайно возникшей полемики, наслушавшись туманных объяснений и заскучав от расплывчатых фраз, покидали собрание, на смену им приходили другие. Свято место, как говорится, не пустовало.

Наконец, хозяевам комнаты стало надоедать сборище зевак в их довольно тесном жилище, и они принялись заворачивать с порога очередных любопытных.

- Ну куда, куда?! — спрашивали у вновь входящих. — И так из-за вас сколько времени потеряли! Заниматься надо!

Комната постепенно пустела. Засобиравшись восвояси и сам возмутитель спокойствия — взволнованный, с покрасневшим от утомления взором.

- Я буду навещать вас, — пообещал он на прощанье.

Самые добрые и культурные студенты провожали его гурьбой до вестибюля, с уважением и вежливостью распрощивая на ходу.

- А кто Вы по профессии? И какое получили образование?

- Я нахожусь на пенсии и занимаюсь научной работой, — отвечал чудной посетитель. Он произносил слова отрывисто и важно, как будто и впрямь был маститым, крупным ученым, а не пенсионером Скороглядовым.

Экономно отстуканные на машинке через один интер-

вал листки, которые я получил при раздаче копий научного труда, вызвали любопытство, и я, не откладывая, взялся за чтение. Вначале смысл рассуждений сводился к тому, что, если согласиться с Ньютоном, то какой-то из параметров, то ли масса, то ли ускорение (теперь уже точно не помню), станут катастрофически, беспредельно нарастать. Будто бы через несколько мгновений мощность белой мухи достигнет мощности слона, кита и т.д. Зоологические эти сравнения забавляли. Что подразумевает Петр Арсентьевич под белой мухой? И почему ему понравились именно слон и кит? Было отчего ненадолго заразиться весельем.

Язык трактата был далек от академизма. Он изобилывал нагромождением сложноподчиненных предложений, а местами становился попросту неграмотным. Но по мере того, как я вчитывался в текст, скептическая моя ирония пошла на убыль. Я ощутил самобытность автора. На простых примерах он рисовал образную картину физического мира. Появилось чувство, что пространство между неуклюжими строчками переходит в мыслительную глубину, за которой непременно должно следовать открытие. Открытие, может быть, в себе, для себя, но тем не менее — открытие. Я понял, что держу в руках результат продолжительной «мозговой атаки». Сколько длилась она? Месяц, год, целую жизнь?

Веселиться над досужими домыслами трактата мне расхотелось, и я не участвовал в разговоре товарищей, которые долго еще, посмеиваясь, обсуждали несерьезную ересь «концепции» курьезного старца.

После этого старик еще два или три раза промелькнул в коридорах общаги, но воспринимался уже не как мыслитель, развенчавший ложную суть фундаментального закона, а как назойливый, не до конца вменяемый и порядком надоевший визитер. Потом он исчез надолго.

Вновь этот странный человек напомнил о себе весной, появившись внезапно в конце апреля в нашей большой комнате общежития, в которой жили почти 20 второкурсников политеха — разношерстная, не очень воспитанная публика.

- Добрый день, молодые люди! — поздоровался он, входя (в руках Петр Арсентьевич держал плетеную авоську и пачку каких-то брошюр). — Знакомы ли вы с моей научной работой?

- Знакомы... — вяло подтвердили те, кому было не лень говорить.

- И каковы мнения?

На этот раз ответом ему послужило молчание. Да и какие могут быть мнения, когда неясен предмет разговора? Наступила долгая пауза. Скороглядов понял, что интерес к нему у студентов заметно убавился, если не исчез совсем. Чтобы сгладить неловкость, он заговорил сам:

- Я хочу познакомиться со своей концепцией как можно больше людей. Тогда, возможно, я получу поддержку, — поделился он благими намерениями. Старик с готовностью достал из авоськи стопку машинописных листов — свой «научный трактат». Но никто не выразил готовности взять у него хотя бы один экземпляр.

- Ничего, когда окончательно потеплеет, я выйду на улицы. Буду читать свою лекцию в скверах, парках... - бодро произнес гость.

- Да Вы садитесь, - придвинул к нему стул самый гостеприимный из нас.

Скороглядов охотно опустился на сиденье.

- Я уже читал лекцию студентам в университете, - похвастался он. - Преподаватель где-то задержался, я вошел в аудиторию и начал излагать.

- И как Вас встретили? - поинтересовался кто-то.

- О, меня там встретили бурной овацией. Не хотели отпускать, даже когда появился преподаватель. Я был и у вас в политехническом... Вызвал такой же восторг у ваших товарищей. (Что восторг - это естественно, не каждый день балуют нас бесплатными развлечениями).

Помолчали еще... беседа явно не складывалась. Вокруг самостоятельного ученого образовалась пустота. Те из парней, которые худо-бедно поддерживали разговор, разбрелись по койкам и кто сидя, кто лежа принялись листать конспекты: не за горами сессия.

Старику, по всей вероятности, не хотелось уходить. Может, он тяготился одиночеством, может, испытывал потребность поговорить или же просто устал на весеннем солнце. Усевшись поудобнее, Петр Арсентьевич развернул свои брошюры. Это были научно-популярные издания по физике и математике.

- Вот купил, - доверительно сообщил он. - Я люблю популярную литературу. Она расширяет кругозор.

Старик достал из футляра очки, надел их и углубился в чтение.

- У нас не изба-читальня!.. - вполголоса сказал Юра Фроловнин. Скороглядов предпочел сделать вид, что не расслышал.

Кем, в самом деле, он был по профессии? Чем занимался? Узкая и жесткая щеточка усов над губой, пристальный прищур глаз сквозь очки: взгляд внимательный, характерный для немолодого, умудренного возрастом человека.

Вошел комендант общежития, тоже пожилой человек с наградными планками на пиджаке, с простым лицом и с далеко не простыми повадками.

- Вы почему здесь находитесь, гражданин? - строго и официально спросил он.

- Я пришел побеседовать с молодежью о науке.

- Сюда не может приходить всякий, кому вздумается.

- Я не всякий! - самолюбиво вскинул подбородок возмущенный бестактностью коменданта гражданин.

- Во всяком случае, Вы - посторонний. А у нас посторонним вход воспрещен!

- Так, стало быть, нельзя?

- Нельзя! - сухо и твердо отрезал комендант. Он цепко и немигаючи, не отрываясь, смотрел на непрошеного гостя.

- Хорошо, я уйду.

Старик поднялся, обиженный, тщедушный, в вытертом драповом пальто и кепке, с воспаленными то ли от бессонницы, то ли от непомерного чтения глазами. Но уходил он гордо, с высоко поднятой головой, мужественно унося с собой обиду. У двери сказал: "Джордано Бруно сожгли на костре, а меня просто выгоняют из помещения..."

Сегодня я часто вспоминаю этого старика. Мне жаль его. Он жил в плену навязчивой идеи, совершая нелепые и безрассудные поступки. Но... может быть, навязчивых идей не существует, и нет достойного жалости фанатизма, а есть лишь пылкое движение человеческой мысли, которое нельзя остановить, светоч разума, за который Джордано Бруно сожгли на костре, а Скороглядова прогнали из студенческого общежития?!

Из читательской почты

Булгаков и Турбины - однофамильцы?

Интересная догадка

Герои Булгакова всегда носят очень выразительные имена, прозвища и фамилии. Вспомним таких героев, как «веселый демон» Бегемот, Гелла, завораживающий Воланд, претенциозный Римский, вульгарно-неблагозвучный Варенуха. Поистине, Михаил Булгаков был большим мастером давать имена и прозвища своим героям и обладал удивительным талантом передавать стилистику образа в звучании его имени.

Но у каждого булгаковского романа - своя особая судьба. Фантастические имена героев «Мастера и Маргариты», звучащие в этом романе так естественно, были бы не на месте в «Белой гвардии» или в «Собачьем сердце».

В «Белой гвардии» имена и фамилии вполне обычные. Турбины, Мышлаевский и многие другие - все они звучат весьма привычно, хотя и в них есть своя особая музыка, передающая эмоционально-душевную и эстетическую атмосферу романа.

Более того, некоторые фамилии не так просты, как кажутся на первый взгляд. Странно, что никому до сих пор не пришло в голову, что встречается в «Белой гвардии» и фамилия самого автора. Казалось бы, парадокс. Но «Белая гвардия» - роман о любимом городе Булгакова, он проникнут автобиографическими деталями и мотивами. Не удивительно, что писатель «зашифровал» в романе и свою собственную фамилию. Разгадка проста. Известно, что фамилия Булгаков имеет тюркское происхождение и означает - «беспокойный». (Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М., 1993. - с. 21: «Основа этой фамилии - широко распространенное слово булга - «шум, беспокойство, тревога, переполох, суматоха, ссора, скандал».)

Однако Булгаков по вполне понятным причинам пытается найти украинский «эквивалент» тюркской основе своей фамилии. По-украински «беспокойство», «хлопоты» звучит как «турба» (Словарь украинської мови. т. IV. Київ, 1996. - с. 295).

Из этого следует, что Булгаков был далеко не равнодушен как к вопросу о происхождении своей фамилии, так и к проблеме своего личного, так сказать, «биографического» присутствия в романе.

Дарья Мельник

ГороДорог

Мой город. Место пересечения моих путей. География чувств. Средоточие необъяснимого времени отношений. Пространство тел моих смыслов. Еще одна моя кожа, такая же тонкая и являющая вечные жилы. Мой город! Твое сердце, что так бьется порою под моими шагами, — это моя любовь к тебе...

Город дорог. Дорог в нем очень много. Это не только определяемые каждая своим именем улицы, маршруты и векторы перемещений людей. В нем есть еще сами собой установившиеся дороги, дороги-пути, зависящие от требовательного внутреннего смысла. Есть “дорога на работу”, мысленно продолжаемая к цели и спотыкающаяся о результат. Она начинается с утра, когда мы уже “двигаемся” к тому, что нужно сделать сегодня, и “погружение” в транспорт — лишь ее необходимая механическая часть. Есть “дорога домой”. Ее маршрут не имеет значения, как бы далеко от дома мы ни находились, он имеет только одно направление, и с каждой остановкой город роднеет: становится близким. Есть дорога “в центр”; отправиться “в центр”; — значит посетить центральные городские магазины, пройти по улице Гончарова, оснащенной разнокалиберными витринами, заглянуть в забегаловки, может быть, выпить дорогой отвратительный кофе, зайти в разные “конторы”, ощутить какую-то “деловую деятельность”. У меня есть еще “дорога в музыкальную школу”, она самая радостная и заполненная, потому что я ее “совершаю” с моей дочерью; это — всегда событие. Есть “дорога к родителям”, она всегда полна долга, полна воспоминаний, полна нравственных забот. Это дорога души. Она означает, что в конце пути тебя ожидает любовь и понимание. На эти дороги делит нашу жизнь язык, тот язык, которым мы пытаемся уловить друг друга...

У нас в городе, почти в центре, есть парк. Это парк Матросова. Он — живой. Там постоянно смешивается беспорядок, наводимый ухаживальщиками, с чуткой душой парка. Он не очень большой и, к своему несчастью, сквозной. Через него все время люди несут себя, в нем всегда кто-то есть. И редко-редко, в самую непогоду, там можно ощутить удивительную его усталость; деревья, охраняющие это место, слушают одиночество, доверяют друг другу свои ластыевые слова.

Парк — это не просто механическая сумма деревьев, качелей, лавок, дряблого фонтана и асфальтовых вен. Парк — это нечто, что чувствуешь, входя в него. Когда идет дождь, слышно, сквозь слезы — сверху — сквозит еще чья-то печаль, льющаяся с ветвей или поднимающаяся снизу, от травы, от земли, от земляной груди. Парк — место, награжденное собственной душой, и эта душа добра: она сберегает солнечные капли и поит ими внутренний свет...

Артерия города — улица Гончарова, носящая одно из русских имен и отторгающая его своим содержанием. Как и любое скопление домов, асфальта, машин и людей, эта городская артерия несет в себе коммерческие, информационные, эстетические, культурные и другие потоки. Эта прекрасная, длинная, плавная улица, несущаяся вниз, к обелиску и все еще простирающаяся над небольшим обрывом, — осовременена всевозможными заведениями, обратившими размазанные пустые глаза на ее хрупкое, молчаливое тело...

Иногда я вылавливаю в моем городе незнакомые дороги странствий. Я странствую по моему городу. В эти

минуты-часы я нахожу себе новые места. Может быть, они находят меня. Они всегда просты и прекрасны. Рябиновая аллея. В самой глубине ленинского заповедника. Тихая, печальная улица, которой не хватает дыхания, — рука, лежащая между базарно-крикливой улицей Карла Маркса и многоэтажной, высокомерной улицей Островского. Густые закоулки улицы Богдана Хмельницкого, похожие на пещеры. Эти местечки складываются в причудливую топографию, заворачивающую свои границы в душу. У каждого из живущих в этом городе — свой Ульяновск. Легко узнаваемый и ведомый памятью, прихотью, привычкой...

В Ульяновске есть красивое, символическое место. Это — Венец, продолговатый парк с аккуратными аллеями на возвышении, откуда взгляд падает далеко, к самой Волге. Весенний, этот парк зачаровывает. Он изыскан, в нем нет тайн, — он слишком эстетичен. Это парк светский, место для возвышенных бесед, сдержанных впечатлений и прикрытого одиночества. Весною можно спуститься по аллее, ближе к филармонии, и утонуть в магии соловьев.

Но это красивое и строгое место за последние несколько лет молодые жители успели превратить в самое значимое. Теперь парк, как давно немый сосуд, отдает устойчивым запахом пива, нечистыми разговорами и мутностью манер. Теперь я хожу туда редко. Хожу не в логовище душевного смрада, а в тот парк, каким я его люблю, и тогда я сквозь хаос языка слышу бьющийся наружу ручей его смысла...

В моем городе надо покрепче надевать свое настроение, — его может унести ветер. Симбирск — город ветров. Ветры здесь разные, удивительные, очень характерные. Без них город бы осиротел. Они питают его, наполняют его движением; они — кровь его организма. Ветры живут везде. В каждой улице есть ветер, носящий свое имя, обладающий своей капризностью и своим голосом. Иногда они забредают в какое-нибудь неподходящее место и подолгу обживают его. Маленькие и избалованные ветерки селятся иногда на деревьях, выбирая в соседней птице. Бывало, что какой-нибудь усталый ветер оседает рядом с окном и постукивает в стекло, и шепчет. Ветры почему-то очень любят прятаться за углами. Они не злы, конечно, и город разрешает им играть, как только заблагорассудится. В городе у них трудное предназначение: им необходимо носить в себе звуки, запахи, образы, связки движений, колодцы эха, вести. Поэтому они внимательны, хотя и любопытны. Они склонны к пению, и городу приходится регулярно настраивать их струны, уступая их просьбам. Редко это бывает, но какой-нибудь старый-старый ветер вдруг умирает, и тогда он отдает другому, — покрепче, — свой голос. Музыка отовсюду...

Иногда происходят странные вещи. Люди калечат красоту. Уродуются Красота отношений, чувств, движений, души; города. Когда-то в Симбирске-Ульяновске было много храмов... Не так давно скоростным ходом отстроили несколько своеобразных церквей в разных районах города. Мой город сейчас набожен. А я очень хочу верить в то, что он — верует. Каждый идет в храм за собственной красотой. И боится ее. И гонит прочь, в глубины молчания.

Мой город в стольких оболочках! Но в моем отношении — он наг, такой, какой есть, и я прощаю безумным порывом, безудержно кроющим ему новые платья...

Грушинскому фестивалю 30 лет

Творящие историю

Фото В. Никитина, А. Жданова, Б. Арсанцева, Л. Хлебниковой, В. Королева

Теперь он рисует пейзажи

Родной край... Сколько душевной теплоты, нежной и преданной любви к нему храним мы в наших сердцах! Мы гордимся не только настоящим краем, но и его прошлым, интерес к которому с каждым годом становится все более пристальным и глубоким. Истинными же краеведами становятся только неутомимые и увлеченные люди. Николай Анатольевич Кузминский в истории симбирского краеведения, несомненно, личность уникальная. В марте 2003 года известный в Ульяновске историк и педагог отметил свой юбилей. К своему 80-летию Николай Анатольевич подошел, не утратив творческого потенциала, не растеряв обаяния и жизнелюбия.

Николай Кузминский родился и вырос на Украине. Вместе с товарищами любил ходить в многодневные туристические походы по историческим местам, узнавать о быте, нравах жителей.

В 1940-м году семья Кузминских переехала с Украины в Алтайский край. А вскоре началась война... Николай воевал под Москвой, в Сталинграде, на Курской дуге. В 1944 году получил ранение и попал в Мелекесский госпиталь — так оказался на Симбирской земле, которая и стала его второй родиной.

«Меня привлекла древняя история края, близость Волги, широта волжских просторов, — вспоминает Николай Анатольевич. — Так я остался... Сначала работал военруком во второй средней женской школе. Потом — инспектором военной подготовки областного управления трудовых резервов. Но с окончанием войны эта должность была ликвидирована — военную подготовку отменили в школах. Меня пригласили художественным руководителем районного Дома культуры в Майне. А затем я перешел в школу...»

Учителем Николай Анатольевич проработал 24 года. В послевоенные годы стал едва ли не первым краеведом среди школьных учителей. «Нельзя понять историю Отечества без знания прошлого малой родины, без изучения той территории, на которой жили деды и прадеды», — говорил своим ученикам Николай Анатольевич. Ребята любили его занятия, увлекались краеведческими исследованиями, каждое лето вместе с педагогом отправлялись в пешие походы и экскурсии.

«Мы с ребятами всю Волгу обошли! — рассказывает Николай Анатольевич. — Исследования на местности — это кропотливый труд. Любая крупница знаний представляет

ценность для краеведа. Мы беседовали со старожилами, записывали легенды и предания о возникновении сел и деревень, проводили археологические раскопки».

На основе этого богатейшего материала создавались школьные краеведческие музеи. Под руководством Николая Анатольевича Кузминского подобные музеи были созданы в пяти школах области.

До настоящего времени сохранился музей в Усолье (теперь филиал Самарского областного музея). Усольская школа в 70-80-х годах XIX века создавалась еще при участии И. Н. Ульянова. Специально для этого было построено деревянное здание. В таком виде школа просуществовала вплоть до 1960-х годов.

Когда Николай Анатольевич Кузминский был назначен директором школы в Усолье, то первым делом поставил вопрос о возведении нового корпуса. Было построено каменное двухэтажное здание, а деревянную постройку превратили в музей истории села. Были восстановлены классные комнаты, квартира учителя, библиотека — словом, вся историческая атмосфера конца XIX века.

С 1971 года Николай Анатольевич преподавал в Ульяновском педагогическом институте на кафедре истории СССР. Началась серьезная и плодотворная краеведческая деятельность. Среди научных трудов Николая Анатольевича множество работ по истории Жигулей — того места, с которого началось расселение дальше по Волге; богатейшие материалы, связанные с графами Орловыми-Давыдовыми.

Николай Анатольевич привлекал студентов к изучению тех сел Ульяновской области, чья многовековая история оставалась без внимания. Тогда и возникла идея создания справочника по истории края, состоящего из двух

разделов. Первый — посвященный памятникам и памятным местам Ульяновска, второй — наиболее интересным деревням, поселкам, селам и городам области.

«Сложность работы заключалась в том, что территория края была изучена крайне неравномерно. И не оттого, что в области мало замечательных мест, — просто мы их пока не знаем. Каждый хранит в памяти определенные сведения по истории родного города или села. Собранные воедино и выверенные по архивным источникам, они могли бы стать достоянием широких читательских масс. Нас интересовала любая информация: рассказы о крестьянских бунтах времен крепостного права, факты, связанные с гражданской войной, фотографии участников событий, снимки старинных архитектурных сооружений, построенных в XVIII—XIX веках, и сохранившихся до наших дней фабричных зданий, мельниц, дореволюционных кузниц, бывших барских усадеб и даже церквей и мечетей. Хотелось собрать сведения о местных старинных народных промыслах, дополнив материал подлинными образцами художественно-прикладного искусства... Но все наши планы оборвались с началом перестройки...»

На заслуженном отдыхе Николай Анатольевич нашел себе другое, не менее плодотворное занятие — он увлекается живописью, рисует волжские пейзажи, леса, заливы, просторы полей... Окончить Художественный институт имени Сурикова, в который он поступил после войны, ему так и не удалось... Но увлечение осталось до сих пор. Картины его выставлялись в Германии, Франции, Соединенных штатах, а 20 июня 2003 года в Ульяновске состоялась долгожданная персональная выставка Николая Кузминского.

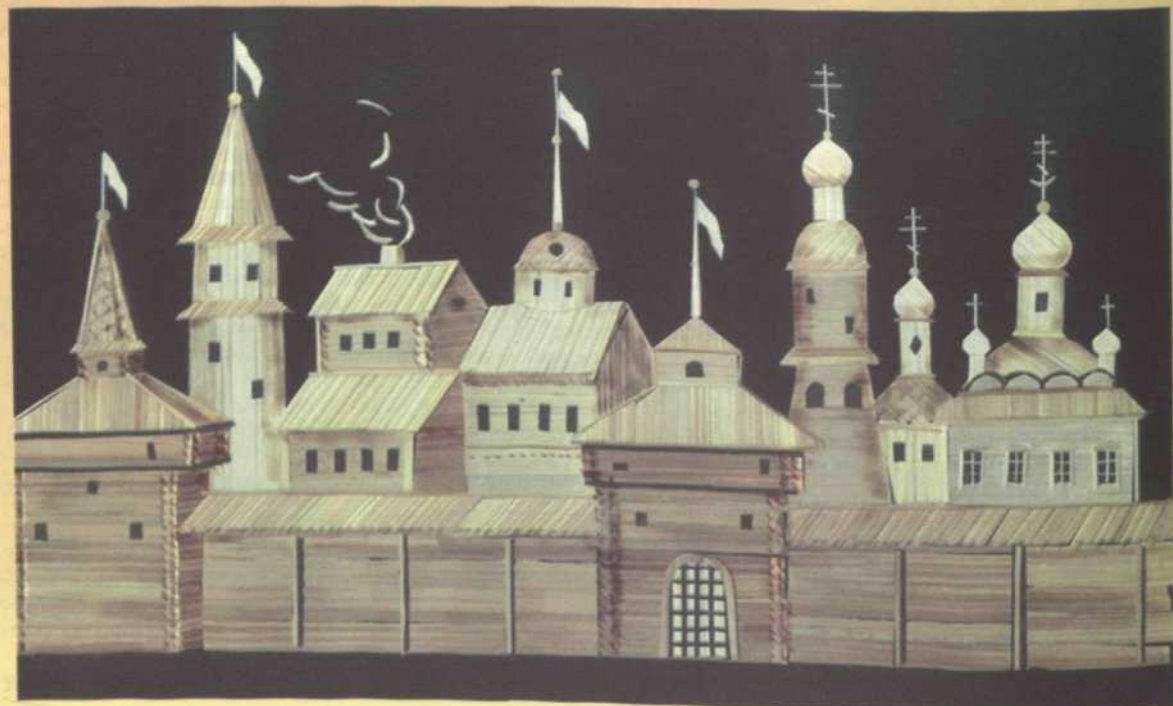
Олеся Иваненкова

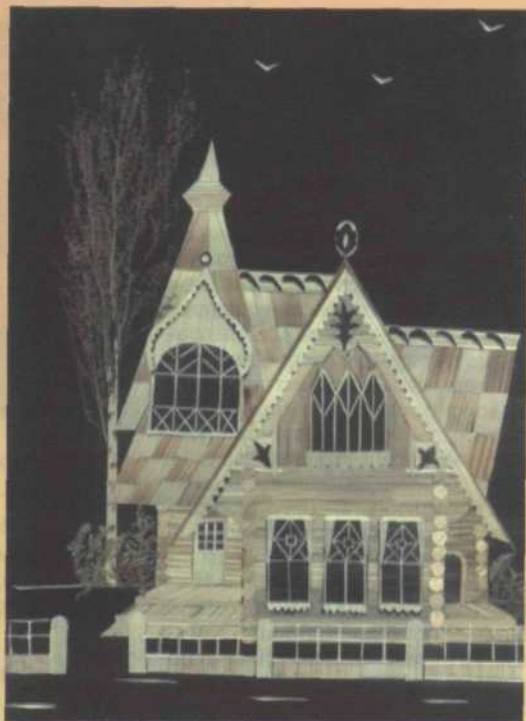
Солнечный город

Творит тот, кто влюблен. Антонина Андреевна Петрова любит мужа, Владимира Михайловича, с которым справила уже золотую свадьбу, любит сына, внучку, всех бывших учеников, а также подруг – с ними ее связывает полувековая дружба. А еще она любит свой город и делится этой пламенной любовью со своими земляками: смотрите, какой он солнечный, волшебный, неповторимый!

Кропотливо, вдохновенно воссоздает Антонина Андреевна облик старого Симбирска и современного Ульяновска: золото соломы ложится на черный бархат и сверкает, пропитанное солнечными лучами, любовью рук человеческих, запахом хлеба и доброй энергетикой.

Искусство Антонины Петровой – это и цветочные композиции, и храмы России (к ним она особенно неравнодушна), и летящие парусники, и любимые уголки родного города. Солидная коллекция ее работ не раз была представлена на городских выставках и всегда вызывала восхищение зрителей. «Вы творите чудеса! – читаем один из восторженных отзывов. – Глядя на эти работы, согреваешься душой, забываешь о печалях».

Творчество, идущее от сердца, – всегда чудо, потому что оно имеет удивительную способность зажигать сердца окружающих людей и освещает нашу жизнь солнечным светом.

Еще недавно между подъездом девятиэтажки и улицы оставался неприглядный участок земли, а ныне прохожие невольно останавливаются, пораженные зеленой роскошью. Невозможно пройти равнодушно мимо этой сказочной красоты.

За нарядной, очень яркой оградой уютно разместился мини-сад. Среди деревьев и кустарников нашли уют маленькие пушистые елочки, живописно раскинулись цветочные клумбы. Их окружили скамейки, нарядная беседка, аккуратные дорожки. И все ухожено, одухотворено людской заботой, хотя участок – всего лишь часть улицы. Что же это за сказочный рай?

Чудесное преображение началось после избрания председателем Совета дома Сергея Ивановича Гордиенко: соседи были наслышаны, как много сделал Сергей Иванович для дома № 13, в котором жил раньше, по улице Станкостроителей. Тот дом с «несчастливым» номером был признан образцовым, а дворик превратился в настоящую зону отдыха, особенно для детей. Двор населили качели-карусели, бравые деревянные солдаты и даже пушки, а чистота такая, что можно босиком по песочку бегать. Однако добиться всего этого было нелегко: находилось немало любителей вытоптать газоны, сломать изгородь, намусорить. Для таких специально устанавливали щиты с надписью: «Ослиная тропа». Помогло!

На новом месте, на улице Камышинской, благоустройством двора занимались дружно, целыми семьями: дети, родители, старики. Всех сумел зажечь своим энтузиазмом Сергей Иванович. А супруга его, Клавдия Ильинична, выступила в роли главного цветовода. Она заботливо выращивала рассаду цветов на подоконниках своей квартиры, чтобы с первым теплом перенести ее в общественный сад.

Так дом № 30 по Камышинской улице стал победителем в конкурсе «Город начинается со двора», который проводился отделом по эколо-

Не место красит человека, а человек – место. Мы вновь убедились в справедливости этой поговорки, побывав в Засвияжском районе у дома № 30 по улице Камышинской.

Рукотворный рай

гии и природным ресурсам мэрии Ульяновска. Председателю Совета дома С.И. Гордиенко мэр вручил грамоту, а молодым активным помощникам администрация Засвияжского района преподнесла грамоты и подарки.

Узнали про замечательный дворик и в других городах страны, стали присылать Сергею Ивановичу письма с просьбой рассказать, как ему удалось осуществить такое полезное дело.

К нынешней весне дом № 30 готовился загодя. На общем собрании соседи обсудили, как обустроить свой двор к 355-й годовщине Симбирска-Ульяновска. Обновили цветники, посадили вечнозеленые туи, покрасили изгородь. Выложили из белого кирпича клумбу в виде сердца и сделали надписи: «XXI век» и «355».

Немало приходится трудиться жильцам образцового дома, чтобы искоренить лень, бескультурье, варварство. На месте елочки, которая росла возле подъезда, висит ледяная сердце надпись, обличающая дикарей, которые срубили под Новый год зеленую красавицу. Однако чаще здесь появляются плакаты с добрыми пожеланиями в адрес соседей, с поздравлениями в честь какого-нибудь праздника. Люди, населяющие этот дом, не только дружно работают, но и отдыхают вместе, а в праздники радуют детвору сладкими подарками.

Ранним утром, когда жильцы дома еще спят, Сергей Иванович поливает клумбы, деревья, кустарники. Откуда же на все эти добрые дела берется у него силы? И возраст у Гордиенко солидный, и болезни одолевают (он инвалид 2-й группы). Но любит человек город, в котором прожил более сорока лет, и старается сделать все, чтобы землякам жилось уютно и радостно.

Как часто сетуем мы на грязь и беспорядок вокруг, но, оказывается, можно просто навести порядок в доме, в котором живешь.

Галина Федоренко

Фото В. Никитина

Итоги викторины

Журнал «Мономах» и Центральная городская библиотека им. И.А. Гончарова подвели итоги викторины, посвященной юбилею города (см. «Мономах» № 1-2003). Не все участники конкурса справились с заданием. Предлагаем вниманию читателей правильные ответы.

1. Симбирск – Синбирск.
2. Михаил Федорович Суперанский. «Симбирск и его прошлое».
3. Михаил Васильевич Лебедев (1821-1901).
4. Речь идет о Н.М. Карамзине. Благословенный – император Александр (1777-1825). Автор стихов Д.П. Ознобишин.
5. Александра Андреевна Воейкова, урожд. Протасова (1795-1829).
6. Денис Васильевич Давыдов. За стихотворение «Д.В. Давыдову».
7. Дмитрий Петрович Ознобишин. Делибюрадер.
8. И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада». Капитан И.С. Унковский.
9. Симбирский губернатор Константин Сократович Старынкевич. Умер от ран 23.09.1906 г.
10. А.А. Пластов. «Фашист пролетел».
11. Александр Федорович Керенский.
12. Федор Иванович Панферов.
13. Николай Николаевич Благов в 1983 году за сборник стихов «Поклонная гора» удостоен Государственной премии России.
14. В номинации «Театральное искусство» лауреатами Государственной премии РФ стали: Ю.С. Копылов, С.С. Шавловский, Б.В. Александров, В.С. Шейман, К.И. Шадько.

1 место получила работа **Валентины Степановны Тихоновой** из Новоульяновска. Она прислала на конкурс иллюстрированный рукописный альбом с подробными и правильными ответами на все вопросы викторины. В сопроводительном письме Валентина Степановна пишет: «Вопросы были сложные, мне пришлось много потрудиться. В нашей трудной теперешней жизни эта викторина отвлекла меня от всех моих проблем. Мне было очень интересно...».

2 место присуждено двум авторам: **Светлане Ивановне Шмеркиной** из Ульяновска и **Людмиле Ивановне Мердеевой** из с. Кротовка Ульяновского района. В своем письме Людмила Ивановна признается: «Люблю свой край, людей, живущих на ульяновской земле. Куда бы я ни поехала, где бы ни была, но край, где жили мои предки, родители, всегда возвращает меня домой. Без родных мест я просто задыхаюсь».

3 место разделили между собой две коллективные работы. Одна из них выполнена учащимися 8 В класса средней школы № 46 г. Ульяновска (авторы: **Гаранина Евгения, Мамедова Эльмира, Промахин Алексей**, руководитель литературно-краеведческого музея Кулакова Д.Р., классный руководитель Чистопольская Г.П.). Другая работа выполнена учащимися **Инзенской средней школы № 3** имени Д.П. Ознобишина.

Поощрительный приз получит **Ильдемиркина Инна**, ст. Сахча Мелекесского района.

Награждение состоится в декабре 2003 года на празднике «В кругу друзей «Мономах»».

Николай Благов

Свяга

Свяга-речка ласточкою вьется.
 Легки наносы-крылья из песка.
 В глуши полей откуда-то возьмется,
 Проглянет сквозь сощуры тростника.
 Колдует и нашептывает омут.
 Барахтаясь, ползет из камышей.
 Не бьль. Не сказка. Одевает в дрему.
 А все же что-то светится в душе...
 Кувшинка вьет гнездо из тины.
 Шмель загудит, как будто в борозде.
 Покачиваясь на ногах утиных,
 Гуськом идут мать-мачехи к воде,
 И слышно: бьется чье-то сердце рядом,
 Земля, откройся! Я к тебе приник.
 Горя, как жар, просвечивают клады
 Сквозь солнцем опечатанный родник.
 А из лесу одна спешит к Свяге
 Аленушка, кидая след босой,
 Садится у воды с плетеной ягод,
 Кручинится, обвив себя косой.
 Окликну – взглядом просинелью встретит,
 Окликну – и далеко загляну,
 Не помня больше ничего на свете,
 В глаза ее – лесную глубину.
 Но сгинула зашептанный небель:
 Уже не шмель, зудящее сверло, -
 С арбузным звоном расколосло небо,
 Впуская реактивное крыло.
 Летит, летит стрела – посланец света,
 Трескучий прожигая оком.
 Остался еле слышный гул.
 Но это
 Гудит тальник, набитый комарьем.

Ульяновск не забывает выдающегося земляка Николая Благова. Заслуженный художник России скульптор Николай Клюев завершил работу над бюстом поэта. Отдел образования Ленинского района выпустил методическое пособие для учителей с разработкой уроков по творчеству Благова в 8-х, 9-х и 11-х классах. Готовится к выпуску книга Жореса Трофимова «Николай Благов: поэт и гражданин».

Автор бюста Н. Благова скульптор Н.Клюев рядом со своей работой

Герб России

Герб Ульяновской области

Музыка Александра Александрова
Слова Сергея Михалкова

Россия – священная наша держава,
Россия – любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава –
Твое достоянье на все времена!

Припев:
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот.
Предками данная мудрость народная
Нас от победы к победе ведет.

От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая –
Хранимая Богом родная земля!
(Припев)

Широкий простор для мечты и для жизни
Грядущие нам открывают года.
Нам силу дает наша верность Отчизне.
Так было, так есть и так будет всегда!
(Припев)

Флаг Ульяновской области

Герб Ульяновска 1997 г.

Флаг Ульяновска

№3 (34) 2003

(выходит четыре раза в год)

Главный редактор**О. Г. Шейпак****Зам. главного редактора**

Л.В. Маврина

Редакционная коллегия:

Л.С. Янушевская

(выпускающий редактор)

Л.А. Хлебникова

(художественный редактор)

О.В. Иваненкова

В.М. Гаврилов

Н.Ю. Рачкова

Редакционный совет:

В.Н. Егоров

(председатель)

А.Ф. Гарина

Т.Ф. Верещагина

О.Е. Бородина

В.А. Перфилов

Е.Н. Сергеева

Л.Н. Нецветаев

Р.Г. Азбукин

А.С. Сьгин

А.В. Зинин

Учредители:

Управление по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций администрации Ульяновской
области;

ОГУ "Редакция "Народная газета"

Адрес редакции: 432011, Ульяновск,
а/я 9826 (пл. 100-летия В.И. Ленина, 1,
Мемцентр).

Тел: 39-49-31.

Издание зарегистрировано

Поволжским межрегиональным

территориальным управлением

(г. Самара) 06.06.02, рег. ПИ № 7-1393.

Подписано в печать 23.06.03 г.

Формат 60x84 1/8;

усл. печатных листов 7,44

Тираж 2000 экз.

Заказ № 2035

Набор и верстка заказчика.

Вывод цветных фотоформ

ГУП "Печатный двор".

Печать офсетная.

Областная типография

"Печатный двор",

ул. Пушкирева, 27.

Подписной индекс 73844

Подписаться на журнал "Мономах"
можно в любом отделении связи

<i>С днем рождения, Ульяновск</i>	
В. Егоров. Потаенное слово о граде	3
<i>Исторические гипотезы</i>	
А. Лобин. Когда же основан Симбирск	6
Ю. Мельников. Надежная опора	6
В. Латанова. Иван - брат названный	8
<i>Вдогонку за временем</i>	
В. Гуркин. Тайны старой тетради	12
Н. Костин. Симбирские губернаторы	14
Н. Гердт. Лучи света	16
Н. Дроголюб. Дела давно минувших дней ..	18
А. Шабалкин. Дело священника	20
В. Обушинский.	
"Памятник разрушается навечно"?	24
А. Кузнецов. Старый Симбирск	25
<i>Любя Отечество</i>	
С. Иванов. Символика настоящего	22
Ж. Трофимов.	
Жуковский - Пушкин - Языков	26
Добрый ангел, храни мой город	28
А. Кузнецов. Великое начало	30
Вернувшиеся из небытия	31
О. Иваненкова. Теперь он рисует пейзажи ..	59
<i>355 лет Симбирску-Ульяновску</i>	
В. Филимонов. С надеждой на возрождение	34
Взгляд издалека	35
Н. Артемьева, О. Шейпак.	
С визитом в старинный флигель	36
Город знакомый и незнакомый	38
Л. Ершова. Венец - жизнь моя	40
Н. Раков, Н. Старшова.	
Симфония шелеста листвы	42
О. Иваненкова. Царство, которое потеряли	43
Итоги викторины	63
<i>Литературный ковчег</i>	
Т. Громова. Любимая	45
Изгнанник. Весна	46
Г. Сорокина. Катя-хулиганка	48
Н. Яценко. Маленький принц	51
В. Мельник. Юродивая	52
Т. Беркутова. Голод	53
В. Свиридов. Второй закон Ньютона	54
Д. Мельник. Булгаков и Турбины	55
О. Козина. Город Дорog	56
Н. Благов. Свяига	63
<i>Прекрасное - рядом</i>	
А. Жданов. Фотовернисаж	57
А. Петрова. Солнечный город	60
Г. Федоренко. Рукотворный рай	62

Наши почитатели:

KD

